ЛЕВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДМИТРИЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ
ВОСПОМИНАНИЯ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1995

Л. А. Дмитриев. 1986 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ
ВОСПОМИНАНИЯ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1995

Книга посвящена выдающемуся специалисту по истории литературы Древней Руси, сотруднику Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, члену-корреспонденту Российской Академии наук Л. А. Дмитриеву (1921—1993). Сборник включает хронологический список трудов Л. А. Дмитриева, статьи об основных направлениях его научной деятельности, воспоминания коллег и друзей ученого, фрагменты из солдатского дневника Л. А. Дмитриева (1939—1942 гг.), наиболее интересную часть его переписки.

ISBN 5-86007-038-1

Хронологический список трудов Льва Александровича Дмитриева

1951

На выставке в литературном музее. (Выставка, посвященная 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве», в Институте литературы АН СССР) // Ленинский путь. Путивль, 26 января.

Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской ССР // Доклады и сообщения Филологического ин-та ЛГУ. Л. Вып. 3. С. 287—290.

Юбилей первого издания «Слова о полку Игореве» (1800—1950) // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 8. С. 415—423.

1952

Слово о полку Игореве / Ред. М. Скрипиль. Л. 308 с. (Библиотека поэта. Большая сер.).

Подгот. текстов; статья: «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры — с. 5—49 (совместно с В. Л. Виноградовой); примеч. — с. 233—305.

1953

Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 9. С. 30—38.

Сказание о Мамаевом побоище. Автореф. канд. дис. Л. 20 с.

1954

О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 10. С. 185—199.

1955

Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 11. С. 140—155.

«Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954 / Сост. Л. А. Дмитриев; Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.; Л. 90 с.

Ред.: Библиография древнерусской повести / Сост. А. А. Назаревский; Ред. Н. К. Гудзий и Л. А. Дмитриев. М.; Л. 192 с.

1957

М. О. Скрипиль. (Некролог) // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 13. С. 721—724.

Список трудов М. О. Скрипиля // Там же. С. 725—730.

Славяно-русские рукописи Отдела редких книг Латвийской гос. библиотеки в Риге // Там же. С. 579—580.
Памяти Михаила Осиповича Скрипиля // ИОЛЯ. Т. 16, вып. 4. С. 386—392.

1958

Повести о житии Михаила Клопского / Отв. ред. И. П. Еремин. М.; Л. 172 с.
Факсимильные издания «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 14. С. 77—82.
Ответ на 7-й вопрос Советского комитета славистов «Какие возникают задачи дальнейшего изучения „Слова о полку Игореве"»? // IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М. С. 31—32; то же // ИОЛЯ. Т. 17, вып. 2. С. 190—191.
Русские повести XV—XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль; Ред. Б. А. Ларин. Л. 488 с.
Подгот. текстов: «Задонщина» — с. 9—15, «Сказание о Мамаевом побоище» — с. 16—38; статьи и примеч.: «Задонщина» — с. 341—348, «Сказание о Мамаевом побоище» — с. 349—365.

1959

Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев; Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М. 512 с. (Сер. «Литературные памятники»).
Подгот. текстов: «Сказание о Мамаевом побоище». Основная редакция — с. 43 — 76, Распространенная редакция — с. 111—162; примеч. к переводу Основной редакции (совместно с М. Н. Тихомировым) — с. 277—287; статьи: К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище — с. 406—448, Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище — с. 449—480, Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище — с. 481—509.
Книга о рукописном отделе Библиотеки Академии наук [Рец. на кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. Вып. 1: XVIII в. М.; Л., 1956. 483 с.; вып. 2: XIX—XX вв. М.; Л., 1958. 398 с.] // Исторический архив. М. Т. 4. С. 231—233.

1960

История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л. 378 с.
Новонайденная повесть XVIII в. «История о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 16. С. 490—505 (совместно с Ю. М. Лотманом).
Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве» [Рец. на ст.: Б. Н. Двинянинов. Принцип трехчленности в плане и композиции «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Тамбовского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1958. Вып. 12. С. 137—172] // Там же. С. 606—610.
Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского // Там же. С. 554—560.
Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // Археографический ежегодник за 1958 г. М. С. 335—349.
Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль; Отв. ред. А. М. Астахова. М.; Л. 320 с. (Сер. «Памятники русского фольклора»).
Подгот. текстов: «История о славном и о храбром богатыре Ильс Мурамце и о Соловье разбойнике» — с. 113—115, [История об Илье Муромце] — с. 129—131; описание рукописей, по которым опубликованы тексты, — с. 271, 277.

1961

Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 17. С. 531—544 (совместно с А. И. Копаневым).

Обсуждение проекта «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве"» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 4. С. 159—163.

Адрианова-Перетц В. П. // СИЭ. М. Т. 1. Стб. 219.

1962

История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве — памятник XII века / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л. С. 406—429.

Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 18. С. 38—49.

Вновь найденное сочинение об Иване Грозном // Там же. С. 374—408.

Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960 г. // Там же. С. 412—419 (совместно с А. И. Копаневым).

Адрианова-Перетц В. П. // КЛЭ. М. Т.1. Стб. 88.

Баркулабовская летопись // СИЭ. М. Т. 2. Стб. 133—134.

Боян // Там же. Стб. 657.

Рец. на кн.: Министерство культуры РСФСР. Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 1. № 1 — № 3005 / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. 524 с. // ИОЛЯ. Т. 21, вып. 4. С. 348—350.

1963

Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 19. С. 215—254.

Великоустюжские летописи // СИЭ. М. Т. 3. Стб. 256.

Витебская летопись // Там же. Стб. 510.

Вологодские летописи // Там же. Стб. 673.

Ред.: ТОДРЛ. Т. 19. Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур / Ред.: Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М.; Л. 456 с.

1964

Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV века // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 20. С. 72—89.

Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 120—138.

Игорь Петрович Еремин. (Некролог) // Там же. С. 418—424.

Задонщина // СИЭ. М. Т. 5. Стб. 595.

Иларион // Там же. Стб. 787.

Задонщина // КЛЭ. М. Т. 2. Стб. 974—975.

1965

Кирик // СИЭ. М. Т. 7. Стб. 280.

Кирилл Туровский // Там же. Стб. 282.

Климент Смолятич // Там же. Стб. 425.

М. Н. Тихомиров. (Некролог) // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 21. С. 397.

1966

Киево-Печерский патерик // КЛЭ. М. Т. 3. Стб. 509—510.

От редакторов // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова» / Ред. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.; Л. С. 3—10 (совместно с Д. С. Лихачевым).

Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // Там же. С. 385—439.

Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 22. С. 239—263.

Памяти Николая Калинниковича Гудзия (1887—1965) // Там же. С. 469—471 (совместно с В. П. Адриановой-Перетц).

Дмитрий Сергеевич Лихачев (к шестидесятилетию со дня рождения) // Русская литература. № 3. С. 233—240 (совместно с В. П. Адриановой-Перетц и Я. С. Лурье).

«Новая» работа о «Слове о полку Игореве» [Рец. на кн.: Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves, t. XXXIV. Quelques données historiques sur le Slovo d'Igor' et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij (1866—1942). Thaduction française et texte russe avec pièces complémentaires et appendice par André Mazon et Michel Laran. Paris, 1965. 176 pp.] // Русская литература. № 2. С. 238—246.

Ред.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова» / Ред.: Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. М.; Л. 620 с.

1967

Слово о полку Игореве / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л. 540 с. (Библиотека поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Статья: «Слово о полку Игореве» и русская литература — с. 69—92; переводы: «Слово о полку Игореве» — с. 57—66 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым), «Задонщина» — с. 378—388 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым), «Слово о погибели Русской земли» — с. 360—362 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым); примеч. — с. 529—536 (совместно с О. В. Твороговым).

По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины"» // Русская литература. № 1. С. 105—121 (совместно с Р. П. Дмитриевой и О. В. Твороговым).

1968

Повесть о разорении Рязани Батыем // СИЭ. М. Т. 11. Стб. 230—231.

1969

«Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. тома Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М. 800 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая; Т. 15).

Подгот. древнерусских текстов и переводы: «Киево-Печерский патерик» — с. 290—324, «Задонщина» — с. 380—397, «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» — с. 404—413, «Житие Михаила Клопского» — с. 414—431, «Повесть о Басарге» — с. 446—453; примеч.: к «Киево-Печерскому патерику» — с. 736—739, к «Задонщине» — с. 747—750, к «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» — с. 751—752, к «Житию Михаила Клопского» — с. 752—754, к «Повести о Басарге» — с. 756.

Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодце и девице // ТОДРЛ. Л. Т. 24. С. 205—209.

От редактора // Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исследование и подгот. текстов М. О. Скрипиля; Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л. С. 3—10.

Сказание о Мамаевом побоище // СИЭ. М. Т. 12. Стб. 940—941.

Труд, побеждающий скептиков: (О книге В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве" и русская литература XI—XIII веков») // Правда. 5 сентября, № 248 (18661). С. 3 (совместно с Д. С. Лихачевым).

Рец. на кн.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и русская литература XI—XIII веков. Л. 200 с. // ИОЛЯ. Т. 28, вып. 4. С. 365—369.

Ред.: Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исследование и подгот. текстов М. О. Скрипиля; Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л. 218 с.

Ред.: П а н ч е н к о А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л. 182 с.

1970

Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л. 596 с.

Гл. VI. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV в.— с. 208—262; гл. VII. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв., раздел III — с. 284—319 («Повесть о Царьграде» совместно с Я. С. Лурье).

Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.) / Отв. ред. В. Г. Базанов. Л. 432 с.

Гл. 2. «Слово о полку Игореве» — с. 36—54.

Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. Л. Т. 25. С. 178—196.

Проблемы изучения севернорусских житий // Пути изучения древнерусской литературы и письменности / Ред.: Д. С. Лихачев, Н. Ф. Дробленкова. Л. С. 65—75.

1971

Автор «Слова о полку Игореве» и анонимные авторы в древнерусской литературе // Русские писатели. Биобиблиографический словарь / Ред. коллегия: Д. С. Лихачев, С. И. Машинский, С. М. Петров, А. И. Ревякин. М. С. 11—18.

Нестор // Там же. С. 36—38.

Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени // ТОДРЛ. Л. Т. 26. С. 50—53.

Н. В. Шарлемань. (Некролог) // Там же. С. 374—378.

Слово о полку Игореве // СИЭ. М. Т. 13. Стб. 69—70.

Скрипиль // КЛЭ. М. Т. 6. Стб. 903—904.

Ред.: ТОДРЛ. Т. 26. Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. / Ред.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.), М. А. Салмина. Л. 384 с.

1972

Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л. Т. 27. С. 181—202.

Отрывок сборника пословиц XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома / Отв. ред. А. М. Панченко. Л. С. 28—56.

Состояние и перспективы изучения книжно-рукописных традиций Заонежья // Там же. С. 330—337.

К спорам о датировке «Слова о полку Игореве» (по поводу статьи Л. Н. Гумилева) // Русская литература. № 1. С. 83—86.

Осторожно — «Слово о полку Игореве»! (Письмо в редакцию) // Там же. С. 246—255 (совместно с О. В. Твороговым).

1973

Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний / Отв. ред. А. М. Панченко. Л. 304 с.

Легендарно-биографические повествования древнего Новгорода. Автореф. докт. дис. Л. 32 с.

Кто с мечом. Три произведения древнерусской литературы XIII—XV веков: Пер. с древнерусского / Консультант акад. Д. С. Лихачев; Сост. А. Д. Шмаринов. М.

Примеч. к «Сказанию о Мамаевом побоище» — с. 85—94 (совместно с М. Н. Тихомировым). Переизд.: М., 1975. С. 116—125.

Литературные судьбы жанра древнерусских житий. (Церковно-служебный канон и сюжетное повествование) // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации / Ред. коллегия: М. П. Алексеев, Д. Ф. Марков, А. Н. Робинсон. М. С. 400—418.

Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Некролог // ИОЛЯ. Т. 32, вып. 1. С. 100—103 (совместно с Н. Дробленковой, Д. Лихачевым, А. Панченко).

Ред.: Р о м о д а н о в с к а я Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы) / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Новосибирск. 172 с.

1 9 7 4

Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л. Т. 28. С. 155—179.

«Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц // Там же. Т. 29. С. 6—11.

1 9 7 5

Стосемидесятипятилетие первого издания «Слова о полку Игореве» // Русская литература. № 4. С. 57—65.

Книге «Слово о полку Игореве» — 175 лет // Неман. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Минск. № 9. С. 162—166.

К вопросу об издании памятников тырновской книжной школы // ИОЛЯ. Т. 34, вып. 2. С. 175—177.

Древнерусская литература (конец 10—17 вв.) // БСЭ. 3-е изд. М. Т. 22. С. 266—267.

Из глубины веков. (К 175-летию первого издания «Слова о полку Игореве») // Литературная газета. 23 июля, № 30. С. 6.

Ред.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л. 264 с.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М. 462 с.

1 9 7 6

175-летие первого издания «Слова о полку Игореве». (Некоторые итоги и задачи изучения «Слова») // ТОДРЛ. Л. Т. 31. С. 3—13.

Два замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // Там же. С. 285—290.

Книга академика В. Н. Перетца «Слово о полку Ігоревім пам'ятка феодальної України-Руси XII віку» (К 50-летию издания) // Там же. С. 344—350.

Проблемы изучения древнерусской литературы // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М. С. 3—23 (совместно с Я. С. Лурье и А. М. Панченко).

Реминисценции «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы // Там же. С. 50—54.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (К 70-летию со дня рождения) // Русская литература. № 4. С. 251—254 (совместно с Я. С. Лурье и А. М. Панченко).

Первые издатели «Слова» // Вестник Академии наук СССР. № 4. С. 97—103.

Нестареющее слово // В мире книг. № 7. С. 85—87.

О первом издании «Слова о полку Игореве».

Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции Великотырновской книжной школы (резюме) // Втори международен симпозиум «Ученици и последователи на Евтимий Търновски» (Резюмета на докладите и научните съобщения). Велико Търново. С. 28.

Резюме доклада, прочитанного на Международном симпозиуме в Велико Тырнове в мае месяце 1976 г.

«Слово о полку Игореве» в интерпретации О. Сулейменова [Рец. на кн.: О. С у л е й м е н о в. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975] // Русская литература. № 1. С. 251—258 (совместно с О. В. Твороговым).

Ред.: ТОДРЛ. Т. 31. «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы / Редколлегия: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.), М. А. Салмина. Л. 404 с.

Ред.(в сост. редкол.): Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции / Редколлегия: М. Б. Храпченко, В. Г. Базанов (отв. ред.), Л. А. Дмитриев, А. М. Панченко, Г. М. Фридлендер, М. А. Салмина. М. 460 с.

Ред. (в сост. редкол.); Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1975. М. 476 с.

1977

Ред.: К у к у ш к и н а М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков / Отв. ред.: С. Н. Валк, Л. А. Дмитриев. Л. 224 с.

Ред.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / 2-е доп. изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов; Отв. ред. Л. А. Дмитриев. М. 488 с. (Сер. «Литературные памятники»).

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1976. М. 406 с.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1977. М. 472 с.

1978

Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI—начало XII века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 464 с.

Подгот. текста и перевод: Сказание о Борисе и Глебе — с. 278—303; коммент. к Сказанию о Борисе и Глебе — с. 451—456.

Ред.: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова; Ред.: В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. Л. Ч. 1 (1958—1962 гг.). 206 с.

1979

«Книга о побоищи Мамая, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия» // ТОДРЛ. Л. Т. 34. С. 61—71.

Тысячелетие русской литературы // Русская литература. № 1. С. 3—13 (совместно с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым).

Обзор изданий памятников древнерусской литературы (1917—1978) // Там же. С. 183—199.

Ред.: ТОДРЛ. Т.34. Куликовская битва и подъем национального самосознания / Редколлегия: О. А. Белоброва, Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.). Л. 414 с.

Ред.: Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. / Сост. Н. Ф. Дробленкова. Ред.: В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев. Л. Ч. 2 (1963—1967 гг.). 278 с.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1978. Л. 510 с.

1980

История русской литературы XI—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М. 462 с.

Гл. 2-я. Литература второй четверти XIII—конца XIII века — с. 142—181; гл. 3-я. Литература начала XIV—третьей четверти XIV века — с. 183—202; гл. 4-я. Литература конца XIV — первой половины XV века — с. 204—247.

Памятники литературы Древней Руси. XII век / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 704 с.

Подгот. текста и перевод: Киево-Печерский патерик — с. 412—623; коммент. к Киево-Печерскому патерику — с. 692—704.

Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси» // Русская литература. № 1. С. 109—120 (совместно с Д. М. Буланиным).

История русской литературы в четырех томах. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века / Ред. тома Д. С. Лихачев и Г. П. Макогоненко. Л. 816 с.

Гл. 3-я. Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237 год—конец XIII века — с. 90—125; гл. 4-я. Литература эпохи русского предвозрождения. XIV—середина XV века — с. 126—184.

Куликовская битва 1380 года в литературных памятниках Древней Руси // Русская литература. № 3. С. 3—29.

Сказание о Мамаевом побоище. Лицевой список конца XVII века / Вступ. статья Л. А. Дмитриева. Л. 28 с. + 19 табл. (Альбом).

Повесть о Куликовской битве. Из Лицевого летописного свода XVI века / Науч. ред. Д. С. Лихачев; Авторы статей Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев; Сост. Л. А. Дмитриев; Пер. с древнерусского О. П. Лихачевой. Л. 196 с.

Статья: Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках — с. 178—182.

Поле Куликово. Сказания о битве на Дону / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост., подгот. текстов, послесловие и примеч. Л. А. Дмитриева; Пер. Л. А. Дмитриева и В. В. Колесова. М. 220 с.

Текст и пер. «Задонщины» — с. 20—49; текст и пер. Краткой летописной повести о Куликовской битве — с. 54—59; текст и пер. Пространной летописной повести о Куликовской битве — с. 64—105; текст Сказания о Мамаевом побоище — с. 111—217; статья: Куликовская битва в памятниках литературы Древней Руси — с. 219—237.

За землю Русскую. Древнерусские повести / Пер., сост., предисл. и примеч. Л. А. Дмитриева. М. 128 с.

Предисл.: Героические страницы древнерусской литературы — с. 6—19; Слово о погибели Русской земли (пер.) — с. 23; Повесть о разорении Рязани Батыем (пер.) — с. 26—41; Сказание о Мамаевом побоище (пер.) — с. 44—93; Задонщина (пер.) — с. 96—111; примеч. — с. 112—125.

На поле Куликовом. Рассказы русских летописей и воинские повести XIII—XV веков. М. 240 с.

Слово о погибели Русской земли (пер.) — с. 91—93; Повесть о Шевкале (пер.) — с. 119—122; О войне и о побоище на реке Воже (пер.) — с. 125—128; Летописная повесть о Мамаевом побоище (пер.) — с. 131—152; Задонщина (пер.) — с. 155—172; предисл. — с. 7—26; коммент. — с. 191—238.

Задонщина / Подгот. текста, пер. и примеч. О. В. Творогова. М.

Статья: Поэтическое слово о Куликовской битве — с. 5—34; Библиография: Тексты и переводы «Задонщины». Исследования — с. 125—138.

Поле славы / Сост. В. В. Колчин. Саратов: Приволж. кн. изд-во

Подгот. текста и пер.: Задонщина — с. 51—61; примеч.: к Сказанию о Мамаевом побоище — с. 214—225 (совместно с М. Н. Тихомировым), к Задонщине — с. 225—228.

Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции великотырновской книжной школы // Търновска книжовна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. Велико Търново, 20—23 мая 1976. София. С. 64—70.

Ред.(в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1979. Л. 488 с.

1 9 8 1

Памятники литературы Древней Руси. XIII век / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 616 с.

Подгот. текста и пер.: Слово о погибели Русской земли — с. 130—131, Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора — с. 228—235; коммент. к Слову о погибели Русской земли — с. 544—546, к Слову о Меркурии Смоленском — с. 560—561, к Сказанию об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора — с. 563—564.

К вопросу об истории открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // Русская литература. № 3. С. 69—75.

Мамаево побоище в памятниках древнерусской литературы // Задонщина (Задонщина. Летописная повесть о побоище на Дону. Сказание о Мамаевом побоище) / Иллюстрации худож. Ильи Глазунова. М. С. 197—242.

Памятники литературы Древней Руси. XIV—середина XV века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 606 с.

Подгот. текста и пер.: «Хождение» Стефана Новгородца — с. 29—41, Повесть о побоище на реке Пьяне — с. 88—91, Повесть о битве на реке Воже — с. 92—95, Задонщина — с. 96—111, Сказание о битве новгородцев с суздальцами — с. 448—453, Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе — с. 454—463, Повесть о Благовещенской церкви — с. 464—467; подгот. текста: Сказание о Мамаевом побоище — с. 132—182 (совместно с В. П. Бударагиным); коммент. к «Хождению» Стефана Новгородца — с. 529—531, к Повести о побоище на реке Пьяне — с. 542—543, к Повести о битве на реке Воже — с. 543—544, к Задонщине — с. 545—549, к Сказанию о Мамаевом побоище — с. 553—559, к Сказанию о битве новгородцев с суздальцами — с. 583—584, к Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе — с. 585, к Повести о Благовещенской церкви — с. 585—586.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1980. Л. 568 с.

1982

Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л. 424 с. (Сер. «Лит. памятники»).

Подгот. текстов: Задонщина — с. 7—13, Краткая летописная повесть — с. 14—15, Пространная летописная повесть — с. 16—24, Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция (совм. с В. П. Бударагиным) — с. 25—48, Сказание о Мамаевом побоище. Распространенная редакция (совм. с. Л. А. Чуркиной) — с. 73—102; переводы: Задонщина — с. 131—137, Краткая летописная повесть — с. 138—139, Пространная летописная повесть — с. 140—148; статья: «Литературная история памятников Куликовского цикла» — с. 306—359; текстологический комментарий (совм. с В. П. Бударагиным, О. П. Лихачевой, Л. А. Чуркиной) — с. 369—378; историко-литературный комментарий (совм. с О. П. Лихачевой) — с. 379—409.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 720 с.

Подгот. текстов и переводы: Повесть о посаднике Добрыне — с. 188—191, Повесть о житии Михаила Клопского — с. 334—349, Рассказ о смерти Пафнутия Боровского — с. 478—513; комментарии: к Повести о посаднике Добрыне — с. 598—599, к Повести о житии Михаила Клопского — с. 618—623, к Рассказу о смерти Пафнутия Боровского — с. 663—667.

Мнение специалиста // Литературная газета. 1 дек., № 48. С. 5.

Археографические экспедиции Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Часть 2. Памятники старинной письменности. М. С. 17—22.

1983

600-летний юбилей Куликовской битвы // Русская литература. № 1. С. 216—234.

«Сказание о некоем молодце, коне и сабле» // ТОДРЛ. Л. Т. 37. С. 305—310.

Слово о полку Игореве / Вступ. статья и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева; Сост., статья и коммент. Л. Дмитриева; Худож. В. А. Фаворский. М. 224 с. (Сер. «Классики и современники. Поэтическая б-ка»).

Переизд.: М., 1985; М., 1987.

Киево-Печерский патерик / Подгот. текста, пер. и примеч. // Повести Древней Руси XI—XII века. Л. С. 428—523 и 568—572.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1981. Л. 512 с.

1984

Памятники литературы Древней Руси. Конец XV—первая половина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 800 с.

Подгот. текста и перевод: Видение хутынского пономаря Тарасия — с. 416—421. Переводы: Повесть о Петре, царевиче ордынском — с. 21—37; Сказание о князьях Вла-

димирских — с. 422—435; Повесть о Петре и Февронии Муромских — с. 627—647; Повесть о рязанском епископе Василии — с. 649—651. Комментарии к Видению хутынского пономаря Тарасия — с. 723—724.

Куликовская битва в древнерусских литературных памятниках // Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI века. Л. С. 329—336 (на с. 382—389 — перевод статьи на англ. яз.).

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1982. Л. 536 с.

1985

Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 565 с.

Перевод Повести о споре жизни и смерти — с. 48—53.

История русской литературы XI—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. 2-е изд., дораб. М. 432 с.

Гл. 2: Литература второй четверти XIII—конца XIII в. — с. 126—158; гл. 3: Литература начала XIV—третьей четверти XIV в.— с. 159—176; гл. 4: Литература конца XIV—первой половины XV в. — с. 177—217.

Слово о полку Игореве / Вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; Реконстр. древнерус. текста и коммент. Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина; Подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Л. 498 с. (Б-ка поэта. Большая сер. 3-е изд.).

Слово о полку Игореве: Альбом / Текст и иллюстр. нарисованы палехским художником Иваном Голиковым; Автор вступ. статьи, перевода на соврем. рус. яз. и коммент. Л. А. Дмитриев. Л. 84 с. (Статья и коммент. в пер. на англ. яз. повторены в изд. этой книги на англ. яз.).

«Слово о полку Игореве» в русской советской поэзии // Русская литература. № 3. С. 16—30 (совм. с А. И. Михайловым).

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л. Т. 39.

Статьи: Тимофей — с. 93—95; Артемия Веркольского житие — с. 190—191; Герасима Вологодского житие — с. 194—195; Дмитрия Прилуцкого житие — с. 195—196; Михаила Клопского житие — с. 218—221; Федора Ярославского житие — с. 232—233; Филиппа Ирапского житие — с. 234.

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л. Т. 40.

Статьи: Писатели и книжники XI—XVII вв.— с. 31—32; Автор «Слова о полку Игореве» — с. 32—42, Боян — с. 47—52, Иван Иванович, царевич — с. 91—92, Иона — с. 103—105, Митуса — с. 135—136, Орь — с. 143—144, Петр Бориславич — с. 150—152, Тучков Василий Михайлович — с. 167—169.

Идейная и художественная сила «Слова» // Коммунист. № 10, июль. С. 54—55.

Некоторые проблемы (изучения «Слова о полку Игореве») // Вопросы литературы. № 9. С. 146—157.

800-летие «Слова о полку Игореве» // Пуналиппу (Петрозаводск). № 12. С. 117—128. На фин. яз.

Воинские повести Древней Руси / Вступ. статья Л. А. Дмитриева; Сост. Н. В. Понырко. Л. 496 с.

Вступ. статья За землю русскую — с. 3—16; подгот. текстов и переводы: Слово о погибели Русской земли — с. 116—119; Повесть о побоище на реке Пьяне — с. 150—154; Повесть о битве на реке Воже — с. 155—158; Задонщина — с. 159—178; Пространная летописная повесть о Куликовской битве — с. 179—202; подгот. текста (совм. с В. П. Бударагиным): Сказание о Мамаевом побоище — с. 203—235; примечания: к Слову о погибели Русской земли — с. 474, к другим перечисленным произведениям — с. 478—485.

Сказание о Борисе и Глебе. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М.

Статья: «Сказание о Борисе и Глебе» — литературный памятник Древней Руси — с. 5—24; транскрипция древнерус. текста, пер. на соврем. рус. яз. и примеч. — с. 25—89.

Испытание «Словом» // Сов. культура. 17 сент. С. 6. (По поводу книги А. Никитина «Точка зрения»).

Славянска културна столица // Антени. Седмичник за политика и култура. София. 13 ноември, № 46 (774). С. 3.
Ред.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск. 384 с.
Ред.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. Исследование и тексты. Л. 232 с.
Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. Л. 536 с.

1 9 8 6

Предисловие // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. С. 3—8.
Исследователь «Слова о полку Игореве» И. П. Еремин // Там же. С. 220—228.
К вопросу о переводе древнерусских текстов на современный русский язык // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван. С. 306—316.
Дмитрий Сергеевич Лихачев — исследователь «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. Слово о полку Игореве. 800 лет. М. С. 27—35 (совм. с О. В. Твороговым).
Слово о полку Игореве. Древнерус. текст. Перевод и переложения. Поэтические вариации / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Статья, сост. и подгот. текста Л. А. Дмитриева; Коммент. Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова. М. 360 с.
Статья «Слово о полку Игореве» и русская художественная литература — с. 105—121; коммент. (совм. с О. В. Твороговым) — с. 317—357.
Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 640 с.
Повести ратной славы Древней Руси / Вступ. статья и сост. Л. А. Дмитриева и В. И. Охотниковой; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Воронеж. 352 с.
Вступ. статья (совм. с В. И. Охотниковой): Повести ратной славы — с. 5—20; подгот. текста и пер. Задонщины — с. 109—127.
К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. № 4. С. 3—24.
Путь ученого (К 80-летию академика Д. С. Лихачева) // ИОЛЯ. Т. 45, № 6. С. 483—492.
К 80-летию академика Д. С. Лихачева // Сов. Россия. 28 нояб., № 274. С. 4.
«Слово о полку Игореве» и Н. М. Карамзин // Слово о полку Игореве. 800 лет. М. С. 205—214.
80-летие академика Д. С. Лихачева // Вопросы истории. № 11. С. 116—121 (совм. с Б. Б. Пиотровским, С. О. Шмидтом, В. Л. Яниным).
Изборник. Повести Древней Руси / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и коммент. Л. А. Дмитриева и Н. В. Понырко. М. 448 с. (Сер. «Классики и современники. Русская классическая литература»).
Переводы: Киево-Печерский патерик (отрывки) — с. 107—130; Слово о погибели Русской земли — с. 134—135; Задонщина — с. 190—199; Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе — с. 208—213; Повесть о Петре и Февронии Муромских Ермолая-Еразма — с. 249—259; комментарии (совм. с Н. В. Понырко) — с. 401—445.
Ред. (совм. с Д. С. Лихачевым и О. В. Твороговым): Исследования «Слова о полку Игореве». Л. 296 с.
Ред. (в сост. редкол.): Слово о полку Игореве. 800 лет / Сост. Л. И. Сазонова. М. 576 с.
Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1984. Л. 560 с.

1 9 8 7

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI—первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.
Статьи: «Автор „Слова о полку Игореве“» — с. 16—32; «Боян» — с. 83—91; «Демьян, галицкий тысяцкий» — с. 116—117; «Домид, псковский священник» — с. 117—119; «Житие Варлаама Хутынского» — с. 138—142; «Житие Феодора Ярославского» — с. 179—181; «Козьма Пскович» (совм. с Е. А. Фет) — с. 228—229; «Митуса, „словутьный певец“» — с. 254—256; «Откровение Мефодия Патарского» — с. 283—285; «Петр Бориславич» — с. 329—332; «Сказание о Борисе и Глебе» — с. 398—408; «Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» — с. 412—416; «Слово о

погибели Русской земли» — с. 432—434; «Стефан Новгородец» — с. 447—448; «Тимофей, „премудрый книжник“» — с. 450—453.

Некоторые проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // В мире отечественной классики: Сб. статей. М. Вып. 2. С. 66—81.

Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // Исследования по древней и новой литературе. Л. С. 59—64.

Древнерусская литература // Энциклопедический словарь юного литературоведа. М. С. 82—87.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI—начало XVII веков / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 616 с.
Вступительная часть к комментариям — с. 542—545.

Ред. (в сост. редкол.): Исследования по древней и новой литературе. Л. 468 с.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1985. М. 534 с.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1986. Л. 575 с.

1988

Некоторые итоги и проблемы издания памятников древнерусской литературы // Русская литература. № 1. С. 220—226.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI вв.), ч. 1: А—К / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.

Статьи: «Александр Свирский» — с. 20—21; «Андрей Юрьев» — с. 38—40; «Видение хутынского пономаря Тарасия (Прохора)» — с. 135—138; «Житие Адриана Пошехонского» — с. 239—241; «Житие Герасима Вологодского» — с. 251—252; «Житие Михаила Клопского» — с. 302—305; «Житие Пахомия Нерехтского» — с. 320—321; «Житие Филиппа Ирапского» — с. 341—343; «Задонщина» — с. 345—353; «Иван Иванович (царевич)» — с. 384—386; «Иона» — с. 427—430; «Иродион» — с. 440—442.

Повесть о варяжской божнице // ТОДРЛ. Л. Т. 41. С. 47—48.

Наталья Александровна Казакова (некролог) // Там же. С. 451—452 (совм. с Н. Ф. Дробленковой и Я. С. Лурье).

О «Житии Дмитрия Прилуцкого» // Литература и искусство в системе культуры. М. С. 190—194.

«Слово о полку Игореве» – великий памятник Древней Руси // Слово о полку Игореве (факсимильное воспроизведение первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 г.). М. С. 68—96.

[Транскрипция древнерусского текста «Слова», перевод его на современный русский язык, комментарии к тексту] // Там же. С. 97—123.

Русская литература XI—XVIII вв. / Сост., вступ. статья, примеч. Л. А. Дмитриева и Н. Д. Кочетковой. М. 493 с. (Сер. «Б-ка учителя»).

Вступ. статья Литература Древней Руси и XVIII века (совм. с Н. Д. Кочетковой) — с. 3—16. Подгот. текстов и переводы: Слово о погибели Русской земли — с. 88—89; Задонщина — с. 104—121; Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских — с. 152—171. Комментарии: с. 430—452. Словари (совм. с Н. Д. Кочетковой) — с. 472—489.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. первая / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 704 с.

Подгот. текста Повести о португальском посольстве — с. 468—483; комментарии к Повести о португальском посольстве — с. 660—661.

Перевод отрывка из «Сказания о Борисе и Глебе» // Семья. 24 августа, № 34. С. 8—9.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1987. М. 478 с.

1989

Филологические труды Дмитрия Сергеевича Лихачева // Лихачев Д. С. О филологии. М. С. 6—9.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI вв.), ч. 2: Л—Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.

Статьи: «Повесть о варяжской божнице »— с. 225—227; «Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием» — с. 267—268; «Повесть о Тимофее Владимирском» — с. 287—288; «Протасий» — с. 306—307; «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» — с. 347—351; «Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских» — с. 367—370; «Сказание о Мамаевом побоище» — с. 371—384; «Тучков Василий Михайлович» — с. 446—448; «Феодосий, автор Жития Александра Ошевенского» — с. 462—464; «Житие Иоанна Новгородского» — с. 514—517.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. вторая / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 704 с.

Подгот. текстов: Сказание о молодце и девице — с. 231—233, Притча о старом муже — с. 234—236, Сказка о некоем молодце, коне и сабле — с. 237—238, Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим — с. 299—304, Повесть о житии Варлаама Керетского — с. 305—309; комментарии к этим памятникам: с. 631—614, 614, 614—615, 622—623, 624.

Ред.: Булахов М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь. Минск. 247 с.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1988. М. 574 с.

1990

Слово о полку Игореве / Вступ. статьи Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; Реконстр. древнерус. текста и науч. пер. Д. С. Лихачева; Сост., подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Л. 400 с. (Б-ка поэта. Малая сер. 4-е изд.).

Статья: «Слово о полку Игореве» в русской литературе XIX—XX веков — с. 93—106; примечания — с. 359—396.

Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост., автор вступ. статьи и коммент. Л. А. Дмитриев; Под ред. Д. С. Лихачева. М. 544 с.

Библиотека русской фантастики: В 20 т. Т. 1: Сказания о чудесах. М. С. 151—153, 168—170, 517, 518—519.

Переводы и коммент.: Видение хутынского пономаря Тарасия; Повесть о споре жизни и смерти.

Библиотека русской фантастики: В 20 т. Т. 2: Звездочтец. Русская фантастика XVII века. М. С. 166—172, 173—178, 488—489.

Подгот. текстов и коммент.: Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим; Повесть о житии Варлаама Керетского.

Повесть о житии юродивого Христа ради Михаила Клопского / Пер. Л. А. Дмитриева // Семья. № 47. С. 8—9.

Ред. (в сост. редкол.): Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1989. М. 479 с.

1991

Мог ли Владимир Ярославич Галицкий быть автором «Слова о полку Игореве»? // Русская литература. № 1. С. 88—103.

1992

Запах ржаного хлеба // Александр Ильич Копанев: Сборник статей и воспоминаний. СПб. С. 90—95.

1993

Лихачев Дмитрий Сергеевич // Российская педагогическая энциклопедия. М. Т. 1: А—М. С. 520 (совместно с Б. Ф. Егоровым).

1994

Ред.: Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.
Ред.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. третья / Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. 652 с.

1995

Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Редкол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов. СПб. Т. 1—5.

Автор «Слова»; Агафья (Огафья) Ростиславна; Айзеншток И. Я.; Анастасевич В. Г.; Антокольский П. Г.; Асеев Н. Н.; Бальмонт К. Д.; Бариев Ю. А.; Басов-Верхоянцев С. А.; Беловод Просович; Берг Н. В.; Берггольц О. Ф.; Болотова Н. П.; Болховитинов Е. А.; Ботвинник С. В.; Боян; Браун Н. Л.; Брюсов В. Я.; Бунин И. А.; Владимир Ярославич; Время создания «Слова»; Гербель Р. В.; Гнедич Н. И.; Голиков И. И.; Гудзий Н. К.; Державин Г. Р.; Домид; Еремин И. П.; Жуковский В. А.; Забила Н. Л.; Зотов В. Н.; Карамзин Н. М.; Козлов В. П.; Кочкарь; Кугушев Н. М.; Лихачев Д. С.; Майков А. Н.; Малиновский А. Ф.; Мальсагов Д. Д.; Мария Васильковна; Маховец Л. Е.; Мей Л. А.; Минаев Д. И.; Митуса; Новиков И. А.; Ольстин Олексич; Панов Г. П.; Первое издание «Слова»; Перетц В. Н.; Петр Бориславич; Плаутин С. Л.; Прокофьев А. А.; Рагуил Добрынич; Рыленков Н. И.; «Сказание о Мамаевом побоище»; «Слово о погибели Русской земли»; Соболевский В. Ф.; Струйский Д. Ю.; Творогов О. В.; Тимофей; Успенский М. И.; Факсимильные издания «Слова»; Федоров В. Г.

Труды в печати:

Текст и его интерпретация в изучении древнерусской литературы // Освобождение от догм (задачи и пути изучения русской литературы). М.

Статьи в рукописях (доклады и отзывы)

Библиотека литературы Древней Руси (XI—XVII вв.). Проблемы и перспективы издания.
Проблемы агиографического жанра в трудах В. Н. Перетца.
«Слово о полку Игореве» и Евгений Болховитинов.

Список сокращений:

БСЭ — Большая Советская энциклопедия
ИОЛЯ — Известия АН СССР. Сер. литературы и языка
КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы

Н. С. ДЕМКОВА

Русская житийная литература в исследованиях Льва Александровича Дмитриева

Оригинальная русская агиография XI—XVII вв. — наряду со «Словом о полку Игореве» и воинскими повестями — входила в круг центральных научных интересов Л. А. Дмитриева, внимательно исследовавшего разнообразный художественный мир русских житий, начиная от первых житий Киевской эпохи о Борисе и Глебе и кончая поздними русскими северными житиями XVII в. — житиями поморских местночтимых подвижников Иоанна и Логгина Яренгских, Варлаама Керетского, пинежским житием отрока Артемия Веркольского и др. Первая публикация Л. А. Дмитриева, посвященная русским житиям — монографическое исследование жития новгородского святого Михаила Клопского XV в. — увидела свет в 1958 г., последние работы — выходили уже посмертно. Работы эти вошли в основной фонд современных исследований о русской агиографии, и посвящены они самым разным аспектам изучения оригинальных русских житий. Среди научного наследия Л. А. Дмитриева (см. «Хронологический список» его научных трудов) особое место занимают известные издания текстов житий, их переводы на русский язык и комментарии к ним, рассчитанные на современного читателя, опубликованные в составе 12-титомного издания «Памятники литературы Древней Руси» (М.; Л., 1978—1994), одним из инициаторов и создателей которого (составителем, ответственным редактором, исполнителем) он был — вместе с Д. С. Лихачевым — в течение почти 20 лет (издание было отмечено Государственной премией России 1993 г., и лауреатом ее Л. А. Дмитриев стал уже посмертно). В выборе житийных текстов для издания в этой серии виден интерес Л. А. Дмитриева к текстам национально-патриотической тематики: им изданы и самые ранние русские жития о Борисе и Глебе, способствовавшие прекращению междоусобных феодальных войн на Руси XI—XIII вв., и мученические жития периода татарщины — Житие Михаила Черниговского, убитого в Орде, Слово о Меркурии Смоленском и др.

Учитывая, что исследования Л. А. Дмитриева по русской агиографии могут быть предметом специального историографического исследования,[1] остановимся лишь на некоторых аспектах его научных трудов, оставив в стороне эту его колоссальную издательскую деятельность, как и многочисленные статьи о житиях, специально написанные им для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (Л.; СПб., 1988—1993. Вып. 1; вып. 2. Ч. 1—2; вып. 3. Ч. 1—2).

Первое исследование Л. А. Дмитриева, посвященное памятникам русской агиографии — «Повесть о житии Михаила Клопского» (1958) — положило начало устойчивому интересу ученого к новгородской и шире — севернорусской — легендарной литературе. Всестороннее изучение самих текстов жития, исторических обстоятельств его написания и художественного своеобразия сделали эту книгу в извест-

[1] Краткий, но весьма содержательный обзор основных исследований Л. А. Дмитриева по житийной тематике см. в статье: *Маймин Е. А.* Лев Александрович Дмитриев // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 5—18.

ном смысле образцовой в серии специальных монографий — изданий Сектора древнерусской литературы. Однако обращение к этой теме в 1950-е гг. имело и еще один — общественный — смысл. По справедливому замечанию Е. А. Маймина, обращение Л. А. Дмитриева к житийной теме в эти годы было связано с определенным риском: «Посвятить свой труд религиозному жанру в 50-е гг. — это и шаг вперед в собственном научном развитии, и не менее того — знак гражданского и человеческого мужества и истинной преданности науке и русской культуре».[2]

Дальнейшие статьи Л. А. Дмитриева также были связаны с литературными памятниками XIV–XV вв., создающимися в период становления литературы Московского княжества, — с повестями Куликовского цикла и с житиями XV в.

Особый вопрос, который нашел свое освещение в работах Л. А. Дмитриева 1960-х гг.,— это вопрос о характере самобытности и степени оригинальности русских житий XV в., развивающихся, как известно, под некоторым влиянием риторики южнославянских агиографических образцов. В проблемной статье 1964 г. «Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в.»[3] Л. А. Дмитриев показал причины возникновения этого влияния, его объем и границы. Выявив основные признаки, присущие южнославянским житиям этой поры, в частности, житиям Евфимия Тырновского («строгое соблюдение сюжетной схемы» жития и повышенная риторичность текстов: многочисленные цитаты из Св. Писания, авторские риторические отступления, усиленное употребление книжной лексики, «словесные ухищрения», стремление изгонять из языка обыденную терминологию и просторечные выражения, кальки с греческого и др.), он сопоставил с ними сходные особенности русских житий конца XIV—XV вв., сосредоточившись, в основном, на житиях выдающегося русского агиографа XV в. Епифания Премудрого.

Подход Л. А. Дмитриева к проблеме южнославянского влияния заметно отличался от подхода традиционной историографии. Так, он показал, что влияние это на Епифания было сильно преувеличено в принятых точках зрения А. С. Орлова[4] и С. А. Богуславского.[5] Решая вопрос об истоках стилистического своеобразия русских житий XV в., Л. А. Дмитриев доказал после специального анализа,[6] что «Житие Петра митрополита», написанное Киприаном и считавшееся ранее памятником второго южнославянского влияния и образцом для последующих произведений русской агиографии, таковым не является и что прежде чем характеризовать взаимоотношения сочинений Епифания с южнославянской агиографией, необходимо тщательно исследовать связь русских житий XIV—XV вв. с житийными памятниками Киевской Руси, так как сюжетная схема житийного повествования была

---

[2] Там же. С. 14.

[3] *Дмитриев Л. А.* Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 72—89.

[4] *Орлов А. С.* Древняя русская литература X—XVII вв. М.; Л., 1945. С. 210.

[5] История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 235.

[6] См.: *Дмитриев Л. А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.) // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 215—254.

выработана отнюдь не южнославянскими агиографами, а византийскими, и была хорошо известна уже создателям русских оригинальных житий в XI в.

Поставив эту новую в изучении русской агиографии XV в. задачу (до сих пор полностью она не решена), Л. А. Дмитриев сделал здесь и ряд предварительных наблюдений о существующей конкретной связи поэтики житий Епифания с традициями ранней русской агиографии (вплоть до указания прямых текстовых параллелей с Несторовым «Житием Феодосия Печерского»).

В отличие от В. О. Ключевского и А. С. Орлова, рассматривавших южнославянское влияние только как явление отрицательное, лишившее русские жития присущей им историчности, конкретности, самобытности, Л. А. Дмитриев, как и Д. С. Лихачев,[7] обратил внимание на историко-культурные причины этого влияния: на изменение литературных вкусов новгородцев и москвичей в новую для Северо-Восточной Руси историческую эпоху — в период интенсивного развития Московского княжества после Куликовской битвы 1380 г. и начала подъема русской культуры, разгромленной татаро-монгольским нашествием, на стремление русского читателя той поры не только к историческому знанию о событии или праведнике, но и к искусной литературной форме повествования о нем, к высоким образцам книжной риторики.

Изучая изменение литературных вкусов, происходящее в Новгородской и Московской Руси, Л. А. Дмитриев делал выводы, опираясь, что важно отметить, на те оценки, которые давали различным текстам их современники. Так, например, первоначальную редакцию «Жития Михаила Клопского», новгородского святого XV в., московский летописец XVI в. считал написанной «вельми просто» (люди в Новгороде тогда были «не велми искусны Божественного писания»); редакция же XVI в., написанная Василием Тучковым по заказу архиепископа Макария (1537 г.), его вполне удовлетворяла: автор «ветхая понови и распространи...и все по чину постави и велми чюдно изложи...и аще кто прочтет, сам узрит,...колми чюдно изложи».

В анализе житий, написанных Епифанием Премудрым (а именно его сочинения Л. А. Дмитриев рассматривал как ключевые, центральные для изучения проблемы связи русской агиографии XV в. со вторым южнославянским влиянием), исследователь выявил прежде всего его индивидуальное мастерство «плетения» литературного текста.[8] В примерах-иллюстрациях, умело извлеченных Л. А. Дмитриевым из текстов житий, Епифаний предстает перед читателями XX в. как непревзойденный мастер художественной речи, тонко чувствующий языковой материал (см., например: «...тягался есть с тобою словесы и не утягал, но сам утяган есть, спирался о вере и не упрел, но и сам препрен бысть, измагался да не измогл...», и др.).[9] Чуткое внимание Л. А. Дмитриева к авторскому поэтическому слову позволило ему обнаружить в Житии Стефана Пермского интереснейшие совпадения с текстами духовных стихов. Фраза из «Плача Пермской церкви» —

---

[7] См.: *Лихачев Д. С.*: 1) Некоторые задачи изучения второго южно-славянского влияния в России. М., 1958; 2) Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV вв.) М.; Л., 1962.

[8] *Дмитриев Л. А.* Нерешенные вопросы... С. 76—77.

[9] Там же. С. 80.

Увы мне,
кого к рыданию моему призову на помощь,
кто ми пособит плакатись,
кто ми слезы отреть,
кто ми плачь утолить,
кто ми печаль утешить?

— очень напоминает начальные строки из духовного стиха «Плач Иосифа Прекрасного»:

Кому повем печаль мою,
Кого призову ко рыданию? [10]

Рассматривая в этой работе (вслед за В. П. Адриановой-Перетц[11]) возможность обнаружения фольклорных мотивов в житиях Епифания, Л. А. Дмитриев отметил это удивительное совпадение текста Епифания с духовным стихом как бы мимоходом, очень скромно, не развив далее своих наблюдений. Но текстовая параллель, найденная им, открыла, как мне кажется, совсем новый аспект в изучении художественного своеобразия стилистики епифаниевских житий — использование Епифанием устной духовной лирики — и тем самым существенно дополнила конкретным материалом наблюдения Д. С. Лихачева о лирическом начале в житиях Епифания.

Новым этапом в изучении русских житий для Л. А. Дмитриева было участие в коллективной монографии Сектора древнерусской литературы Института русской литературы «Истоки русской беллетристики» (Л., 1970), где он специально исследовал элемент сюжетного повествования в житийных памятниках конца XIII – XV вв. Многие наблюдения Л. А. Дмитриева над развитием «беллетристического» начала в средневековой русской агиографии сказались и на его последующих исследованиях 1970-х годов, посвященных новгородским житиям и легендарным сказаниям XV – XVI вв.,[12] отразились в его докладе на VII Международном съезде славистов в Варшаве (1973),[13] вошли в новую академическую «Историю русской литературы» (1980)[14] и вузовский учебник (1980).[15]

Из работ этого периода остановлюсь несколько подробнее на известной книге Л. А. Дмитриева «Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.» (Л.: Наука, 1973), представляющей собой часть его наблюдений над древнерусскими житиями (эта

---

[10] Там же. С. 85.

[11] См.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руськаго» // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 84—85.

[12] См.: *Дмитриев Л. А.*: 1)Повесть о житии Варлаама Керетского // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1970. Т. 25. С. 78—196; 2)Проблемы изучения севернорусских житий // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 65—75; 3)Жанр севернорусских житий // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27. С. 181—202.

[13] *Дмитриев Л. А.* Литературные судьбы жанра древнерусских житий (церковно-служебный канон и сюжетное повествование) // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 400—418.

[14] История русской литературы: В 4-х томах. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980.

[15] История русской литературы XI—XVII вв. Л., 1980.

монография легла в основу докторской диссертации Льва Александровича: «Легендарно-биографические повествования Древнего Новгорода», 1973).

Фундаментальное исследование Л. А. Дмитриева посвящено изучению одной из самых мощных и оригинальных литератур, развивающихся в системе книжных культурных центров русского средневековья, – литературе древнего Новгорода и ее самому популярному жанру – жанру легендарной биографии и легендарно-политического сказания. Для анализа были выбраны жития Варлаама Хутынского, цикл сказаний об Иоанне Новгородском, «Повесть о житии Михаила Клопского», Житие Адриана Пошехонского, «Сказание об Иоанне и Логгине Яренгских», «Повесть о житии Варлаама Керетского» и Житие Артемия Веркольского. Выбор этих памятников из большого круга произведений новгородской житийной литературы был обусловлен их популярностью и репрезентативностью: по словам Л. А. Дмитриева, эти тексты дают наиболее яркое представление о типе новгородских легендарно-биографических сказаний и различных видах «народных житий», распространенных на Русском Севере в XIII—XIX вв.[16] Тяготение к устнопоэтическим сюжетам и формам речи, патриотизм и демократизм содержания обеспечили этому виду новгородских литературных памятников долгую и интенсивную жизнь.

После исследования В. О. Ключевского «Древнерусские жития как исторический источник» (М., 1871), заложившего основы научного изучения богатейшей литературы оригинальных русских житий, книга Л. А. Дмитриева явилась — через 100 лет — одним из немногих углубленных ее продолжений. Как и В. О. Ключевский, Л. А. Дмитриев уделил большое внимание библиографии сохранившихся рукописных источников исследуемых житий, но в отличие от обзора В. О. Ключевского, монография Л. А. Дмитриева не только указывала на существование в рукописной традиции различных источников текста, их вариантов и редакций, их взаимоотношений, она восстановила — на основе принципов современной текстологии — полную литературную историю текстов, избранных для анализа, оценила их литературную значимость, «участие» в политической и культурной жизни Новгорода и Новгородской земли в XIV—XVII вв. В результате исчерпывающего анализа Л. А. Дмитриевым была решена проблема текста и художественного своеобразия важнейших памятников этого цикла — «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» (изучено 86 списков), повестей о житиях Варлаама Хутынского (222 списка), Иоанна Новгородского (103 списка), Михаила Клопского (68 списков) и др., восстановлена — по этапам — литературная история каждого из преданий (обнаружено, например, 11 редакций и 17 вариантов «Повести о житии Варлаама Хутынского»), введены в научный оборот не десятки, а сотни новых списков этих произведений, датированы их первоначальные версии, полно и обстоятельно охарактеризованы связи новгородской легендарной литературы с летописанием, с памятниками других областных литературных центров и с фольклором (установлено отражение в новгородской легендарной литературе мотива «чудесного помощника», «заключенного беса», «сказочного дара» и др.).

---

[16] См.: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII— XVII вв. Л., 1973. С. 11.

Исследование художественной специфики новгородских легендарно-биографических повествований, их идей, места и роли в развитии русской повествовательной прозы было основано на предельно тщательном и доскональном изучении материала. Л. А. Дмитриеву пришлось разработать особую методику текстологического исследования для восстановления литературной истории не только отдельных произведений, но и целых изменяющихся циклов текстов (таков, например, цикл, содержащий «Сказание о битве новгородцев с суздальцами», и цикл сказочных легенд об Иоанне Новгородском). Важное методологическое значение имеют выводы Л. А. Дмитриева о тесной связи текста и художественных особенностей легендарно-биографических повествований с острой политической борьбой в Новгороде в XIV–XVI вв. На богатом конкретном материале Л. А. Дмитриеву удалось показать, как легенда становится орудием политической борьбы и легендарно-биографические повествования превращаются в яркие публицистические произведения, непосредственно связанные с политической идеологией различных социальных групп. Таков, например, анализ многочисленных переделок первоначального текста «Сказания о битве новгородцев с суздальцами», возникшего в XII в.; в ходе анализа Л. А. Дмитриев показал те пути и способы, с помощью которых различные политические группировки, вплоть до XVII в., приспосабливали «Сказание» к своим интересам и нуждам.

Исследование Л. А. Дмитриева воссоздало основные принципы «новгородской школы» легендарной биографии — «неукрашенной», тяготеющей к народным формам речи, испытавшей сильное влияние документа и сказки: отказ от устойчивого агиографического канона, отказ от этикетной композиции в пользу сюжетного повествования, насыщение произведений фольклорными мотивами, документализм повествования, противостоящий различным формам абстрагирующего искусства.

Л.А. Дмитриев убедительно продемонстрировал в книге, как деталь, реплика, а не многословное описание, может быть ключом к характеру, психологическому типу (таково, например, изображение разгульного игумена Хутынского монастыря Иоасафа, откровенно признававшегося монастырской братии: «Аз ям и пию гораздно!», сцена таинственного появления в монастыре Михаила Клопского, и др.). Именно эти черты новгородской легендарной биографии и вызывали осуждение московских любителей риторики, укорявших новгородцев за то, что они пишут «велми просто», не по «чину». Но эти же художественные особенности новгородских легендарных биографий, демократизм их формы были той основой, на которой держалась многовековая популярность новгородских легенд, сыгравших основополагающую роль в формировании всей литературной традиции Русского Севера, а начиная с XVII в. оказавших влияние на литературу вновь развивающихся культурных центров, в частности, на литературу Сибири. Исследования Л. А. Дмитриева показали, что именно новгородские жития находились на путях создания, выработки художественных норм повествования русской самобытной прозы.

Рассматривая в совокупности многолетние исследования русских житий, предпринятые Л. А. Дмитриевым, можно заметить, что во всех его работах — статьях, публикациях, монографиях, — каких бы актуальных или полемических тем они ни касались, неизменно присутствует

интерес к разным формам проявления в тексте писательской индивидуальности агиографа и к тем элементам повествования, которые приближают далекие, казалось бы, средневековые тексты к современности, присутствует интерес к лирическому и эмоциональному содержанию жития.

В этом отношении очень выразительным является анализ Л. А. Дмитриева в одной из глав его монографии литературной деятельности соловецкого книжника XVII в. Сергия Шелонина, создавшего свою версию «Сказания об Иоанне и Логгине Яренгских». Характеризуя редакторскую работу опытного соловецкого писателя, Л. А. Дмитриев писал: «Сергий внес в тексты своих источников не только риторику, но и отражение своих личных чувств, своеобразную лиричность. А это для произведения агиографии явление далеко не обычное».[17] И далее Л. А. Дмитриев сосредоточил свое внимание на пейзажных зарисовках Сергия, новаторски вводимых писателем XVII в. в житийный текст: когда поплыли в Яренгу за мощами Иоанна, «бысть тишина велия в мори, зефиру бо кротко повевающу. Сладок бо тогда видети позор: море бо тихостию плещи подвижа, багряными волнами играя, и к суседе земли пририща, и яко мирными руками объемля ту, целует». Не менее ярким является и шелонинское описание бури на Белом море, когда «море безчиние творит», подобно «бесящейся блуднице», или «множеством...пианства мутится», «горкий росол из глубины рыгчет»,[18] и др. Эти и другие фрагменты текста, извлеченные Л. А. Дмитриевым из соловецких рукописей, выразительно иллюстрируют индивидуальное писательское мастерство Сергия, его уменье сопрягать символические образы христианского искусства и личное, шелонинское, поэтическое восприятие природы как живого существа.

Анализируемые Л. А. Дмитриевым «колоритные описания» Белого моря, «сведения о жизни поморов и о некоторых достопримечательностях их быта», делающие необычными текст агиографического сказания XVII в., по-видимому, много говорили душе и сердцу самого Льва Александровича, хорошо узнавшего Беломорский край во время собственных археографических экспедиций за старинными рукописными книгами.[19]

Этим же интересом к личному, лирическому началу в агиографическом тексте XV в. отмечено и одно из последних специальных исследований Л. А. Дмитриева, посвященных житийной теме: «Записка ли „Записка о последних днях Пафнутия Боровского“ Иннокентия?»[20]

Внимательный анализ этого текста убеждает Л. А. Дмитриева в том, что так называемая «записка» отнюдь не деловая, почти протокольная запись событий последних дней апреля 1477 г., последних дней жизни Пафнутия, игумена Боровского монастыря, как полагал открывший «записку» В. О. Ключевский, но искусное литературное произведение, «литературное чудо XV в.», по определению Д. С. Лихачева.[21]

---

[17] Там же. С. 228.

[18] Там же. С. 229.

[19] *Дмитриев Л. А., Копанев А. И.* Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский, Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 531—544.

[20] *Дмитриев Л. А.* Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия ? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 59—64.

[21] *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1958. С. 143—144.

Дополняя анализ Д. С. Лихачева рядом новых наблюдений, Л. А. Дмитриев вновь выделяет тему автора: «...сочинение Иннокентия представляет собой не только запись о последних днях Пафнутия, но и рассказ об обители... о ее прошлом, раздумья автора о ее будущем...», это «рассказ Иннокентия о самом себе».[22] Так, интерес к авторской индивидуальности писателя закономерно привел Л. А. Дмитриева к теме автобиографического повествования в средневековой русской литературе. Уже в обобщающей статье 1972 г. «Жанр северорусских житий» Л. А. Дмитриев писал о значении северорусской агиографии, как почвы, подготовившей «гениальное Житие протопопа Аввакума».[23] Автобиографическое повествование в житийных текстах наряду с новгородской и северорусской агиографией стало одной из постоянных тем публикаций и заметок Л. А. Дмитриева и в «Словаре книжников Древней Руси», и в 12-титомном издании «Памятники литературы Древней Руси», и в различного рода литературных изданиях, предназначенных для современного читателя (см., например, «Видение хутынского пономаря Тарасия», «Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим», и др.).[24]

Как видно из этого краткого обзора, особым аспектом всех «агиографических» по тематике работ Л. А. Дмитриева было выявление собственно художественных элементов в этикетных конструкциях средневековых житий, внимание к становлению художественной литературной формы. Сам Л. А. Дмитриев, подводя некоторые итоги своим многочисленным исследованиям в области северорусской агиографии XVI—XVII вв., так писал в статье «Жанр северорусских житий»: «Отклонения в житиях от жанровых канонов, нарушения этих канонов, обусловленные жизнью, влиянием устных традиций, развитием литературы, способствовали возникновению в житийном жанре...таких явлений, которые превращали этот жанр из церковно-служебного в литературно-художественное явление».[25]

Текстологический фундамент исследований Л. А. Дмитриева, историографическая точность, отличающая его работы,[26] достоверность использованных в исследованиях аргументов и выводов, пристальное внимание к проблемам литературной формы делают его работы, посвященные русским житиям, классическими образцами и моделями для современной филологической науки. Они содержательны, значительны и — не побоимся этого слова — поучительны. Ведь основной пафос всех исследований Л. А. Дмитриева, посвященных русским житиям, — это пафос героического, подвижнического начала в национальной рус-

---

[22] *Дмитриев Л. А.* Записка... С. 61, 63.

[23] *Дмитриев Л. А.* Жанр северорусских житий. С. 202.

[24] Указания на издания см. в «Хронологическом списке».

[25] *Дмитриев Л. А.* Жанр северорусских житий. С. 202.

[26] Хотелось бы специально отметить исключительную историографическую точность работ Льва Александровича и его библиографических сносок, изысканную, почти забытую в наше время щепетильность по отношению к научным предшественникам и коллегам, что, впрочем, всегда было свойственно русской академической науке; в библиографических указаниях Л. А. Дмитриева нередко можно найти благодарную ссылку на устное высказывание специалиста, на незафиксированную в печати, но ценную для науки точку зрения, можно встретить и редакторское исправление, сделанное им в публикации того или иного автора, забывшего сослаться на предшественника. Неизменная вежливость сочеталась у Л. А. Дмитриева со столь же неизменной твердостью в принципиальных оценках работы, вызывающей его несогласие.

ской литературе, это не только поиски, но и утверждение высоких нравственных ценностей русской культуры, которые всей своей научной деятельностью раскрывал для современников Лев Александрович — один из ярких исследователей древнерусской литературы.

Л. В. СОКОЛОВА

Лев Александрович Дмитриев — исследователь «Слова о полку Игореве»

«Какой высокий и чарующий интерес представляет „Слово о полку Игореве" у нас в России для людей литературных, это еще с большею наглядностию видно из того, что лица, посвящавшие себя его изучению, смотрели на свое дело не как на личное занятие, но как на дело историческое и как на подвиг своей жизни: не только целые годы, но даже целые десятки лет были посвящаемы его изучению».[1]

Лев Александрович Дмитриев — один из таких людей. Он подвижнически занимался «Словом о полку Игореве» на протяжении всей своей научной деятельности, длившейся более четырех десятилетий.

Л. А. Дмитриев закончил университет и поступил в аспирантуру Пушкинского Дома в 1950 г. Это был год 150-летнего юбилея первого издания «Слова». О праздновании этого юбилея Лев Александрович опубликовал в 1951 году две статьи, открывшие список его научных трудов. И закончилась его научная деятельность тоже работой над «Словом». Смерть помешала ему завершить редактирование Энциклопедии «Слова о полку Игореве».

В задачу настоящей статьи не входит анализ всех работ Л. А. Дмитриева по «Слову». Ее цель — представить наиболее важные этапы деятельности ученого по изучению и популяризации этого памятника.

В 1952 году вышло в свет издание «Слова» в большой серии «Библиотеки поэта»; Л. А. Дмитриев, будучи тогда аспирантом, принял самое активное участие в нем. Он подготовил древнерусский текст памятника, комментарий к нему и написал первую часть вступительной статьи, посвященную самому «Слову» (вторую часть, характеризующую переводы «Слова» и произведения на его темы, написала В. Л. Виноградова).

Читая вступительную статью и комментарий к тексту «Слова», невольно думаешь о том, что у Л. А. Дмитриева не было периода «научного становления». Аспирант, вчерашний студент выполнил сложнейшую работу на самом высоком научном уровне. Вступительная статья и комментарий взаимосвязаны, дополняют друг друга и являются единым продуманным целым: отдельные положения статьи развиваются и конкретизируются в комментарии. Не только вступительная статья, но и комментарий написан вдохновенно, от строк прямо-таки веет увлеченностью «Словом». И в то же время этот комментарий отличает научная тщательность, полнота. Характерной особенностью его является то, что Л. А. Дмитриев старается привести если не все, то хотя бы основные точки зрения по тому или иному вопросу, при этом чаще всего выделяет наиболее убедительную по его мнению.

Большое внимание уделено во вступительной статье и комментариях жанровой природе «Слова». Отмечая использование автором поэтических приемов устного народного творчества (в комментариях во

[1] *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. IX.

многих случаях приводятся устнопоэтические параллели к тем или иным фрагментам «Слова»), исследователь при этом показывает отличительные особенности этих приемов в «Слове» на примере постоянных эпитетов и опровергает взгляд на «Слово» как на произведение устного народного творчества, — былину.

Определяя жанровую природу «Слова», Л. А. Дмитриев присоединяется к точке зрения И. П. Еремина, считавшего «Слово» произведением политического красноречия.[2]

Исходя из своего понимания жанровой природы «Слова», исследователь характеризует и отношение автора к Игорю. Как известно, по этому поводу существуют диаметрально противоположные точки зрения: одни настаивают на том, что автор прославляет Игоря, другие — что он осуждает его. Л. А. Дмитриев пишет по этому поводу следующее: «Если подходить к автору „Слова о полку Игореве" как к историку и политику (а не как к создателю песни-славы или героической поэмы.— *Л. С.*), то станет понятным и его отношение к своему герою — к Игорю. Он всячески стремится показать храбрость и мужество Игоря, он восхищается отвагой этого русского князя... Автор не осуждает Игоря за то, что тот пренебрег знамением, он этим подчеркивает удаль и отвагу его. Он осудит его за другое — за сепаратизм Игоря в действиях против половцев... И вот за этот сепаратизм, за то, что Игорь своими действиями нанес вред общему делу — взбудоражил половцев, которые были утихомирены Святославом, и осуждает автор своего героя, осуждает как человека, мужеством которого он гордится и которому горячо сочувствует».[3]

В издании 1952 г. Л. А. Дмитриев высказал интересные наблюдения над поэтикой «Слова». Его комментарий к имени реки «Каяла», которое он считал символичным и нарицательным, даже перерос в научную статью, опубликованную в 9-м томе ТОДРЛ (1953 г.). К сожалению, в статью не вошла интересная мысль, высказанная при комментировании фразы «омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ»: «Может быть, весь этот образ... навеян автору „Слова" сказочным представлением о живой и мертвой воде. Каяла, как река гибели, печали, как символ гибельного смертного места, могла представляться рекой, в которой течет мертвая вода и поэтому-то хотя Ярославна и собирается лететь по Дунаю-реке, но рукав она омочит в Каяле и утрет им кровавые раны князя — именно мертвой водой залечиваются, затягиваются раны».[4]

---

[2] В комментариях есть и другие ссылки на мнение И. П. Еремина, университетский семинар которого по «Слову о полку Игореве» Л. А. Дмитриев посещал в 1951 году, уже будучи аспирантом. Именно здесь он и «заболел» «Словом».

[3] Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой культуры // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 29 (Б-ка поэта. Большая серия). Схожая точка зрения была высказана ранее Д. С. Лихачевым, который писал: «...на всем протяжении „Слова о полку Игореве" автор относится к Игорю с неизменным сочувствием. Но, сочувствуя Игорю, он осуждает его поступок... Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния плохи, и это потому, что над ним господствуют предрассудки и заблуждения его эпохи» (*Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве » (Историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 254 (Сер. «Литературные памятники»)).

[4] Эта мысль развита в моей статье. См.: *Соколова Л. В.* Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 38—47.

К комментированию «Слова» Л. А. Дмитриев обратился вновь спустя 30 лет. В 1980-е годы он написал комментарий для пяти юбилейных изданий памятника, вышедших в 1983–1990 гг. Комментарии 80-х годов отличаются друг от друга, тем не менее можно говорить о них обобщенно, как о новой редакции, существенно отличающейся от редакции 1952 г. Если комментарий 1952 г. несет на себе следы первого серьезного знакомства с памятником, осмысления каждого слова в нем, то комментарий 1980-х годов написан уже солидным ученым, три десятилетия занимавшимся проблемами «Слова».

Комментарий 1980-х годов написан более лаконично, сдержанно. В нем во многих случаях уже излагается одна, наиболее признанная точка зрения по тому или иному вопросу, а о существовании других только упоминается. Следует отметить, что при комментировании текста в 80-е годы Л. А. Дмитриев учитывает все основные исследования памятника, вышедшие за прошедшие 30 лет. Наконец, комментарий 80-х годов не содержит толкования многих слов и поэтических выражений. Вероятно, это было продиктовано в какой-то мере типом изданий, их небольшим объемом (издание 1983, переизданное в 1985 г., вышло в массовой серии «Классики и современники», издание 1990 г. — в малой серии «Библиотеки поэта»). В издании 1988 г. (издательство «Книга») исследователь восстанавливает комментарий некоторых поэтических выражений, но параллели из устного народного творчества уже не приводит.

Таким образом, обращаясь к комментариям Л. А. Дмитриева, нельзя ограничиваться изданиями последних лет. Следует помнить, что самый полный и в чем-то непревзойденный комментарий содержится в издании «Слова» 1952 г.

В 1955 году Л. А. Дмитриев публикует библиографию «Слова о полку Игореве» за 1938–1954 гг., в которой каждая работа сопровождается аннотацией. Учесть все работы по «Слову» чрезвычайно сложно, особенно за юбилейные годы, когда научно-популярные и информационные статьи появляются едва ли не во всех центральных, областных и местных газетах. Кроме того, «Слово» упоминается в книгах по истории литературы, театра, музыки, изобразительного искусства, в разного рода энциклопедиях, справочниках. Необходимо учесть также переводы и переложения «Слова», произведения на его сюжет. Поэтому любая библиография по «Слову» не является исчерпывающей. Не составляет исключения и библиография Л. А. Дмитриева, дополнение к которой было опубликовано П. Н. Поповым.[5]

В 1960 году вышла в свет монография Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“». Эта работа вошла в число важнейших исследований «Слова». Если бы Лев Александрович написал только эту книгу, то и тогда его имя с благодарностью вспоминали бы все последующие исследователи «Слова».

В этой монографии Л. А. Дмитриев впервые собрал, опубликовал и исследовал все архивные материалы, связанные с первым изданием «Слова», хранившиеся в бумагах Екатерины II и А. Ф. Малиновского, а также тексты переводов «Слова» из архивов князей Белосельских-Белозерских и Воронцовых. Здесь же опубликовано исследователем

---

[5] *Попов П. Н.* Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 706—716.

наиболее точное из существующих критическое издание текста «Слова» с вариантами по Екатерининской копии, бумагам А. Ф. Малиновского и выпискам Н. М. Карамзина, с учетом малейших разночтений, включая варианты в пунктуации. Кроме того, Л. А. Дмитриев собрал сведения о всех сохранившихся экземплярах первого издания и подробно описал все 60 экземпляров.

Описание это сделано не только с большой любовью к книге, книжному делу (Лев Александрович был страстным библиофилом), но и с заботой о читателе: все типографские термины, использованные автором, объяснены им в подстрочных примечаниях. Это описание содержит исчерпывающие археографические сведения, в том числе имена владельцев, среди которых Жуковский (чьим экземпляром пользовался Пушкин), Забелин, Сперанский, Тихомиров, Шевырев, Шляпкин, Пожарский, Строев, Адрианова-Перетц и многие другие. В этом описании полностью приведены пометы на полях, сделанные владельцами, среди которых, как мы видим, были многие выдающиеся филологи. Эти пометы отражают точку зрения их авторов на чтение или перевод того или иного фрагмента «Слова» и предлагаемые ими конъектуры. Авторы некоторых из этих помет установлены, других еще предстоит определить.

Исследование всех собранных архивных данных позволило Л. А. Дмитриеву впервые воссоздать историю печатания первого издания. Глава, посвященная этому, написана так интересно, что читается как самый настоящий детектив. Здесь проявился не только научный, источниковедческий, но и несомненный литературный талант Льва Александровича. Приведу только один пример.

Известно, что в большинстве экземпляров первого издания 4 листа или, говоря типографским термином, восьмушки, в книгу вклеены, то есть перепечатаны уже после того, как книга была сброшюрована. Еще Р. Якобсон пришел к выводу, что основной причиной замены восьмушек послужили комментарии о Бояне. Об этом свидетельствует, по его мнению, то, что в экземплярах с вклеенными листами— два комментария о Бояне, а в тех экземплярах, листы в которых не менялись, их три, причем третий комментарий противоречит двум другим. В первом комментарии сказано, в частности: «Когда и при котором государе гремела лира его, ни по чему узнать нельзя». Во втором комментарии на основании того, что Боян назван внуком языческого бога Велеса, высказывалось предположение, что Боян жил до принятия в России христианства. Третий же комментарий, в противоречии с этим, полемически утверждал: «Здесь ясно скрывается, что Боян пел о князе Всеславе».

Л. А. Дмитриев смог установить, каким образом это несоответствие возникло. Комментарий к первому изданию писал, как выяснил исследователь, А. Ф. Малиновский, которому и принадлежит комментарий к двум первым фрагментам с упоминанием имени Бояна. Объяснение тому, кем внесен третий комментарий, Л. А. Дмитриев нашел в бумагах Екатерины II с материалами по «Слову». В сохранившемся среди этих бумаг комментарии, большинство статей которого написаны А. И. Мусиным-Пушкиным, имя Бояна поясняется только один раз и это пояснение по смыслу соответствует третьему комментарию в неисправленных экземплярах первого издания. Это дало основание Л. А. Дмитриеву предположить, что третий комментарий внес в первое

издание А. И. Мусин-Пушкин. Вероятно, предполагает исследователь, у издателей были споры, и Мусин-Пушкин без согласия двух других издателей — Малиновского и Бантыша-Каменского — вносил в комментарий «Слова», подготовленного к печати,свои исправления. О существовании таких споров говорит, по мнению исследователя, свидетельство типографщика С. А. Селивановского о том, что между первыми издателями была договоренность, по которой Мусин-Пушкин не имел права делать какие-либо «помарки» в корректуре.

«Партизанская» вставка Мусина-Пушкина была обнаружена уже после того, как вся книга была отпечатана и сброшюрована. Решено было перепечатать те листы, которые содержали комментарий к имени Бояна, и в большинстве экземпляров несоответствие было устранено. К сожалению, Малиновский так и не принял точку зрения Мусина-Пушкина, который оказался прав.

Л. А. Дмитриев продолжал интересоваться историей открытия рукописи «Слова» и историей первого издания до конца жизни. Это была «его» тема. В 1962 и 1981 годах вышли две его статьи, посвященные истории открытия рукописи, в 1976 году — статья о первых издателях «Слова», в 1962 — о Н. М. Карамзине, одним из первых познакомившемся с рукописью «Слова» и сделавшем из нее выписки. В 1988 году Л. А. Дмитриев подробно изложил историю первого издания во втором разделе вступительной статьи к публикации памятника. Продолжал он следить и за судьбой описанных им экземпляров первого издания. В 1991 году Лев Александрович подарил мне свой рабочий экземпляр монографии об истории первого издания с пожеланием успехов в изучении «Слова». В нем его рукой на полях указано новое место хранения двух экземпляров первого издания. Против экземпляра № 13 (экземпляр В. П. Адриановой-Перетц) указано: «Теперь в Древлехранилище» (то есть в Древлехранилище Пушкинского Дома), а против экземпляра № 35 (из собрания И. Е. Забелина) написано на полях: «В настоящее время этот экземпляр в Музее „Слова о полку Игореве" в Ярославле, № ЯРМЗ 49990». Есть в книге и другие пометы рукой Льва Александровича..

В 1967 году вышло в свет второе издание «Слова» в большой серии «Библиотеки поэта». Если для издания 1952 года в этой серии Л. А. Дмитриев выполнил всю работу, связанную с текстом самого «Слова» (вступительная статья, подготовка текста, комментарий), то во втором издании в серии «Библиотека поэта» (1967 год) им проделана вся работа, связанная с переводами «Слова» и произведениями на его сюжет. Он подобрал тексты переводов и переложений «Слова» (состав сборника по сравнению с изданием 1952 года существенно изменен), прокомментировал их и написал сопроводительную статью к ним, озаглавленную так: «„Слово о полку Игореве" и русская литература». Эта статья, каждый раз заново пересматриваемая, была издана в нескольких юбилейных антологических изданиях 80-х годов. Написанная в соавторстве с А. И. Михайловым[6] отдельная статья о переводах и

[6] По словам А. И. Михайлова, Лев Александрович Дмитриев обратился к нему как исследователю поэзии XX века с предложением совместно написать статью для журнала «Русская литература», заботясь о том, чтобы дать читателю более полное представление об отражении в русской поэзии XIX—XX вв. тем, мотивов и образов «Слова».

переложениях «Слова», а также о произведениях на его сюжет и содержащих реминисценции из «Слова» была опубликована в журнале «Русская литература».

К анализу переводов «Слова» исследователи подходят с разных точек зрения. Если в издании 1952 г. В. Л. Виноградова как лингвист обращает внимание прежде всего на лексику переводов, на то, насколько адекватно передан лексический состав «Слова», охарактеризованный ею в начале статьи, то Л. А. Дмитриев рассматривает переводы как литературовед, литературный критик, давая лаконичные и очень определенные характеристики переводов. Как особенно удачные Л. А. Дмитриев выделяет переводы В. А. Жуковского, А. Н. Майкова, Н. А. Заболоцкого.

Характеризуя переводы «Слова» и произведения на его сюжет, Л. А. Дмитриев подходит к ним и как историк литературы. Он обращает внимание читателей на те особенности, которые характерны для произведений определенного времени. Процитирую одну из таких характеристик: «Самый конец XIX – начало XX века в поэтическом восприятии „Слова о полку Игореве“ характеризуется вниманием к трагической стороне памятника — гибели Игоревой дружины в бескрайней дикой степи. Вместе с тем „Слово“ осмысляется как проявление поэтического гения, как памятник древнерусской литературы, прошедший через столетия и не только оставшийся таким же неизменно прекрасным, как и при своем создании, но и раскрывшийся с новых сторон, созвучных читателю новой эпохи».[7]

Интересны наблюдения и над тем, как по-разному на протяжении времени воспринимался образ Ярославны в русской поэзии: «Самым...живым, вдохновенным и одновременно символическим оказывается в русской поэзии образ Ярославны. По интерпретации этого образа можно в известной мере судить об особенностях русской поэзии на разных исторических этапах».[8] Если в первой половине XIX века, по наблюдению Л. А. Дмитриева и А. И. Михайлова, восприятие образа Ярославны носит ярко выраженный сентиментально-романсный характер, то в стихах военного времени, в частности, в поэме П. Антокольского «Ярославна», героиня «Слова» предстает как обобщенный тип русской женщины во все времена суровых испытаний и бед.

Составляя в 80-е годы новые сборники переводов «Слова», Л. А. Дмитриев обращался с письмами к здравствующим переводчикам, спрашивая, какие изменения в свой перевод они хотели бы внести. Это уважение к авторскому праву — тоже характерная черта Льва Александровича.

В издании 1967 года был опубликован совместный прозаический перевод «Слова» трех исследователей: Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. В юбилейных изданиях 80-х годов (1985 и 1986 г. в издательстве «Аврора» и 1988 г. в издательстве «Книга») помещен перевод Л. А. Дмитриева. Сравнение двух этих переводов позволяет сделать некоторые наблюдения над принципами перевода Л. А. Дмитриева, которые, вероятно, сложились у него в процессе авторской и

---

[7] *Дмитриев Л. А., Михайлов А. И.* «Слово о полку Игореве» в русской советской поэзии // Русская литература. 1985. № 3. С. 24—25.

[8] Там же. С. 24.

редакторской работы над серией «Памятники литературы Древней Руси». Не случайно в издании 1988 года древнерусский текст и перевод «Слова» изданы билингвой, как в ПЛДР: на развороте слева — древнерусский текст, справа — перевод.

Л. А. Дмитриев стремился осуществить перевод «Слова» современным русским языком и сделать его понятным широкому кругу читателей без своеобразного «подстрочника» — комментария. С этой целью он заменяет многие лексические и грамматические архаизмы оригинала, сохраненные по разным соображениям в переводе 1967 года (усобицы, паполома, могуты, в мытех, стружие, шереширы и др.). Исключения составляют древнерусские термины, которые нуждаются именно в толковании. Например, «кожухы», переведенное ранее как «одежды», он оставляет без перевода и поясняет в комментарии так: «верхняя одежда из меха или подбитая мехом».

Л. А. Дмитриев стремится к смысловой определенности даже при переводе спорных, по-разному толкуемых мест. Фраза «а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше» вызывает споры: о каких ушах идет речь? Об ушах Владимира Всеволодовича или о проушинах ворот, как предполагал Д. Д. Мальсагов? В издании 1967 года перевод не дает ответа на этот вопрос («каждое утро уши закладывал»). Л. А. Дмитриев, принимая первую точку зрения, переводит: «каждое утро уши затыкал».

Следует отдать должное смелости Дмитриева-переводчика. Безусловно, он понимал, что перевод «Слова», лишенный «благоухающих» архаизмов оригинала, проигрывает в художественном отношении. Лев Александрович вполне осознанно воплощает свой принцип полного перевода древнерусского текста. И этот принцип заслуживает самого серьезного внимания. Ведь задача переводчика в том и состоит, чтобы сделать древний текст понятным современникам, убрать языковой барьер между мыслью автора и читателем.

На долю Л. А. Дмитриева вместе с другими исследователями выпала нелегкая задача защиты памятника от ошибочных трактовок и датировок. Пожалуй, это один из самых сложных и неприятных видов работы, но Лев Александрович никогда не уклонялся от дискуссий. Он откликнулся критическими рецензиями на книги М. И. Успенского (1966 г.), Л. Н. Гумилева (1972 г.), О. Сулейменова и А. Югова (1976 г.), А. Никитина (1985 г.). В связи с научной полемикой по поводу работы А. А. Зимина, утверждавшего, что «Слово» написано в XVIII веке,[9] был создан сборник «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла» (1966 г.). Л. А. Дмитриев был редактором этой книги и одним из ее авторов. Его статья в этом сборнике называется «Вставки из „Задонщины“ в „Сказании о Мамаевом побоище“». В ней приведены убедительные свидетельства первичности полных списков «Задонщины». Этот вывод выбивал почву из-под ног сторонников позднего происхождения «Слова», его вторичности по отношению к «Задонщине», ведь они строили свои гипотезы именно на основании утверждения о первичности краткого, Кирилло-Белозерского, списка «Задонщины».

---

[9] Историю этой дискуссии см., в частности: К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Из переписки академика Д. С. Лихачева / Публикация Л. В. Соколовой // Русская литература. 1994. № 2. С. 232—268; № 3. С. 213 –245.

В 1986 году в журнале «Русская литература» была опубликована статья Л. А. Дмитриева «К вопросу об авторе „Слова о полку Игореве"». В ней критически рассмотрены многочисленные исследования, в которых делаются попытки назвать имя автора «Слова».

Отметив, что ранее были попытки искать автора среди представителей боярства, известных по историческим источникам (наиболее авторитетная и обоснованная гипотеза принадлежит Б. А. Рыбакову, считающему автором «Слова» киевского боярина Петра Бориславича), Л. А. Дмитриев подробно останавливается на «княжеской» теории происхождения «Слова», впервые высказанной В. Ф. Ржигой и получившей особенно широкое распространение в связи с 800-летним юбилеем памятника. Исследователь излагает и критически анализирует точки зрения Н. В. Шарлеманя и В. А. Чивилихина (считающих автором «Слова» самого Игоря Святославича), В. В. Медведева (по мнению которого «Слово» создал великий киевский князь Святослав Всеволодович), А. М. Домнина и В. Грабовского (полагающих, что «Слово» написал рыльский князь Святослав Ольгович, участник похода), Л. Е. Махновца и С. Г. Пушика (приписывающих авторство «Слова» галицкому князю Владимиру Ярославичу), В. Г. Руделева и А. Ю. Чернова (объявляющих автором «Слова» Ходыну, имя которого реконструируется из текста «Слова»).

Последовательно и убедительно развенчивается в статье и основополагающее представление (будто бы построенное на тексте), что автором «Слова» был князь.

В заключение Л. А. Дмитриев опровергает точку зрения В. А. Чивилихина, согласно которой, «если мы...не откроем имени автора „Слова", то никогда не поймем до конца ни того времени, ни его культуры, ни самой поэмы, ни многих тайн русской истории...».[10] По мнению Л. А. Дмитриева, в том случае, если не станут известны другие произведения автора «Слова», то «какое бы имя ни называлось как возможное имя автора его, ничего нового для нашего понимания „Слова" это не даст».[11] Более того, Л. А. Дмитриев считает, что поиски автора «Слова» вряд ли увенчаются успехом. Обоснованными, полагает исследователь, могут быть лишь общие соображения типологического характера. И такая типологическая характеристика (со ссылкой прежде всего на работы Д. С. Лихачева), ставящая автора «Слова» в один ряд с профессиональными поэтами-певцами средневековой Европы IX—XIII веков (исландскими скальдами, французскими труверами, немецкими миннезингерами), завершает эту статью Л. А. Дмитриева. Что же касается подробной, всесторонней характеристики автора «Слова», основанной на тексте памятника, то она дается Л. А. Дмитриевым в статье «Автор „Слова о полку Игореве"», написанной для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» и опубликованной ранее в составе материалов этого словаря в 40-м томе ТОДРЛ.

Завершая обзор работ Льва Александровича Дмитриева по «Слову о полку Игореве», необходимо напомнить о его статьях, в которых каждое десятилетие подводились итоги изучения памятника и форму-

---

[10] *Чивилихин В.* Память: Роман-эссе // Наш современник. 1984. № 3. С. 101.

[11] *Дмитриев Л. А.* К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1986. № 4. С. 23.

лировались задачи дальнейшего исследования. Это статьи 1958, 1964, 1976 и 1985 годов. О двух таких задачах следует сказать особо.

Еще в статье 1964 года, опубликованной в 20-м томе ТОДРЛ, Л. А. Дмитриев назвал первоочередной задачей создание исчерпывающей библиографии «Слова» — от первых сообщений о нем в конце XVIII века и до наших дней. Без такого справочника с обстоятельными аннотациями и указателями чрезвычайно сложно ориентироваться в обширнейшей литературе по «Слову», отечественной и зарубежной. Другая важнейшая задача — создание свода комментариев к «Слову». Отсутствие такого научного свода комментариев затрудняет исследование памятника, приводит к бесконечным повторам одних и тех же соображений. Об этих двух задачах, как важнейших, писал Л. А. Дмитриев и в статье 1985 г.

В какой-то степени эти задачи решаются в пятитомной Энциклопедии «Слова о полку Игореве», в создании которой Лев Александрович принял самое активное участие как один из редакторов и автор нескольких десятков статей.

Непременным условием изучения «Слова о полку Игореве» Л. А. Дмитриев считал «бережное, серьезное отношение» к памятнику со стороны его исследователей, переводчиков и комментаторов. Примером такого рода исследований он считал работы В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева. Каждому из названных ученых он посвятил особую статью.

Таким же серьезным, глубоким и вдумчивым исследователем «Слова» был сам Лев Александрович Дмитриев.

О. В. ТВОРОГОВ

Лев Александрович Дмитриев — редактор Энциклопедии «Слова о полку Игореве»

В июне 1961 г. я был принят сотрудником в Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома, и в первый же день Д. С. Лихачев познакомил меня со Львом Александровичем Дмитриевым. Эта мимолетная встреча и короткая — всего две-три фразы — беседа навсегда остались у меня в памяти из-за того необычайно приятного впечатления, которое произвел на меня Лев Александрович: интеллигентность облика, сдержанная доброжелательность его слов, мужская статность (почему-то я обратил внимание на его красиво посеребренные виски)... И первое впечатление не обмануло — чувство большого уважения и искренней глубокой симпатии к Льву Александровичу я пронес через все три десятилетия нашей совместной работы. Лев Александрович неизменно был для меня эталоном человеческой порядочности и научной добросовестности. Меня всегда восхищало его исключительное трудолюбие, его скромность: он никогда не стремился блеснуть своими (в действительности очень широкими!) филологическими познаниями или научными успехами, он был всегда деловит, и эта деловитость была не маской, не позой, а составляла саму сущность его жизни в науке.

Л. А. Дмитриев, занимавшийся такими выигрышными темами, как «Слово о полку Игореве» или памятники Куликовского цикла, никогда не позволял себя увлечь юбилейной суете, не разменивался на легковесные статейки «по поводу»: приуроченные к юбилеям, его издания всякий раз оставались фактом высокой науки, они содержали глубокие исследования, тщательно подготовленные тексты, отшлифованные переводы, обстоятельные комментарии, чутко откликавшиеся на все новое. Неоднократно обращаясь к знакомым сюжетам и темам, Лев Александрович не поддавался соблазну самоплагиата, когда свежую мысль заменяют ножницы и клей, — он всякий раз писал новый текст статьи, постоянно вводил в науку новые тексты издаваемых памятников. Поэтому подготовленные Львом Александровичем издания «Слова» и книги, посвященные памятникам Куликовского цикла, несомненно, входят в число наиболее авторитетных. Тщательность Льва Александровича в подготовке текстов была исключительной. Как-то с лукавой улыбкой он сказал мне о своем критическом издании текста «Слова» в монографии «История первого издания...»: «Это, наверное, единственное издание текста, в критическом аппарате которого нет ни единой ошибки!». И это, действительно, так. Но такими же тщательными были и другие подготовленные Львом Александровичем публикации.

Стремление все делать основательно и добротно отличало и Л. А. Дмитриева-редактора. Сколько сил и времени отдал он серии «Памятники литературы Древней Руси»! Он перечитывал все наши переводы и комментарии, делая всегда конкретные и нужные замечания, он просматривал корректуры не только своих публикаций, но и тома в целом. И все потому, что он был настоящим патриотом Сектора, стремился к тому, чтобы вся его продукция была бы на высоком научном уровне.

Все эти качества Л. А. Дмитриева в полной мере проявились и в его работе над «Энциклопедией „Слова о полку Игореве“». Лев Александрович не раз признавался, что устал от «Слова» и прежде всего от многочисленных поклонников-дилетантов, на письма которых ему приходилось отвечать. Здесь уместно подчеркнуть, что переписка с дилетантами (в большинстве своем людьми самодовольными, амбициозными, недоверчивыми) требовала не только времени, но и больших душевных сил. И Лев Александрович всегда старался, твердо отстаивая научные истины, найти способ переубедить своего оппонента, щадя по возможности его самолюбие, удержаться в письме от нарастающего порой в душе естественного и совершенно оправданного раздражения. Лев Александрович был серьезным полемистом, но при этом полемистом корректным, стремившимся не ранить самолюбие своего корреспондента.

И несмотря на эту «усталость» от «Слова», Лев Александрович откликнулся на предложение Д. С. Лихачева создать «Энциклопедию „Слова о полку Игореве“». Автор двух принципиально важных статей-программ исследования «Слова» (опубликованных в 20 и 31 тт. ТОДРЛ), Лев Александрович как никто другой понимал, сколь нужен подобный обобщающий труд о знаменитом памятнике. И с первых же дней работы над «Энциклопедией» Лев Александрович отдался ей с присущей ему всегда энергией.

Прежде всего он существенно пополнил и откорректировал составленный мною словник «Энциклопедии», отчетливо провозгласив одной из важнейших задач труда создание свода данных о всех переводчиках «Слова» на русский язык. Когда была завершена работа над первым томом «Энциклопедии», отредактированную мною рукопись взял Лев Александрович и, внимательно перечитав весь текст (не отдельные статьи, а весь текст!), внес немало уточнений и редакторских замечаний. Эту редакторскую работу он продолжал до последних дней жизни: смерть оборвала его труд на статьях на букву «у» — он смог, таким образом, прочесть и оценить почти всю «Энциклопедию». И здесь я хочу подчеркнуть, что Лев Александрович как редактор был гораздо гуманнее, чем я: он убедил сохранить, существенно подредактировав, несколько статей, которые более жесткий его соредактор (пишущий эти строки) намеревался изъять из «Энциклопедии».

Но Л. А. Дмитриев не только редактировал: он являлся одним из основных авторов «Энциклопедии». Всего им написано более шестидесяти статей, посвященных важнейшим проблемам изучения «Слова».

Прежде всего это проблема поисков автора «Слова». Лев Александрович неоднократно обращался к этой теме, споря с учеными, выдвигавшими различные гипотезы о предполагаемых создателях памятника; всякий раз, не ограничиваясь критикой очередной атрибуции, он настойчиво формулировал методологические принципы, без соблюдения которых вообще не может быть поднят вопрос об авторе «Слова». Наиболее развернутой и обстоятельной работой на эту тему является его статья в «Энциклопедии „Слова“», соотносимая с им же написанными статьями о Беловоде Просовиче и Владимире Ярославиче, Митусе и Ольстине Олексиче, Петре Бориславиче и Рагуиле Добрыниче, «книжнике» Тимофее.

Другая проблема — история переводов «Слова» и его поэтических реминисценций — также не была для Л. А. Дмитриева новой: его обзо-

ры переводов и переложений неизменно входили в наиболее авторитетные антологии последних десятилетий. И в то же время цикл статей о переводчиках «Слова» в «Энциклопедии» — это совершенно новый этап в разработке темы. Лев Александрович представил глубокую характеристику «классических» переводов «Слова», принадлежащих К. Д. Бальмонту, С. В. Ботвиннику, Н. В. Гербелю, В. А. Жуковскому, А. Н. Майкову, Л. А. Мею, Н. А. Новикову, Н. А. Рыленкову, и в то же время посвятил статьи малоизвестным переводчикам, таким как Ю. А. Бариев, Н. П. Болотова, В. Н. Зотов. Таким образом ученому удалось представить широкую панораму истории переводов «Слова», дополнив ее серией статей о поэтах, создателях стихов и поэм, навеянных образами памятника (статьи о П. Г. Антокольском, О. Ф. Берггольц, Н. Л. Брауне, В. Я. Брюсове, И. А. Бунине, А. А. Прокофьеве).

Третья важная тема, разрабатываемая в статьях Л. А. Дмитриева — история первого издания «Слова». Особый интерес представляют в этой связи статьи о В. Г. Анастасевиче, митрополите Евгении, А. Ф. Малиновском, Н. М. Карамзине, в которых Лев Александрович существенно дополнил и обобщил сведения, содержащиеся в работах предшественников.

Статьи Л. А. Дмитриева об исследователях «Слова» — Н. К. Гудзии, И. П. Еремине, Д. С. Лихачеве, Д. Д. Мальсагове, В. Н. Перетце, С. Н. Плаутине, В. Г. Федорове и др. — это не просто критико-биографические этюды, это одновременно и размышления Льва Александровича — крупного исследователя памятника — о всем круге проблем, поднимавшихся и решавшихся названными учеными.

Есть в «Энциклопедии» и еще один круг статей, непосредственно связанных с интересами Л. А. Дмитриева. Еще на раннем этапе работы над «Энциклопедией», когда обсуждались принципы ее составления и структура, Лев Александрович выдвинул предложение один из томов «Энциклопедии» посвятить сводному комментарию к тексту «Слова». Этот замысел вызвал резкую критику академика-секретаря ОЛЯ М. Б. Храпченко и был отвергнут. Но сама идея Льва Александровича воплощена в многочисленных статьях «Энциклопедии», посвященных темным местам «Слова», а специальный раздел в предметно-терминологическом указателе позволяет без труда составить такой сводный комментарий ко всему тексту памятника.

Очень горько сознавать, что Льву Александровичу не суждено было увидеть «Энциклопедию» вышедшей из печати. Но пусть каждый, кто возьмет в руки ее тома, с благодарностью вспомнит о том огромном вкладе, который внес в этот фундаментальный труд его редактор и автор — Лев Александрович Дмитриев.

Н. В. ПОНЫРКО

Лев Александрович Дмитриев как переводчик памятников литературы Древней Руси

Мы все хорошо знаем, как часто Л. А. Дмитриев в последние годы выступал с докладами и статьями о важности и сложности переводов древнерусских литературных памятников на современный русский язык. Он начал говорить об этом в «Обзоре изданий памятников древнерусской литературы» (Русская литература. 1979. № 1); затем опубликовал статью «К вопросу о переводе древнерусских текстов на современный русский язык» (в сборнике «Армянская и русская средневековые литературы». Ереван, 1986); потом, по выходе 11-го тома ПЛДР, вышла в свет его статья «Некоторые итоги и проблемы издания памятников древнерусской литературы» (Русская литература. 1988. № 1); а между выходом этих статей Лев Александрович выступал с докладами на эту тему на выездных Чтениях по древнерусской литературе в разных городах, последний раз — в Москве, на конференции в Институте мировой литературы. Лев Александрович видел здесь проблему, ибо высказывалось мнение, что это ненужная работа: Ю. Лощиц в статье 1982 г. в журнале «Наш современник» под названием «Взыскующие правду. К 1000-летию русской литературы» написал, имея в виду нашу серию «Памятники литературы Древней Руси», что проблема перевода на современный русский язык мнимая, и читатель в состоянии понимать древнерусский текст без перевода. Лев Александрович доказывал нужность этой работы и показывал ее трудность.

Но в приверженности к этой теме было нечто большее, чем естественное стремление редактора популяризовать то многотомное издание, которому он посвятил многие годы своей жизни. За этим неустанным твержением о важности перевода и билингвистического принципа издания текстов, как можно теперь понять, стоял незримый пафос обретения особого рода деятельности.

Как мы больше всего помним Льва Александровича последних лет? Очень многие скажут: склонился над своим столом и пишет. Д. С. Лихачев говорил даже, что теперь, после смерти Льва Александровича, он часто видит его со спины, как он сидит и пишет, ведь стол Д. С. Лихачева в его рабочем кабинете стоит позади стола Льва Александровича.

А писал он больше всего в последние годы — свои переводы для ПЛДР (и редактировал чужие). И так из года в год. Им переведены и прокомментированы для «Памятников литературы Древней Руси»: Сказание о Борисе и Глебе, Киево-Печерский патерик, Слово о погибели Русской Земли, Сказание о Меркурии Смоленском, Житие Михаила Черниговского и боярина его Феодора, Рассказ о смерти Пафнутия Боровского, Повесть о Петре, царевиче ордынском, Видение хутынского пономаря Тарасия и т. д. и т. д.

И вот, держа в уме этот образ склоненного над столом и эти произведения, которые он переписывал (в буквальном и небуквальном смысле: буквально переписывал — когда готовил текст к публикации по рукописи, когда же создавал его перевод — «переписывал»-переделывал), понимаешь, что Лев Александрович стал настоящим древнерусским книжником.

Ведь, в сущности, что мы делаем, когда переводим (для «Памятников литературы Древней Руси», а теперь для «Библиотеки литературы Древней Руси») литературный памятник на современный русский язык и при этом намеренно создаем перевод, неразрывно, через параллельное «билингвистическое» издание, связанный с оригиналом, намеренно пускаем его в свет в этой неразрывной параллельной связи (а эту-то параллельность и отстаивал Лев Александрович в своих статьях)? Мы создаем последнюю, на сегодняшний день, новейшую редакцию литературного памятника.

Каждое время переписывает тексты заново. И в «Памятниках литературы Древней Руси», и в «Библиотеке литературы Древней Руси» мы, в сущности, такие же писцы и стилистические редакторы, какими были наши предки в XIII и XVII веках. Но особенность нашего времени как раз в том и состоит, что оно пришло к осознанию историчности этого явления, того, что каждая новая эпоха заново переписывает тексты. И потому истинный книжник нашего времени (и писатель, и читатель) уже не может перечеркнуть новым переводом древний текст, — в его сознании они существуют как двуединство. В этом и состоит сущность новейшей редакции, создаваемой нами, — в том, что мы представляем читателю (и себе) литературный памятник и каким он сложился от века, и — как его читает наше время. Билингвистическое прочтение текстов — это не просто удобный способ издания, это новая ступень восприятия текста, это как бы новый способ филологического мышления, у начала которого мы только стоим.

Ахматова написала (и эти строки часто повторяют, потому что они так верны): «Когда человек умирает, изменяются его портреты, по-другому глаза глядят, и губы улыбаются другой улыбкой». Можно было бы еще добавить — «по-другому читаются их книги». Прочтем здесь несколько отрывков из переводов Льва Александровича.

ИЗ ЖИТИЯ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

<...> Приход Михайлы, юродивого Христа ради, в монастырь святой Троицы на Клопске <...>

А пришел ночью, в канун Иванова дня. Поп Макарий, покадив церковь, на девятой песни пошел в келью, а она открыта. Вошел поп в келью, а там сидит на стуле старец, а перед ним свеча горит, и переписывает он «Деяния», святого апостола Павла плавание. <...> И игумен, взяв крест и кадило, пришел с чернецами к келье, а сенцы в келью уже заперты. И посмотрел игумен в окно в келию, а там сидит старец и пишет.

(Памятники литературы Древней Руси. М., 1982. С. 335)

«Сидит старец и пишет»... Кто это?...

В 60-е—70-е гг., когда было близко время работы над книгой о Житии Михаила Клопского, Льва Александровича звали в Институте Клопским, потом это прозвище сошло на нет. А теперь мы задумываемся над тем, как избираемые ученым темы и произведения оказываются его судьбой и его лицом. Как это происходит: мы читаем про Михаила Клопского, а вспоминаем Льва Александровича? — «сидит старец и пишет»...

А что пишет? «Деяния апостольские», священную книгу, избранную. И Лев Александрович переводил избраннейшие произведения

нашей древней литературы: Слово о погибели Русской Земли, Сказание о Борисе и Глебе, Киево-Печерский патерик и т. д.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

О, светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

(Памятники литературы Древней Руси. М., 1981. С. 131)

Лев Александрович всю жизнь помнил (и не раз рассказывал об этом) пронзительное чтение И. П. Ереминым на их студенческом семинаре монолога Глеба из Сказания о Борисе и Глебе — «Не дейте меня, братия милая, не дейте!» Пришло время и Лев Александрович сделал перевод «Сказания».

ИЗ СКАЗАНИЯ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

<...> они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он — приветствовать его хотят. И когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою; смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую...»

(Памятники литературы Древней Руси. М., 1978. С. 293)

Перевод Сказания о Борисе и Глебе — лучший перевод Льва Александровича; он и пронзительный, и строгий, и высокий, как и само Сказание, это избранное произведение древнерусской литературы. Но разве другие памятники, которыми занимался Лев Александрович, не избранные?

Прочтем отрывок из Рассказа инока Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского, и мы увидим, что этот перевод Льва Александровича, быть может, еще лучше, чем перевод Сказания о Борисе и Глебе.

ИЗ РАССКАЗА О СМЕРТИ ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО

<...> Братия молчала, старец же стал говорить, что человек один умрет скоро; мы же недоумевали — кто это, думая — может, кто-то известил его об этом? И тогда я спросил

его: «О ком это ты говоришь? Мы не знаем». Старец же сказал: «О том, про кого вы говорите, что он болеет, а он, покаявшись, умереть хочет».

<...> прилег я, чтобы немножко отдохнуть, и вскоре задремал.

Когда спал я, то показалось мне, что поют, и я сразу же с ужасом вскочил и, быстро открыв дверь и войдя в келью, увидел старца лежащим на том же месте, а ученик стоял около его постели. Я же спросил ученика: «Кто был здесь из братии?» Он же ответил: «Никого». Тогда я сказал ему, что слышал пение, он же мне сказал: «Как только ты вышел, старец начал петь „Блаженны непорочные....“ <...>»

Я же сказал ему: «Отходит старец к Богу».

Припали мы с учеником к ногам старца и облобызали ноги его, потом, склонившись над грудью его, стали просить благословения и последнего прощения. Со многим трудом, не знаю как, — старец уже не внимал словам нашим, — услышали мы сию молитву: «Царь небесный всесильный! Молюсь тебе, владыка мой, Исусе Христе! Милостив будь к душе моей, да не будет она удержана лукавством врагов человеческих, да встретят ее ангелы твои, и проведут ее сквозь преграды всех мрачных мытарств, и препроводят ее к свету твоего милосердия. Знаю ведь и я, Владыка, — без твоего заступничества никто не может избежать козней духов лукавых».

После этого не мог уже старец говорить внятно. Если и говорил что-то, то мы уже не могли уразуметь сказанного.

Потом начал он на своей постели, где лежал, с левого бока на правый поворачиваться <...> Я же, не разумея — к чему это, переворачивал его назад <...>

Наконец уразумел я, что видит он кого-то явившегося к нему <...>

Тогда я сказал ученику его: «Ты сиди здесь, будь при старце, а я посмотрю на монастырский двор — может быть, братья уже окончили службу».

И еще я и до окна не дошел, как ученик старца воскликнул в страхе: «Иннокентий, Иннокентий!» Я же, быстро обернувшись, спросил: «Что видишь?» Он же ответил мне: «Вздохнул старец». И я увидел, как он еще раз слегка вздохнул и, немного погодя, в третий раз: тремя вздохами передал святую свою душу в руки Бога...

(Памятники литературы Древней Руси. М., 1982. С. 509—511)

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Воспоминания о Л. А. Дмитриеве

Никогда не думал, что мне придется писать воспоминания о Л. А. Дмитриеве. Я прочил его в свои приемники по Сектору древнерусской литературы, считал, что он лучше всего будет соответствовать основной будущей задаче Сектора: восстановить в полном объеме состав древнерусской литературы и издать памятники, которые казались слишком церковными и не включались на этом основании в историю литературы.

Я верил в его достоинства текстолога, в его способности организатора и в его вкус, не позволявший ему увлекаться различными легковесными концепциями и предположениями. Все это я считал важным. А кроме того я видел, с каким уважением к нему всегда относились сотрудники Сектора.

Его рекомендовала принять в Сектор по окончании им университета Ирина Николаевна Томашевская — и от себя лично, и от Бориса Викторовича Томашевского. Должен признаться, что я неохотно поддавался сперва на уговоры Ирины Николаевны, так как Лев Александрович был по университету учеником Михаила Осиповича Скрипиля. Скрипиль же был крайне неприятным человеком и моим противником по всем статьям, мешавшим мне защищать докторскую, восстанавливавшим против меня Обком через свою ученицу, ставшую инструктором Обкома, Воробьеву-Смирнову, науськивавшим против меня Игоря Лапицкого и организовавшим с помощью этих двух субъектов идеологические проработки меня и Я. С. Лурье — в Союзе писателей, на филфаке в университете и, наконец, в самом Пушкинском Доме. Признаюсь, что у меня были, хотя и чисто внешние, основания опасаться принимать в Сектор Л. А. Дмитриева. Но Лев Александрович, однако, довольно успешно разрушил мои предубеждения. Худенький, аккуратный, немногословный и скромный он держался с достоинством, не стремился подольститься или понравиться тем или иным путем. Он был таким, каким он был, ничуть не входя в какую-то роль. Варваре Павловне Адриановой-Перетц он понравился сразу, конечно, не без рекомендательных слов по телефону Ирины Николаевны. Впоследствии мне стало ясным, что истинным его научным учителем по университету был Борис Викторович Томашевский. Но Лев Александрович, зная всю подоплеку отношений моих и Скрипиля, никогда не отрекался в той или иной форме от формального руководителя своей дипломной работы — Скрипиля и, напротив, даже изредка напоминал о своем «учителе» — Скрипиле. Все это свидетельствовало о глубокой порядочности Льва Александровича.

По первым своим работам о «Слове о полку Игореве» Лев Александрович советовался не только со мной, но и с Варварой Павловной. Помню, что его работу о Каяле я не сразу признал, хотя сразу допустил ее опубликование в «Трудах отдела древнерусской литературы».

В дальнейшем у меня установилась со Львом Александровичем настоящая дружба. Между нами не было особых тайн, кроме самых человеческих. Всегда подтянутый, точный в словах и поступках, приходивший в гнев только в случаях элементарной нравственной нечисто-

плотности наших общих знакомых (таких случаев можно было бы по пальцам перечесть), всегда стремившийся найти оправдание «нарушителям», он был одновременно крайне нетерпим к выражениям национализма или национального нигилизма, сознательного принижения значения тех или иных любимых им памятников древнерусской литературы — и в первую очередь «Слова о полку Игореве». Он очень не любил, когда со «Словом» производились те или иные эксперименты, выдвигались гипотезы людьми, никогда не занимавшимися ни древней русской литературой, ни древнерусской историей и языком. Одним словом, когда выдвигались различные гипотезы только для того, чтобы связать свое имя с этим памятником.

Его возмущали кавалерийские рейды по тылам «Слова», чтобы обнаружить там половецкую основу. Поведение Олжаса Сулейменова, изображавшего из себя жертву русского национализма и вместе с тем предавшего на увольнение и «съедение» работников издательства, выпустивших его книгу «Аз и я», вызывало его искреннее возмущение. Вместе с тем он искренне уважал Александра Александровича Зимина, выступившего со своими сомнениями по поводу подлинности «Слова». Он, как и я, выступал с обращениями к руководству Академии наук СССР и Института истории АН СССР по поводу необходимости издать книгу А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» нормальным тиражом (к обсуждению этой книги о «Слове» она была издана тиражом всего в 101 экземпляр). В своей полемике с А. А. Зиминым он не только не допускал оскорбительных для А. А. Зимина выражений, но и не опускался до предположений о побудительных причинах его скепсиса. Защищая подлинность «Слова» (а не защищать ее он, в отличие от некоторых специалистов по древней русской литературе, просто не мог), он оставался дружественно настроен по отношению к автору скептического отношения к «Слову».

Характерно его отношение к тем людям, с которыми ему приходилось работать. Он всегда с особым дружелюбием относился к работникам издательства Академии наук — «Наука». Дружил с заведующим производством Аркадием Анатольевичем Коссым, со многими корректорами и редакторами. Все, вступавшие с ним в деловую связь, чувствовали к нему не только уважение, но и дружелюбие, ибо видели в нем человека, искренне заинтересованного в работе. Я редко встречал человека, у которого было столько друзей, сколько их было у Льва Александровича. Ему ничего не стоило съездить в другой город, чтобы отпраздновать с близким другом его день рождения или другой семейный праздник. Я думаю, он и не подозревал, что в нем было очень много от русского интеллигента дореволюционного времени, когда люди запросто приходили друг к другу в гости, вели длинные беседы, восхищались друг другом или теми, кого не было в данный момент в их кругу, обсуждали события и крупные, и мелкие с нравственной точки зрения.

Он был спокойный организатор больших конференций по древнерусской литературе — где бы они ни устраивались: в Ленинграде или в Вологде, Пскове, Новгороде, Владимире, Минске, Чернигове, Тбилиси, Ереване, Москве, Петрозаводске, Архангельске, Ярославле, Новосибирске, Горьком. Он загодя списывался с нужными людьми, продумывал программу заседаний и всех ознакомительных поездок по окрестным монастырям и достопримечательностям. К конференции привлекалась вся местная интеллигенция. Конференции заканчивались

обычно организацией работ по древнерусской литературе, основанием музея (как в Ярославле), закладкой памятника (как в Новгороде-Северском), сопровождались выпуском изданий, началом составления каталогов, сбором материалов, привлечением молодежи к занятиям древнерусской литературой, акциями в защиту памятников культуры, статьями по древней русской литературе в местной печати. С помощью Льва Александровича Сектор древнерусской литературы стал из обычного отдела в научно-исследовательском учреждении Академии наук еще и общественным центром, группировавшим вокруг себя всех, заинтересованных в русской культуре.

Характерна и близкая заинтересованность Льва Александровича в работе «отпрыска» Сектора — Древлехранилища, ныне носящего имя В. И. Малышева. Собирание рукописей, в котором принимал участие и Лев Александрович, позволило создать В. И. Малышеву своего рода консультативный центр для всех, занимающихся старообрядчеством и старообрядческими рукописями.

Лев Александрович был тем, что называется «правильным человеком». Его возмущали не ошибки в научных работах, а то, чем они были вызваны: «нахальство», как он говорил, имея ввиду, что бравшийся за решение той или иной проблемы был заведомо некомпетентен. Непрофессионализм прежде всего и отсутствие стремления углубиться в вопрос, решение его походя. Особенно болезненно он относился к непрофессиональным и «нахальным» решениям по любимому им памятнику — «Слову о полку Игореве», «подминанию его под себя». Если же ошибался или даже строил свою концепцию человек, обладавший опытом работы с памятником, то Лев Александрович не сердился, а огорчался — и за автора ошибочной концепции, и за «Слово».

«Правильность» соединялась в Льве Александровиче с добросовестностью. Редактируя, он все проверял сам, сидел над корректурами и правил текст как корректор. Он не был барином в науке. Он доверял людям, но все-таки проверял все до последней запятой, или правильнее говоря — до заключительной точки. Ошибки сотрудников сектора он показывал их «авторам» и терпеливо и необидно разъяснял.

Ни на чем так не проверяется отношение человека к человеку, как на переписке. Из отпуска Лев Александрович всегда писал мне одно письмо — одно, но обстоятельное и написанное тогда, когда дачный быт устанавливался и можно было сообщить — как отдыхается. По его летним письмам из Усть-Нарвы всегда можно было представить сложившийся дачный быт и почувствовать, что и дачный отдых нашей семьи для него также не безразличен. Во всяком случае каждое письмо заканчивалось несколькими вопросами, заданными вовсе не для вежливости, а из искренней заинтересованности в истине.

Не знаю, можно ли так сказать, но мне кажется, что Лев Александрович стал важной частью моего познания человека и одной из прочнейших основ моего оптимизма.

И. А. ЮРГЕНСОН

О моем брате, нашем детстве и юности

О самом раннем детстве Левы помню мало, ведь у нас всего три года разницы. Когда Лева родился, мне было три года с небольшим. Мы тогда приехали в Сызрань, удирая из голодной Москвы, и я помню только вишневые деревья, с которых мы со старшим братом собираем смолу и с удовольствием ее жуем. После рождения Левы мы уезжаем из голодной Сызрани обратно в Москву. Папа работал на строительстве железной дороги и, наверное, поэтому мы так легко переезжали с места на место.

Вспоминаются только отдельные эпизоды. Сидим мы с мамой в столовой. Я около мамы что-то делаю, а Лева сидит перед мамой на столе и играет с маминым обручальным кольцом и вдруг засовывает его в рот. Мама не растерялась, схватила его за ноги и начала трясни вниз головой. Кольцо выскочило.

Потом помню, что я тащу его за ноги из-под его детской кроватки, которая стоит около печки. Он залез под кровать и лижет печку, пролизывая в ней ямки. Печка поверх кирпичей покрыта глиной и покрашена известкой или мелом. Ему туда залезать не разрешено, но он все равно улучает время, когда его никто не видит, и залезает за своим «лакомством». Двадцатые годы — апельсины, лимоны только на Рождество.

Позже, когда Леве, наверное, было уже лет пять и у нас появилась еще сестренка, мама с папой едут в магазин «Мюр и Мерлиз» и привозят пачки разноцветной бумаги, мишуру. Мы все вместе сидим за нашим круглым столом (вся наша мебель сделана плотниками, которые работают у папы на стройке) и клеим цепи на елку, а мама рисует на картоне балерин, снегурочек, делает им наряды из цветной прозрачной бумаги. Вместо елки у нас обычно бывала сосна, которую папа привозил на розвальнях из леса. Пока Рождество еще запрещено не было.

Лева беленький и волосы у него мягкие, но совершенно прямые, хотя у нас у всех волосы вьющиеся, особенно у младших — Тани и младшего брата Кости. Лева — тихий, задумчивый, он очень любит смотреть комедии и смеется в буквальном смысле до упаду.

Живем мы в двухэтажном доме на Соколиной Горе близко от путей станции Сортировочная Казанской железной дороги. Дедушка наш был в это время начальником станции Плюшево на этой же дороге. Сама Соколиная Гора от нас недалеко, это по дороге к Измайловскому парку (тогда просто лес), куда мы с мамой иногда ходим гулять. Идти от нас туда минут 30-40 полем и по дороге надо переходить мост через Окружную дорогу, что для всех нас очень интересно.

Дом наш без удобств, у нас квартира из трех комнат, небольшой кухни с русской печкой и плитой, передней и большими холодными сенями с чуланом и двумя входами: черным и парадным. В большой комнате — столовая, потом комнатка мамы с папой и кого-то из нас поменьше и еще комната — детская. В большой комнате на притолоке у дверей висят качели и трапеция для старших. В детской — обои, на которых изображены дети, играющие в мяч. На стенах — картины художника С. Ю. Жуковского, с которым папа был хорошо знаком и

часто бывал у него до его эмиграции в Польшу. В столовой — большой рояль, на котором мама играет, уложив нас спать, и мы часто засыпаем под музыку Шопена (мамин любимый композитор). Гуляем мы перед домом или во дворе. Мимо дома по пыльной дороге проезжают только ломовые извозчики с продуктами для магазина, который как раз напротив нашего дома и где живут наши лучшие друзья, сделавшиеся по существу теперь ближе всех родных. Всего в нашем доме 4 квартиры. Водопровода нет и за водой надо ходить на колонку, которая от нас на расстоянии трех-четырех домов. Во дворе есть еще один двухэтажный дом, садик и маленький одноэтажный дом, где нет детей, и поэтому он кажется нам каким-то таинственным. Двор довольно большой и здесь мы с другими детьми играем в городки, чижика и прятки «двенадцать палочек». Живем мы все дружно. Изредка ходим в кино — в клуб железнодорожников. От нас совсем близко находится депо станции Сортировочная, где на моей памяти был знаменитый субботник, в котором участвовал Ленин. Депо от нашего дома отделяет большой склад, обнесенный забором, где хранятся доски и бревна. Это наше любимое место (мое и Левы), где мы с упоением играем в казаков-разбойников и прятки со всеми нашими многочисленными друзьями. Так же дружно мы все вместе заболеваем скарлатиной. Нас по очереди с перерывами в два-три дня отвозят на извозчике в Сокольническую больницу. Очевидно, это — 1928 год, потому что нас уже четверо и еще один мальчик в палате. Нас всех часто навещают мама с папой и приносят нам фрукты и игрушки. Мы болеем легко, только у Левы осложнение на железки и ему каждый день делают компрессы, для чего мы учимся расправлять на спинке кровати бинты. Леве это не очень нравится и в основном этим приходится заниматься мне. Надо лежать, а Лева пытается вскакивать с кровати и бегать по палате, из-за чего у нас с ним происходят ссоры. Но в конце концов наше заточение кончается и мы благополучно возвращаемся домой. Здесь нас ждет обновленная после ремонта наша детская, у окна стоит письменный столик со всеми письменными принадлежностями, а на стене висит большой лист, на котором напечатаны буквы алфавита, а под ними изображены знаки азбуки Морзе. Мы с Левой пытаемся их выучить. Но вскоре у Левы первое в жизни большое горе — умирает его хороший и близкий друг Лелешка. Умирает от дифтерита. Его увезли в больницу почти вслед за нами.

Примерно в это же время, или чуть позже, наш старший брат (сын мамы от первого брака), наш любимый наставник и друг, кончает в Ленинграде Фотокинотехникум и работает, или проходит практику (точно не помню), в должности кинооператора у начинающего тогда режиссера Пырьева. Они снимают картину под названием «Госчиновник». Брат берет нас всех вместе с мамой на съемки. Мы едем к целому еще тогда храму Христа Спасителя, на лестнице которого снимают чиновников, идущих на работу. К сожалению, этот фильм был «положен на полку», как тогда говорили, и он так и не увидел свет, а брата взяли в армию (юношей с образованием брали тогда на один год и они назывались «одногодичники»). После армии брат к Пырьеву вернуться не смог и вынужден был устроиться на «Научфильм», где он в качестве кинооператора с режиссером Криворучко снимал фильм о модном тогда мероприятии — кролиководстве, и мы все ходили сниматься в ролях школьников, ухаживающих за кроликами. Мы с Левой были на

ролях «главных актеров». Мама со всеми ездила потом смотреть этот фильм, но я ехать отказалась из-за уроков, о чем потом долго жалела.

Но безмятежному детству приходит конец. Надо ходить в школу. Школа далеко — в Лефортове... Леве в школу не хочется, но надо. Я перешла в четвертый класс и повела Леву в первый. Мама проводить нас не может: она остается дома с младшими, папа на работе. Мы вдвоем приходим к школе. Нас всех строят во дворе рядом с нашими учителями. Вдруг мне кричат: «Ира, Ира! Лева убежал!» Я выбегаю за ворота, а он вовсю удирает вниз с горки. Наша школа находилась за забором около «Немецкого» кладбища у Синичкина пруда. Теперь на месте пруда большой сквер, а на месте нашей школы громадное многоэтажное здание какого-то общежития, а на кладбище покоятся наши бабушка с дедушкой и наши дяди и тети.

Лева попал к очень хорошему, старой закалки, учителю — Аристарху Ивановичу. После первого случая Лева уже не убегал и учился без принуждения.

Не помню, когда это было, но газета «Пионерская правда» объявила конкурс на лучшее сочинение о путешествии Миклухо-Маклая. Лева написал сочинение и занял, кажется, первое место, о чем его известила редакция. Здесь надо сказать, что мы с самого раннего детства воспитывались на русской классической литературе: главные имена для нас были Толстой, Пушкин, Чехов, Некрасов, Островский. Папа наш кончил еще до революции Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества и начинал играть в театре Корша. Но после революции по идеологическим причинам в театре не остался, хотя подавал большие надежды. Потом он все-таки организовал в клубе, о котором я писала выше, драмкружок «на общественных началах», как у нас говорили, и ставил там Островского, Гоголя и др. Надо сказать, что его постановки пользовались большим успехом. Он был и за режиссера, и за главного актера; причем таких замечательных Хлестакова и Незнамова, каких сыграл папа, я больше не видала. Папа ставил спектакли, мама сочиняла музыку для песенок в современных пьесах, и конечно все это оказывало благоприятное влияние на наше воспитание. Дома папа часто читал нам отрывки из разных пьес, рассказы Льва Толстого. Одно время папа серьезно увлекался толстовством, ездил в Ясную Поляну и всю жизнь потом боготворил Толстого, во многом разделял его взгляды на религию, любил его произведения. Вот откуда и имя его старшего сына — Лев.

В 1933 году мы переехали в Ленинград, где жили все мамины родственники. И хотя у нас при жизни папы никогда об этом не говорили, но уже после его смерти мы с Левой решили, что этот переезд был неспроста. Тогда в Москве начались аресты и многие инженеры и даже служащие из папиного окружения начали таинственно исчезать, а папины взгляды и знакомства были многим хорошо известны. Думаю, он, чтобы не искушать судьбу, решился переехать в Ленинград, хотя все его родные и близкие знакомые оставались в Москве. Мы поменяли нашу квартиру на две комнаты в коммунальной квартире на Басковом переулке, младшая сестра прожила там дольше всех нас.

В Ленинграде мы попали в разные школы, где были свободные места в соответствующих классах. Леве повезло: у него оказались очень хорошие учителя по математике и по литературе и при окончании школы каждый из них уговаривал Лсву идти по их специальности. Но

перевесила литература. Левина школа была на Кирочной улице и буквально каждый день из школы он сначала шел на Литейный в книжный магазин, а уж потом домой. На книги он тратил деньги, которые мама ему давала на завтрак. Одни книжечки из издаваемой тогда «Школьной библиотеки» он продавал, а другие, новые, покупал. Кроме того, у нас и дома была своя хорошая библиотека. И у старшего брата было много книг и он очень заботился о нашем воспитании.

У нас у всех были свои приятели и приятельницы и мы все всех знали и собирались все вместе. Моих братьев и сестер знали мои однокурсники. Собирались у нас дома, бывало очень весело. Мама с папой старались собрать всех у нас дома — им хотелось знать наших друзей. Старший брат, наш дядя и наш двоюродный брат также участвовали в наших сборищах. Угощение было очень простое, но на это не обращали особого внимания. Главное сладкое блюдо был хворост, который пекла нам мама. Часто устраивали домашние концерты. Мама хорошо играла на рояле, тетя пела (она кончала консерваторию), один знакомый играл на виолончели (вскоре он пропал; всю их семью выселили из Ленинграда — его мать была фрейлиной при царском дворе), папа что-нибудь читал, а мы слушали.

Примерно в это же время мы задумали издать свой журнал, назвали его «Первые шаги». О чем писал Лева, не помню. Он, конечно, был наш главный редактор. Я писала о происхождении Земли по теории Опарина, двоюродный брат писал стихи, а рисунки делала мама или ее брат. К сожалению, наше творчество ограничилось одним этим номером.

Летом мы отдыхали на даче у маминой сестры в Мартышкино. Там главным развлечением для нас было, конечно, купание в Маркизовой луже, походы в Старый и Новый Петергоф, катание на велосипеде, а еще постановка с братьями и сестрой пьесы Маршака «Кошкин дом», где Лева играл роль кошкиного дворника. Потом отдыхали в деревне Усадищи на реке Оредеж, где Лева увлекался рыбной ловлей и где мы все вместе ходили в лес за брусникой.

После школы Лева поступал на филологический факультет на русское отделение, но не прошел по конкурсу и начал учиться на китайском отделении. Стал усердно писать китайские иероглифы, а через месяц угодил в армию. Вышел новый приказ о призыве в армию с 18 лет. Всех ребят из вузов забирали в сержантские школы. И теперь я уже провожала его не в школу, а в армию. Всех призывников собрали во дворце или доме культуры Кирова (не помню, как он называется правильно), оттуда повезли до станции Ланской, там повели в баню. Там я встретила однокурсницу, она тоже провожала брата. Мы и еще одна приятельница грелись у нее дома недалеко от Ланской, а в назначенное время пришли на платформу. Всех мальчиков остригли, одели в шинели и началась для нашего Левушки шестилетняя военная служба. Один раз я ездила навещать его в Лисий Нос. Обратно возвращалась уже под гул артиллерии на Карельском перешейке — началась Финская война.

А потом началась Отечественная война. Из сержантской школы Лева попал в штаб МПВО Ленинграда, откуда он в январе 1942 года смог отправить нас по ледовой дороге в эвакуацию. Мы ехали — мама, папа, два брата и я с сестрой. У старшего брата, Бориса (его фамилия была Вахевич) уже началась дистрофия, по дороге мы его потеряли — он умер от голода. Он делал на Ленфильме комбинированные съемки для фильмов «Музыкальная история», «Великий гражданин», ему дали

бронь, он мог эвакуироваться раньше, но выехал из голодного Ленинграда слишком поздно. Единственным утешением, если только можно так сказать, служило то, что мне с папой удалось его похоронить, а не просто оставить на каком-нибудь полустанке. Мы ехали по лесам и болотам, по каким-то глухим местам — место, где мы его похоронили, назвать трудно. Какой-то безымянный погост в районе Сясьстроя или Череповца.

Потом в течение месяца ехали до Свердловска, куда была эвакуирована папина служба. Там мы устроились хорошо, но собрались все вместе после больниц только месяца через два. Стали ждать известий от Левы из блокадного Ленинграда. Беспокойство о нем не оставляло нас ни на минуту. Наверное, не раньше февраля 1942 года мы наконец получили от него весточку. Потом с кем-то он переслал нам свой ужасный дневник, из которого мы узнали, как он голодал и даже лежал в госпитале. В январе 1943 Лева прислал мне книжечку Веры Инбер «Пулковский меридиан» с такой подписью — «Мой ленинградский привет, дорогая Ирушка, из нашего славного города. Особенно близка и памятна эта чудесная поэма нам, пережившим очень многое, о чем здесь написано. Лева. 9 января 1943 г. Ленинград».

Вернулись мы в Ленинград еще до окончания войны, а Лева из Ленинграда вместе со штабом отправился за нашими наступающими войсками, так что встретились мы еще не скоро.

Р. П. ДМИТРИЕВА

Мой муж Лев Александрович Дмитриев

Со Львом Александровичем Дмитриевым я познакомилась в 1951 г. на заседании, посвященном «Слову о полку Игореве» в Пушкинском Доме. Замуж за него вышла в 1954 г. после того, как я поступила на работу в Сектор древнерусской литературы; он там работал с конца 1953 г. сразу после окончания аспирантуры. С тех пор мы были вместе и рядом, редко расставаясь. Едва ли я смогу четко и ясно сказать главное о нем. Я попытаюсь сообщить некоторые факты из его биографии, думаю, совсем не главные, но малоизвестные. Лев Александрович был сдержанным и терпеливым, немногословным в быту. В то же время ему свойственна была общительность и внимательное отношение к людям, он умел поддерживать дружеские связи не только со своими сверстниками, но и с людьми разных поколений. К нему очень хорошо относились многие сотрудники Пушкинского Дома. Последние годы он часто председательствовал на заседаниях Ученого совета, которые, как правило, проходили спокойно и достойно.

В школьные годы ему явно симпатизировали его одноклассники. Мальчики называли друг друга по прозвищу, часто основанном на фамилии, Льва Александровича звали «Димочкой». В дальнейшем, служа в армии, он в своих дневниковых записях писал, что, видимо, погибли в бою его лучшие друзья — «Мишка» — это Леонид Михайлов, «Гичка» — это Ростислав Антонов и «Чертик», или «Пчелка» — это Валерий Черный. Последний, к счастью, остался жив, и они поддерживали постоянную связь до последних дней жизни Черного. И в студенческие годы Лев Александрович был среди друзей, наиболее часто он встречался с Е. А. Майминым, Н. Б. Томашевским и художником Мариинского театра А. М. Таубером. Томашевский и Таубер любили балагурство, разного рода розыгрыши. Лев Александрович, ценитель юмора, смеялся вместе с ними, но не являлся активным участником этих розыгрышей. Льва Александровича они называли «Клопским», потому что им была написана монография о новгородском святом, юродивом Михаиле Клопском. Однажды его друзья стали разыскивать по телефону в Пушкинском Доме сотрудника Клопского, доставив хлопоты канцелярии. К сожалению, и Таубер, и Томашевский покинули этот мир еще раньше Льва Александровича.

48-й том «Трудов отдела древнерусской литературы» посвящался 70-летию Льва Александровича. Однако он вышел из печати уже после смерти юбиляра. Лев Александрович был познакомлен с содержанием тома, хотя и не увидел его в изданном виде. Когда он читал статью о себе, написанную его ближайшим другом, Е. А. Майминым, он смущался и говорил мне, что ему даже неудобно, слишком расхвалил его друг. На самом деле Евгений Александрович написал о нем истинную правду. А дружба у них была крепкая и прочная. Лев Александрович часто звонил в Псков. Еще в декабре 1992 г. он очень волновался из-за здоровья Евгения Александровича, который в это время был серьезно болен. Лев Александрович не любил далеко уезжать от дома, но непременно навещал в Пскове своего друга в день его рождения — 19 сентября.

Через знакомство с Н. Б. Томашевским Лев Александрович был принят в доме старших Томашевских — Бориса Викторовича и Ирины Николаевны, очень его полюбивших. В последние годы жизни Ирины Николаевны, которая очень страдала от стенокардии, Лев Александрович взял на себя обязанность брать для нее книги в библиотеке Пушкинского Дома. На моей памяти он каждое лето помогал ей с организацией выезда в Гурзуф: паковал вещи, провожал к поезду. Кстати, мы нашей семьей два лета отдыхали у нее на даче в Гурзуфе. Ирина Николаевна умерла в Гурзуфе 26 октября 1973 г. В 1972–1973 гг. Лев Александрович приносил ей, как обычно, книги из Пушкинского Дома и однажды высказал мне недоумение по поводу необычной, несвойственной для интересов Ирины Николаевны тематики этих книг. Загадочность этого явления раскрылась после опубликования под псевдонимом Д^{x} книги под названием «Стремя „Тихого Дона“». Эту работу Ирина Николаевна писала по просьбе А. И. Солженицына, который в предисловии 1974 г. пишет о том, что автор не смог довести задуманное исследование до конца, «умер среди чужих людей», и пока он не имеет возможности раскрыть имя Д^{x}. В дальнейшем имя И. Н. Томашевской-Медведевой стало достоянием гласности. Только тогда Лев Александрович понял, для какой цели ей требовалась литература 20—30-х гг. нашего века.

Хорошо известны дружеские отношения между В. И. Малышевым и Львом Александровичем. Вместе с Владимиром Ивановичем он общался с Аркадием Анатольевичем Коссым, заведующим производственным отделом издательства «Наука». Одно время Малышев был в ссоре с Коссым, и Лев Александрович выступал в роли посла между ними, передавая просьбы и поручения от одного другому. Со стороны это выглядело достаточно забавно. А. А. Коссой, отличавшийся особыми деловыми качествами, давал весьма разумные советы Льву Александровичу и в известной степени опекал его. Лев Александрович любил заходить к нему в издательство, так как в кабинете у Коссого бывали известные ученые и там велись интересные беседы. Об этом я знаю со слов Льва Александровича.

Об отношениях между Львом Александровичем и Д. С. Лихачевым очень хорошо сказал в своей статье в 48-м томе ТОДРЛ Е. А. Маймин, цитирую: «О сотрудничестве Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева стоит сказать особо. Это отдельная тема в научной биографии Л. А. Дмитриева, и тема важного, ключевого значения. У Льва Александровича было много учителей и отличных: М. О. Скрипиль, И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц, Б. М. Эйхенбаум, Д. С. Лихачев. Иметь хороших учителей — это удача и счастье. Л. А. Дмитриеву определенно повезло на его научном пути. Но иметь хороших учителей — это немножко и заслуга. Хорошие учителя могут быть только у достойных учеников. И это делается особенно заметным в истории человеческих и научных взаимоотношений Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву Л. А. Дмитриев обязан и в науке и в жизни очень многим. С тех пор как Д. С. Лихачев возглавил в Институте русской литературы АН СССР древнерусский сектор, он собрал вокруг себя замечательно одаренных людей, основал подлинный центр по изучению древнерусской литературы... В этом ученом содружестве Л. А. Дмитриев был (и остается) одним из самых близких Д. С. Лихачеву. Он был способным учеником Дмитрия Сергеевича, а потом сделался

его литературным и ученым сотрудником и другом. Он по ученым и человеческим заслугам стал другом. Благодаря своему трудолюбию, надежности и не в последнюю очередь — благодаря честности, твердости, безупречной порядочности» (С. 16).

Добавлю от себя, что Лев Александрович был самым верным и надежным помощником Дмитрию Сергеевичу во всех научных делах. Когда случилась беда, Дмитрий Сергеевич всеми силами старался добиться для него медицинской помощи, но судьба Льва Александровича оказалась предрешенной. Он погиб неожиданно для всех окружающих, тем острее и больнее чувствовалась утрата и для близких, и для Дмитрия Сергеевича.

Помощники и продолжатели дела В. И. Малышева по собранию древнерусских рукописей В. П. Бударагин, Г. В. Маркелов, а также дружески относившийся к нему пушкинист С. А. Фомичев постоянно общались с Львом Александровичем и, знаю точно, очень его любили. Уважение и любовь он заслужил и со стороны еще более молодого поколения сотрудников Отдела древнерусской литературы, аспирантов. 18 августа этого года, в день рождения Льва Александровича, вспомнить о нем пришли на могилу многие из его друзей, конечно, уже из числа более молодых.

Однако, про Льва Александровича нельзя сказать, что он был благостным человеком; он не любил и не поддерживал суетных разговоров, не любил лжи, фальши, тем более подлости. Тогда он становился резким, страстно выступал за справедливость. В его натуре сочетались сдержанность и вспыльчивость, он умел отстаивать свою позицию и свои взгляды, тогда наглядно проявлялась твердость его характера. Он не стремился к достижениям в продвижении своей карьеры, никому не завидовал. Стараниями Д. С. Лихачева в 1984 г. он был избран членом-корреспондентом АН, это ничуть не повлияло на его привычки и манеру держаться. Он всегда оставался внутренне свободным человеком, ему было в высшей степени свойственно чувство собственного достоинства.

Остановлюсь на одном частном эпизоде, припомнившемся мне, по существу не столь уж важном для биографии Льва Александровича, но наглядно свидетельствующем о независимости его характера. Мы с ним были в Болгарии, его пригласили выступить с лекцией о митрополите Киприане на симпозиуме для учителей. В виде развлечения к концу симпозиума, который проходил в городе Балчике, была организована экскурсия в правительственную резиденцию вблизи города Генерал Тошев. Там приехавших как хозяин встретил, видимо, председатель горисполкома (это было в 70-х гг. и в Болгарии многое копировалось с нашей страны). Льва Александровича представили как важного советского гостя. В течение всего приема принимавший гостей хозяин выступал в роли человека, которому все подчиняются (я бы сравнила его с пушкинским Троекуровым). За богато уставленным яствами столом по сути дела почти один он и говорил, хвастаясь своими достижениями. Согласно его программе, сидящим за столом через некоторое время было объявлено: «Сейчас будем петь». Присутствующие стали исполнять те песни, которые он предложил, затем он сказал: «Теперь будем танцевать». На этом месте Лев Александрович, постепенно раздражавшийся, не выдержал, резко отодвинул стул, встал, кажется, стукнул по столу кулаком и во всеуслышание заявил: «Я танцевать не буду», — и

ушел из столовой. Начались танцы, я тихо вышла из комнаты и пошла искать своего мужа. Он мрачно сидел в вестибюле. И так, не простившись с хозяином, мы уехали.

Я не могу припомнить случая, чтобы он перед кем-нибудь заискивал. Теперь уже, наверное, только старшее поколение сотрудников помнит его противостояние дирекции по вопросу сокращения штатов в то время, когда он входил в состав месткома института.

Очень кратко коснусь истоков формирования выбора Львом Александровичем профессии филолога. Лев Александрович вырос в большой дружной семье, состоящей из родителей и пятерых детей. Сужу по фотографиям: дом их был открытым, часто посещаемый знакомыми и друзьями всех возрастов, хотя естественно семья была не из богатых. Мать, Елизавета Константиновна, всю себя отдавала интересам своих детей. Она любила музыку и играла на фортепиано, попытки ее пристрастить к этому занятию детей не увенчались успехом, немного только научилась играть младшая дочь Таня. Отец, Александр Андреевич, в свое время окончил Музыкально-драматическое училище при Московской филармонии, был актером в театре Корша. Хорошая выправка и замечательная дикция у него сохранились на всю жизнь. Заботы о семье заставили его оставить театр, он приобрел специальность железнодорожника. В 1933 г. семья Дмитриевых переехала из Москвы в Ленинград и, насколько мне известно, Александр Андреевич стал служить в управлении железных дорог. Однако интерес к художественному слову остался при нем, хотя проявлялся не так часто в то время, когда я появилась в их доме. Мне представляется, что более всего ему нравилась русская классическая литература. Своей внучке, нашей дочери, когда ей исполнилось 9 лет, он подарил «Войну и мир» Л. Н. Толстого в иллюстрированном издании 1912 г. с пожеланием скорее начать читать это прекрасное произведение. Думаю, что и своему сыну он дал имя Лев совсем не случайно.

Лев Александрович рано стал проявлять интерес к художественной литературе и вообще к книгам. Сохранилась его трогательная запись 1937 г. из письма к отцу о том, что он приобрел одну из детских книг дешевого издания. Возвращаясь с дачи из Павловска, он не поехал домой на трамвае, а дошел до дому пешком и на сэкономленные деньги купил небольшую книжечку. И в дальнейшем, уже в блокадном Ленинграде, он покупал себе книжки на те небольшие деньги, которые выдавались солдатам, хотя сам страдал от голода и чуть не погиб от дистрофии. Все это описано в его блокадном дневнике. О его особом интересе к книге образно пишет Е. А. Маймин: «Было наглядно видно, как Л. А. Дмитриев любил книги, ощущая их как нечто живое, трепетное — живую и трепетную мысль, живую красоту. Он с радостью держал книги в руках, ощупывал их, перелистывал. В этом было что-то профессиональное» (ТОДРЛ. Т. 48. С. 8). Отмечу от себя, что Лев Александрович собирал специальную литературу по истории книги, а сам он нередко аккуратно подклеивал переплеты и порвавшиеся листы в книжках своих внуков.

У Льва Александровича явно была склонность к писательству, рано проявившаяся в его дневниках и подробных обстоятельных письмах. Он в одном из писем сестре из блокадного Ленинграда признавался, что ему интереснее и легче писать, чем вести разговоры. Его блокадный дневник, написанный урывками без правки в маленьких записных кни-

жечках, на мой взгляд, является не только документальным свидетельством об ужасных днях и мучениях ленинградцев, но и представляет собой образное повествование с художественными достоинствами и дает ясное представление об авторе, как прекрасном молодом человеке с доброй душой. Д. С. Лихачев так написал о его дневнике: «Хотя это и простые записи для памяти, они тем не менее написаны прекрасным русским языком, очень живо и точно характеризуют их автора как человека чистого и умного, умело подмечающего главное».

Естественно, что после окончания школы в 1939 г. Лев Александрович поступил учиться на филологический факультет Ленинградского университета. Но той же осенью его призвали в армию. Во время Финской войны он служил на Карельском перешейке в 115 зенитно-артиллерийском полку, с 1941 г. до октября 1945 г. выполнял обязанности дежурного сержанта по связи в Управлении противовоздушной обороны Ленинградского военного округа. Ему очень хотелось учиться, и шесть лет пребывания в армии он считал для себя потерянными. Он еще в июле 1945 г. подавал рапорт своему начальству с просьбой о ходатайстве демобилизации его из армии, в чем ему отказали. Только осенью он смог вернуться к занятиям в университете.

Закончил он университет в 1950 г., получив диплом с отличием, затем в 1953 г. окончил аспирантуру при Пушкинском Доме. В. П. Адрианова-Перетц в том же году охотно зачислила его младшим научным сотрудником сектора древнерусской литературы. Темой его дипломной работы и кандидатской диссертации было «Сказание о Мамаевом побоище». Первой большой печатной работой Льва Александровича стала книга «Слово о полку Игореве», вышедшая в 1952 г. в большой серии «Библиотеки поэта». Названные два важнейших произведения древнерусской литературы, а также связанный с ними текст «Задонщины» остались в поле зрения его научных изысканий на всю дальнейшую жизнь.

Об особенностях научно-общественной деятельности Льва Александровича мне от себя нет смысла говорить. Об этом написано Д. С. Лихачевым в его «Слове о Льве Александровиче Дмитриеве» (Русская литература. 1993. № 3), а также во многих статьях, помещенных в настоящем сборнике.

Е. А. МАЙМИН

Памяти друга

Нас сблизили и сдружили черты сходства в нашей жизни и в нашей судьбе. Лев Александрович Дмитриев — для меня навсегда Левушка — родился в августе 1921 года; я тоже, в 1921 году, в сентябре. Лев Александрович часто говорил мне: «Я старше тебя на целый месяц: ты должен меня слушаться». Оба мы были призваны в армию в октябре 1939 года, вскоре после окончания школы. И он, и я были на войне от первого и до последнего ее дня. И оба мы были ленинградцами.

В 1945 году, вернувшись после войны, мы поступили на филологический факультет Ленинградского университета. Впервые я увидел Льва Александровича и познакомился с ним на семинарских занятиях по фонетике, которые вел Лев Рафаилович Зиндер. Встреча наша была до некоторой степени случайной. Мы учились в разных группах. Но в той группе, в которой учился Лев Александрович, занятиями по фонетике руководила его тетя, вдова известного актера Ростовцева. Она не хотела, чтобы племянник занимался в ее группе, и посоветовала ему учиться фонетике у Зиндера. Так Лев Александрович попал в нашу группу. Не вообще в нашу группу, а только на занятия по фонетике. И так мы познакомились с ним. Познакомились и подружились. На всю жизнь.

Мы с ним часто бывали вместе, часто гуляли и разговаривали. Разговаривали о политике, о литературе, вспоминали о войне. Нам было о чем вспомнить. Лев Александрович провел войну в Ленинграде, сержантом, в штабе зенитной артиллерии. Он пережил ленинградскую блокаду, обстрелы и бомбежки, узнал, что такое холод и голод. Чудом он остался жить. Многие товарищи его погибли. Он выжил. На его долю досталась счастливая судьба — но это было очень трудное счастье, которое он не мог забыть и о котором совсем не легко было вспоминать.

В дни службы в армии, в дни войны Лев Александрович вел дневник. Дневник был небольшой по размерам. Мне довелось познакомиться с ним, почитать его. Это были записки человека, солдата — без притязаний, очень искренние. И тем сильнее выражалась трагическая сторона жизни того времени. Я их помню сейчас без подробностей, частностей, но общее впечатление живет во мне незабываемо. Я и сам познал на войне много трудного, был четырежды ранен, воевал на разных фронтах, но на Ленинградском фронте мне быть не довелось. Слава и трагедия Ленинграда меня всегда волновали. И тем сильнее подействовало на меня, поразило меня написанное Львом Александровичем. Через его дневник я увидел Ленинград доподлинный — величественный, страшный и высоко-трагичный.

Очень скоро, сразу же после нашего знакомства, я стал вхож в дом Льва Александровича. Он жил тогда на Басковом переулке, в коммунальной квартире. Семья помещалась в двух комнатах, одна из которых была сравнительно большая. Семья — это сам Лев Александрович, его мать и его отец, младший брат Костя, и младшая сестра — Таня. Рассказывая с любовью о Льве Александровиче, я не могу не сказать о

его родителях. Их я тоже любил. И чем дальше, тем больше. Любил как людей сердечно близких, своих.

Очень хороши были его родители. Незаметные для чужих, незнаменитые — но, как я понимаю это слово, великие. Незаметно великие люди.

Во главе семейства была мать, Елизавета Константиновна. Худенькая, малая ростом, сплошь седая, а глаза у нее были огромные, сияющие, голубые. В ту пору, когда я ее узнал, она нигде не работала, не служила. Но она была самым важным членом семейства. Такая у нее была должность. Она соединяла семью воедино.

Наседка, дух семьи, ее душа — вот кем была Елизавета Константиновна. В ней было так много чистоты, женственности, неизбывной и нерастраченной ласки. Она была полна любви, переполнена любовью. И не только к самым близким. Эту не только черту свою, но и бесценный дар свой она оставила своим дочерям: Тане и Ире.

Отец Льва Александровича был по профессии инженером-путейцем. Именно путейцем. Путеец к нему больше подходил, чем железнодорожник. Это слово больше выражает его суть и его стать. Крупный, сильный, вдумчивый и немногословный, он умел в надлежащее время быть и веселым и радостным, очень ярким в своем веселье. Всегда честный во всех делах своих и помыслах, он был всегда открытым для добрых чувств.

Он был хорошим инженером и хорошим отцом семейства. Но его инженерные пристрастия не мешали в душе быть ему лириком. В этом образцовом инженере таилась накрепко прикрытая, но вечно живая артистическая натура. В молодости он собирался стать артистом, одновременно с техническим училищем он окончил училище при Московской филармонии и был принят в театр Корша, на сцене которого некоторое время успешно играл. Однако жизненные обстоятельства, тяготы послереволюционного времени заставили его отказаться от театрального поприща и целиком посвятить себя инженерному делу. Но эстетическая жилка в нем не пропала. Она сохранилась. Сохранилась в любви к искусству, к поэзии. Мне известно, что одним из самых больших его увлечений было собирание портретов русских поэтов. Редких портретов, редчайших. Один такой редкий прекрасный портрет Тютчева он подарил мне после защиты моей диссертации. Дорогой, бесконечно дорогой для меня подарок!

Считается, что личность и характер человека во многом определяются его детской: детскими и, главное, семейными впечатлениями, семейными отношениями. Именно в них заключены психологические и нравственные истоки и начала созидающейся личности. Счастьем для Льва Александровича явилось то, что он вышел и возрос из добрых семейных корней.

Мать, отец, сестры, братья — все вместе составляли прочную общность, добрый семейный круг, который давал ощущение твердой и прочной основы жизни. Это помогает жить и это помогает стать человеком. Вот что всегда мне приходит на ум, когда я думаю о Льве Александровиче, о его общественной и нравственной позиции, о его мужественной твердости во всех трудных обстоятельствах нашего беспокойного времени.

В 1948 году мы, студенты 3-го курса, Лев Александрович и я, отправились в экспедицию в Заонежье, на поиски старинных рукописей. Мы

оба тогда занимались в спецсеминаре по древнерусской литературе, которым руководил профессор Михаил Осипович Скрипиль. Он и послал нас в экспедицию. Вначале предполагалось, что экспедиция будет большая, возглавит ее сам Скрипиль, но потом это отменили (по каким-то не совсем понятным нам причинам), и осталось в экспедиции только двое: Лев Александрович и я. Я хорошо помню эту нашу экспедицию, и счастлив, что у меня в жизни это было. Первозданная красота природы Заонежья, памятники старины, бедные, но крепкие люди-староверы, их особенная и высокая культура, их двухэтажные крепко сколоченные избы, их незабываемые бани, самовары, разного рода самодельная утварь — все это помнится мне и никогда не забудется.

О нашей экспедиции в одной ленинградской газете была написана довольно обширная статья. Ее написал наш приятель и однокурсник, студент журналистского отделения Олег Ханеев. Статья начиналась с того, что два ленинградских ученых, Дмитриев и Маймин, отправились на Север в экспедицию на поиски «Слова о полку Игореве». Стоя на палубе теплохода, они рассматривали карту района и заранее отыскивали места, где они сосредоточат свои поиски. Далее в статье рассказывалось, как электрические трактора бороздят землю Заонежья и как добрые старцы выходят навстречу ученым бодрой походкой и приветствуют их и как, широко расставив руки, они заключают их в свои объятья.

Статья была по-своему добрая — и очень забавная. Мы много смеялись, читая ее. Большинство из того, что там писалось, было неправдой, по-журналистски красивой выдумкой. Мы спросили Ханеева, зачем же он написал неправду. Он удивился нашему вопросу и, смеясь, сказал: «А кому же интересна была бы правда?» И добавил: «Так получилось и величественнее и занимательнее. Вы еще должны благодарить меня».

Но занимательнее и интереснее — несравненно интереснее — была не выдумка, а подлинная и неприукрашенная правда. Это мы сами — совсем не ученые, а просто студенты, одетые в поношенные шинели, без карт и не очень знающие, что и как искать, но полные интереса и жажды найти, голодные и неунывающие. Это старообрядцы, невиданные нами прежде люди, со своей особенной верой и со своими привычками; это один из старцев Абрамов, слепой и полный недоверия к нам: «Как же я вам рукопись покажу? А, может, вы воры, может, вы утащите?» (У Ханеева он встречал нас радушно, выходя нам навстречу бодрой походкой!). Это замечательные рукописи, выполненные собственными писцами, с большим количеством интереснейших комментариев. Это настоящие ученые из Петрозаводска, добрейшие люди вроде Кирилла Чистова. Это заонежские храмы деревянной постройки. Это самый замечательный из храмов деревянной постройки — Кижи. Это еще многое другое прекрасное и незабываемое.

Мы привезли из экспедиции множество рукописей и первопечатных книг. К этим рукописям и книгам Лев Александрович относился с большой серьезностью. Рукописи и книги интересовали его не только внешним образом, но и внутренне, глубоко. В нем уже тогда готовился и был заметен серьезный любитель и знаток старинной русской книги.

В 1949 году мы оказались близкими свидетелями тяжелых событий. В Ленинградском университете — как и в других местах — началась кампания против так называемых «космополитов». Она была и продол-

жительной, и проявлялась самым различным образом. Помню, как наш приятель Саша Титов (позднее автор хорошей книги о Лермонтове), которого должны были обсуждать (и осуждать) на комсомольском собрании за его преклонение перед своим учителем Борисом Михайловичем Эйхенбаумом, бегал по коридорам филологического факультета и, встретив людей, кому можно было довериться, шепотом вопрошал: «Где мне можно побыстрее выписаться из комсомола? Ведь я уже не в том возрасте. Я хотел бы, чтобы меня выписали раньше, чем исключили». На комсомольское собрание вызвали и студента журналистского отделения Жору Бальдыша. Он был участником семинара Г. А. Гуковского. Ему необходимо было отречься от Гуковского, что он и сделал, оговорив при этом, что Гуковского он не считает безнадежным ученым: его следует только перевернуть с головы на ноги.

Мы с Львом Александровичем не были комсомольцами, и нас на комсомольское собрание не вызывали. И вообще нас как-то не трогали, хотя, наверное, и догадывались, что мы не совсем свои. Не трогали нас и на том собрании, которое оказалось кульминацией в кампании с космополитами. Собрание проходило в большом актовом зале, в главном здании университета. Вначале оттуда попытались изгнать всех студентов. Но нас почему-то не выгоняли. Может быть, потому что не очень удобно было выгонять фронтовиков, студентов, прошедших войну.

Впечатление от собрания было очень тяжелое. Не пришел на него М. К. Азадовский: он сильно заболел. С Эйхенбаумом случился второй инфаркт — хотя он и не знал, что будут громить его и его товарищей. Зато весьма обеспокоен был тогдашний декан. О нем говорили, что он срочно послал в Москву запрос: «Как быть с Эйхенбаумом, если он умрет раньше, чем его разоблачат? Хоронить как космополита или как профессора?» Из Москвы ответили: «Как профессора».

На собрании один за другим выступали с трибуны знакомые и не совсем знакомые лица, угрожающе устремленные своими фигурами вперед, с протянутой рукой и восклицавшие разными словами о том вреде, который принесли науке космополиты. Они были очень серьезны, и в их голосе были стальные ноты. Были немногие, которые пробовали защищать Гуковского, Эйхенбаума и др. Среди них был милейший и честнейший Николай Иванович Мордовченко. Он очень волновался, срывался в словах, но он все-таки защищал. В президиуме были им крайне недовольны. Ему указали на непродуманность его выступления.

Среди тех, на кого нападали, выступали немногие. Хорошо помню выступление Жирмунского. Он каялся. Его пухлое лицо как будто потекло, оно было все в слезах. У меня было такое ощущение, что на моих глазах режут живого человека. Это было очень страшно.

Страшно было Льву Александровичу, страшно было мне. Что сказать? И как сказать? Мы молчали, хотя наше сочувствие было на стороне наших учителей, которых так незаслуженно обижали. Нам хотелось говорить, и мы, как и многие другие, не могли говорить. Было не только страшно, но и очень стыдно. Мы, солдаты, воины, глядевшие не раз в глаза смерти, теперь боялись сказать слово. Собрание долго продолжалось. После собрания мы купили водки, напились сверх меры, и Лев Александрович ругался матерными словами.

Во время учебы в университете у нас со Львом Александровичем так получалось, что мы сближались с некоторыми нашими профессорами

не только по учебной надобности, но и по-человечески, дружески. Так это было с Эйхенбаумом, с Предтеченским, с Ереминым. Б. М. Эйхенбаум после инфаркта и улучшения здоровья был послан в Сестрорецк, в санаторий для сердечников. До того мы навещали его в Куйбышевской больнице. К нему туда не пускали, и мы его не видели, но мы писали ему записки, и он коротко на них отвечал. Хотя и короткие были его ответы, но видно было, что очень трогало его наше внимание.

Когда мы приехали к нему в Сестрорецк, он тоже рад был нам. Но радость его была унылая. Он был какой-то озабоченный, хмурый, душевно усталый. В университете мы занимались со Львом Александровичем в семинаре Эйхенбаума по Толстому. Теперь Борис Михайлович нам говорил, чем мы дальше будем заниматься. Льву Александровичу он советовал взять тему: «Толстой и древнерусская литература». Это было тяжело слушать. Он не знал, что семинаров его у нас больше не будет, что он уволен из университета. Он вообще ничего не знал о событиях, связанных с космополитами, и мы ему об этом ничего не говорили. Ольга Борисовна, дочь Эйхенбаума, просила нас ничего ему не говорить.

Замечательно, что когда Борис Михайлович вернулся из Сестрорецка и ему все рассказали, он принял это достаточно бодро. Он точно повеселел, даже лицом стал лучше, чем в Сестрорецке. Он сказал нам: «Да ведь это стихея. Как со стихеею бороться?» Он тогда даже стихи веселые написал:

Был когда-то я без плеши,
А статьи писал, как леший;
А теперь большая плешь,
А статьи и книги где ж?

И еще:

В дни юбилея В. Гюго
И Николая Гоголя
Не получил я ничего —
Ни хлеба, ни алкоголя.

В Ленинграде мы продолжали посещать его. На его квартире на улице Софьи Перовской. Встречали там Бялого, Еремина, Мордовченко, Ямпольского, Валентину Березину. Это были постоянные его посетители. Часто мы приносили с собой коньяк, благо он был недорог и доступен был даже нам, студентам. На коньяк, как будто чуя его запах через стены и лестничные коридоры, приходил остроумнейший Евгений Шварц. Первую рюмку он поднимал дрожащими руками, вторую — твердо и решительно. С Шварцем мы подружились: встретив нас в Комарово, он угощал нас пивом и рассказывал нам занимательнейшие истории.

На вечерах у Бориса Михайловича часто звучала музыка. Он был большим ее любителем, и у него собралось большое количество пластинок с лучшими записями классической музыки. Когда играла музыка, Борис Михайлович уходил весь в нее, живо ее переживал, и это сказывалось между прочим в том, что он начинал размахивать руками и дирижировать. Льву Александровичу это не очень нравилось. Однажды он сказал мне: «Я люблю Бориса Михайловича. Я готов за него в

огонь и в воду. Но я не могу, когда он размахивает руками. Он это понимает, а я не понимаю. Я не буду больше ходить к нему».

Лев Александрович и вправду в течение почти месяца не ходил к нему. А потом не выдержал, снова начал ходить.

Часто мы бывали и у Анатолия Васильевича Предтеченского. Он преподавал нам русскую историю, от Павла и до Александра II, и очень дружественно был к нам настроен. Иногда, уже после окончания университета, мы рассказывали ему о том, что он говорил нам на лекциях, особенно смелые и острые места его лекций. Он смотрел на нас с улыбкой, удивлялся: «Неужели я мог такое говорить?» Он был разносторонне талантлив. Помимо того, что он преподавал историю, он был музыкантом, одно время исполнял должность помощника режиссера у Мейерхольда, был завсегдатаем концертов Ленинградской филармонии.

Мы бывали у него и дома, и на даче в Комарово. Бывали в торжественные дни его рождения, и в обычные дни. Он рассказывал нам о Киеве, где прошла его юность, с увлечением рассказывал о своем учителе Платонове, о разных случаях из истории и собственной жизни. Он прекрасно рассказывал: занимательно, мастерски. К нему часто заходил его друг, режиссер ТЮЗа Макарьев. Он тоже был замечательным рассказчиком. С огромным интересом и наслаждением Лев Александрович и я слушали их воспоминания о юности, о Киеве, о Короленко, кумире их юности.

В Комарово вместе с Анатолием Васильевичем мы навещали Бориса Михайловича Эйхенбаума, который проводил летние месяцы в Доме творчества писателей. Анатолий Васильевич и Борис Михайлович были давно знакомы и сердечно и дружески относились друг к другу. У Льва Александровича сохранилось много фотографий, сделанных им самим, на которых запечатлены Борис Михайлович, Анатолий Васильевич и милая и добрая Александра Поликарповна, жена Анатолия Васильевича. Кстати, Александра Поликарповна, великолепная кулинарка, настоящая умелица, с особенным почтением относилась к Льву Александровичу. Она считала его большим гурманом, несравненным ценителем всего того, что она готовила. Говоря по правде, я про себя сомневался в том, что он был таким уж хорошим ценителем, но он высказывал свои мнения о кушаньях с такой серьезностью, что можно было понять и Александру Поликарповну.

Благодаря Льву Александровичу я познакомился со многими хорошими и добрыми людьми. Особенно дорого мне, что он ввел в мою жизнь, в мою судьбу Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он познакомил меня с ним, в значительной степени ему я обязан тем, что Дмитрий Сергеевич все более дружески и заинтересованно-внимательно стал относиться ко мне, что между нами установились необыкновенно теплые отношения. Лев Александрович часто приезжал в Псков с Дмитрием Сергеевичем и его женой Зинаидой Александровной, мы вместе гуляли по Пскову, радовались псковским достопримечательностям; часто в Пскове проводились выездные заседания древнерусского сектора, посвященные разным вопросам — в частности, юбилею «Слова о полку Игореве». С Дмитрием Сергеевичем я часто встречался и в Ленинграде, и в Комарово — и почти всегда при встречах этих присутствовал и Лев Александрович.

Лев Александрович всегда был мне не просто другом, но другом надежным и верным. Когда я защищал диссертацию, он мне очень помогал. И в крупном, и в мелочах. Он бегал на почту опустить нужное письмо, помогал отсылать бандероли с авторефератами, выполнял другие поручения. Да какие там поручения! Я ничего ему не поручал, ни о чем не просил — он сам все без моей просьбы делал. Глядя на него, секретарь Ученого совета славная Ирина Михайловна, сама много мне помогавшая, восклицала: «Какой у вас друг! Я никогда не видела таких друзей, таких преданных, таких настоящих!».

В моей защите героем был не столько я сам — это было бы естественно, — сколько он, Лев Александрович. О нем, о его достоинствах, его поведении говорили все. Говорили с восхищением, с великим удивлением и уважением.

Каждый год — и это было обязательным для нас ритуалом — в сентябре месяце, вместе со своей верной спутницей, женой Руфиной Петровной, Лев Александрович приезжал в Псков на мой день рождения. Его приезд был для меня обязательной частью моего праздника: без него и праздник был бы не вполне праздником. Он приезжал на несколько дней, гулял по Пскову, посещал любимые места, беседовал со мною. Мы много и о разном говорили. Для меня это было радостью. Мне было с ним так легко разговаривать. И так нужно.

И вот его нет. Он так неожиданно для меня умер. Я больше не увижу его, не услышу. И я думаю: как же я теперь буду без него? С кем я теперь буду разговаривать?

К. В. ЧИСТОВ

Одни и те же боги нас посещали, милый друг

С Львом Александровичем я познакомился в 1948 году. Незадолго до этого я уехал в Петрозаводск, где мне предстояло заведывать только что организованным сектором Института языка, литературы и истории Карело-финской Базы АН СССР, из которого впоследствии выросли сектора литературы, фольклора и этнографии. Это было прямое продолжение работ, начатых еще в студенческие годы. В составе фольклорных экспедиционных групп учеников М. К. Азадовского мне посчастливилось три лета проработать по приглашению Карельского научно-исследовательского института культуры в русских районах Карелии. Наша первая встреча с Л. А. Дмитриевым состоялась, по-видимому, в конце июня 1948 года после окончания студенческой весенней сессии.

Рано утром раздался стук в дверь нашей петрозаводской квартиры на Пробной улице за Зарецким кладбищем, и в дом вошли двое молодых мужчин с письмом моего старого друга Владимира Ивановича Малышева. Это были, как они представились, Лев Дмитриев и Евгений Маймин, студенты филологического факультета Ленинградского университета. По рекомендации Малышева они должны были продолжить археографические поиски в Карелии, начатые им в предвоенные годы. Меня он просил помочь наметить маршрут, дать первые бытовые и профессиональные советы.

Я откликнулся охотно. В. И. Малышева я ценил очень высоко, мне импонировал его энтузиазм, умение работать в севернорусских деревнях, знание рукописной традиции.

Оба они были как бы младше меня, еще учились в университете, который я окончил в 1941 году. Но они тоже успели повоевать и по послевоенным представлениям мы принадлежали к одному поколению, в отличие от тех студентов, которые пришли в университет из школы. Каким-то образом нас сближала и привычная простота быта.

Мы приехали в Петрозаводск осенью 1947 года, получили квартиру только в начале зимы в двухэтажном деревянном доме, построенном немецкими военнопленными из сырых бревен. Из Ленинграда мы привезли несколько ящиков книг. Единственным спальным местом, не считая детской кроватки, был матрац, водруженный на два таких ящика. Кроватка была подарена нам Л. В. и М. К. Азадовскими для нашего годовалого сына. И, наконец, две наши комнаты украшал простейший фанерный шкаф, полученный еще в Ленинграде по ордеру и с большим трудом привезенный в Петрозаводск.

Наши гости без объяснений поняли, что спать им предстоит на полу на чем бог послал. Столь же прост был и завтрак, который мы могли им предложить. Все вокруг было по карточкам, включая и обеды в столовых. Поселиться в гостинице и питаться в ресторане — такое не могло придти в голову ни нам, ни нашим гостям. За чаем мы разговорились и через полчаса стало казаться, что мы всегда были знакомы. Лева и Женя, как мы их сразу стали называть, сразу же расположили к себе серьезностью, деликатностью, скромной интеллигентностью. Нам очень просто было понять друг друга. Военные годы не казались нам

просто потерянными; мы должны были участвовать в грандиозной схватке — в этом не было сомнения. Но теперь самым важным было другое. Возвращение в университет после демобилизации было шагом совершенно сознательным. Здесь не было места инерции — из школы в вуз по совету или инициативе родителей. Мы были в равной степени обуреваемы плебейской жаждой знаний и деятельности. Нам надо было не только учиться, мы рвались поскорее добиться права делать что-то трудное и важное, причем вполне самостоятельно. Взрослыми мы стали в первые же месяцы войны. При этом мы все не блистали здоровьем (а Евгений Александрович Маймин был серьезно ранен, он имел право считать себя инвалидом), но преодолевали свои недуги, не засчитывая это себе в заслугу. Мы были счастливы тем, что пережили войну, вернулись к нашим родным и друзьям и, наконец, сможем заниматься своим делом. Все остальное должно было устроиться само собой.

Для меня самым главным было то, что наши новые знакомые — люди сознательного выбора. Лев Александрович решил заниматься древней русской литературой и этому выбору остался верен навсегда. Евгений Александрович начал заниматься русской литературой XIX века, но поиск старинных рукописей был для него не мальчишеской романтической затеей, а занятием, к которому он, поработав в семинаре И. П. Еремина, относился как к одной из важнейших отраслей литературоведческих занятий. Это было мне тоже близко и понятно. Избрав фольклор в качестве основной специальности, я, как и многие мои однокашники, под влиянием лекций академика А. С. Орлова и его просеминария занятия древней русской литературой считал необходимыми для понимания XIX и XX века.

Археографическая экспедиция, в которую собирались направиться Л. А. Дмитриев и Е. А. Маймин, была в бытовом отношении отважным предприятием. Они располагали только тем, что получили в качестве стипендии на лето, а она была отнюдь не велика. Продовольственные запасы их были тоже минимальными. Поэтому первое, что мне пришло в голову, — попытаться добиться, чтобы Карело-финская База Академии наук СССР, как она тогда называлась, признала их своим экспедиционным отрядом и взяла на себя оплату необходимых расходов — дорожных и так называемого «полевого довольствия» — и выделила бы хотя бы минимальную сумму для приобретения рукописей. Это представлялось вполне осуществимым, так как академическая база только формировалась и финансирование иногородних специалистов, выполнявших ту или иную работу в Карелии, считалось обычным и необходимым. Вместе с тем, финансирование археографической экспедиции было делом далеко не обычным. Можно было натолкнуться на стандартный и привычный для тамошнего начальства вопрос: «надо ли все это для хозяйственно-экономического развития современной Карелии?» Несмотря на некоторое, впрочем, довольно вялое сопротивление тогдашнего заместителя директора, помочь все-таки Л. А. Дмитриеву и Е. А. Маймину удалось. Директором Петрозаводского Института истории, языка и литературы был в эти годы замечательный филолог, крупнейший финноугровед и человек большой культуры Д. В. Бубрих. К счастью, он оказался в Петрозаводске.

Мне удалось поговорить с ним в присутствии двух ученых секретарей: всей Базы АН — В. И. Машезерского и Института истории, языка и литературы — Н. И. Богданова. Первый перед войной был директо-

ром Карельского Института культуры и поддерживал первые поездки В. И. Малышева в севернорусские районы, в том числе и в Карелию. Н. И. Богданов — ученик Д. В. Бубриха и однокашник В. И. Малышева. Рекомендация Малышева была для него безусловно авторитетной.

Л. А. Дмитриев и Е. А. Маймин получили не только денежную поддержку (она, естественно, была и выражением моральной поддержки), но и важный для них документ, подтверждающий официальный статус их археографического отряда, содержавший просьбу к районным властям оказывать им возможную поддержку.

Выполнить остальные просьбы В. И. Малышева мне было еще легче. Мы посидели в Институте над картой Карелии, наметили возможный маршрут и перенесли необходимые квадраты на кальку. Обсуждали и перспективу поездки в карельские (а не русские) районы Карелии, где тоже были старообрядческие семьи и могли сохраниться рукописи выгорецкой школы. Наконец говорили о некоторых особенностях работы в старообрядческих деревнях (естественно — курение, пользование посудой, некоторые особенности этикета перемещения захожих по избе и т. д.). Но вероятно, обо всем этом им мог рассказывать и Малышев. Тем не менее они очень терпеливо выслушали меня. Я же по молодости, побывав до войны в трех экспедициях, предполагал себя довольно опытным полевым работником. Кстати, до войны я был знаком с Малышевым не только по факультету, но и, как все ученики М. К. Азадовского, поддерживал с ним экспедиционные контакты.

Итак, все было сделано за день, и наши гости, переночевав, отправились в путь. Когда они возвращались из поездки, меня в Петрозаводске не было — я бродил по Заонежью, собирая воспоминания о И. А. Федосовой. Экспедиционный отчет и найденные рукописи они сдавали, видимо, Н. И. Богданову.[1]

Такова была наша первая встреча. Все наши дальнейшие отношения, которые длились без малого четыре десятилетия, неизменно подтверждали первое впечатление.

Сейчас мне трудно датировать точно, но по-видимому, в начале 50-х гг. у В. И. Малышева возникла идея добиться передачи коллекции рукописей, постепенно скопившихся в Петрозаводске, в рукописное хранилище Пушкинского Дома. Это было правильно: в Карельской Базе АН не было условий для хранения рукописей и изучением их никто не занимался. Вместе с тем могли возникнуть и затруднения: коллекция собиралась на деньги Базы и она (при широком взгляде на вещи) представляла для Карелии значительную ценность. Мы снова прибегли к помощи В. И. Машезерского и Н. И. Богданова и, разумеется, не стали просвещать тогдашнего председателя Президиума Базы В. В. Стефанихина, человека малообразованного, типичного чиновника, с точки зрения которого древние рукописи были просто старым хламом. Этот «хлам» составил так называемое «Карельское собрание», влившееся в Древлехранилище Пушкинского Дома, которое теперь носит имя В. И. Малышева.

Решение было принято, и без промедления приехал В. И. Малышев. Рукописи были упакованы и увезены в Ленинград.

---

[1] См.: *Дмитриев Л. А.* Археографические экспедиции в Заонежский район Карело-Финской АССР // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. университета. Л., 1951. Вып. 3. С. 287—290.

В последущие годы мы изредка встречались с Л. А. Дмитриевым в мои приезды в Ленинград для занятий в библиотеках. Встречи были краткими, чаще всего в Пушкинском Доме, куда я приходил на заседания отдела фольклора, собиравшие в те годы фольклористов города. Всегда было некогда, но встречи эти (то более продолжительные, то мимолетные) были неизменно дружественными. Мы коротко рассказывали друг другу, чем занимаемся, что нового в Ленинграде и в Петрозаводске. Кроме того я постоянно заходил в отдел древнерусской литературы и в кабинет В. И. Малышева — в те годы ученого секретаря института. Он мне тоже рассказывал о событиях тех бурных для литературоведения лет (известные постановления ЦК, так называемая «борьба с космополитизмом» и др.) и как они отражаются на буднях Пушкинского Дома, особенно «древников» и фольклористов.

В 1951 году Варвара Павловна Адрианова-Перетц, с которой меня познакомила А. М. Астахова, оппонировала на моей защите кандидатской диссертации в Институте Покровского. На защите был и Лев Александрович, и потом мы с ним вспоминали, как Варвара Павловна, увлекшись спором со мной (она была блестящей спорщицей), чуть было не провалила мою защиту: Совет был смешанным, в нем участвовали представители всех кафедр и факультетов и всем ли было понятно, спорит ли она со мной или обличает мою безграмотность? Это поняла и Варвара Павловна и закончила свое выступление залпом комплиментов, может быть, и не во всем заслуженных. После защиты я стал обычно бывать у Варвары Павловны.

С начала 1950-х гг. я начал вместе с курсом русского фольклора и русской литературы XVIII века читать курс древнерусской литературы в Петрозаводском пединституте. Одновременно, вслед за В. П. Адриановой-Перетц, я стал заниматься отражениями фольклора в средневековой письменности (включая причитания) и «Словом о полку Игореве». По моей инициативе карельский поэт Я. Ругоев перевел «Слово» на финский язык (он был опубликован с предисловием Д. С. Лихачева), а я написал для журнала «На рубеже» статью к 150-летию первого издания «Слова». Все это давало новые и новые темы общения с Л. А. Дмитриевым в мои, частые в те годы, приезды в Ленинград.

Незадолго до этого я получил письмо от В. П. Адриановой-Перетц с предложением написать главу о причитаниях для трехтомника «Русское народнопоэтическое творчество», над которым начали в это время работать фолькористы ИРЛИ в содружестве с «древниками». Руководили всей работой В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев.

Далее последовала просьба отрецензировать огромную рукопись (без малого 100 авторских листов) 1 и 2-ой книги второго тома, которую привозила мне в Петрозаводск А. Н. Лозанова. Эти совместные действия сблизили меня с отделом древней русской литературы и особенно с руководителями отдела В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым. В 1953 году мне предложили оппонировать Л. А. Дмитриеву на его защите кандидатской диссертации. Я с удовольствием согласился. Первым оппонентом была В. П. Адрианова-Перетц.

Встретившись в день защиты с Львом Александровичем, мы обнаружили, что оба взволнованы. Лев Александрович опасался своего первого оппонента: она была, как я испытал это уже на себе, блестящим полемистом и вместе с тем очень острым и требовательным ученым. Для меня же это был первый опыт выступления в качестве оппонента.

Защита прошла весьма удачно, если не считать одного забавного и, вместе с тем, характерного для того времени эпизода. После оппонентских выступлений вдруг взял слово тогдашний ученый секретарь ИРЛИ некий Луканов. Он был прислан в институт ЦК после окончания Высшей партийной школы для «укрепления кадров». Предполагалось, что после окончания ВПШ он будет назначен в какой-то из обкомов на весьма ответственную работу, но на выпускном вечере он перепился и учинил какой-то дикий скандал (о нем рассказывали различно). После этого начальство решило им «укрепить» ИРЛИ. Деятельность его на ниве литературоведения была, слава богу, весьма непродолжительна. Помнится, что институтская молва развлекалась в то время пародийной молитвой: «И избави нас от Луканова!».

На защите Л. А. Дмитриева он решил продемонстрировать свою бдительность и принципиальность. Сразу после оппонентских выступлений он взял слово и начал буквально так (потом это вошло в литературоведческий фольклор): «Я диссертации не читал, но замечания имею», вызвав заметное движение в зале. Дальнейшее было не менее удивительным. Его внимание привлекла первая фраза автореферата, звучащая примерно так: в истории России битва на Куликовом поле стоит в одном ряду с победой под Полтавой, Москвой, Сталинградом. Прочитав первую фразу он остановился, обозрел притихший зал и громко вопросил: «Как можно допускать такие сравнения? Вы, товарищ Дмитриев, игнорируете принципиальные различия. Битва под Сталинградом, как и битва под Москвой, закончились разгромом врага благодаря руководящей роли партии и морально-политическому единству советского народа! А где они были в эпоху борьбы с татарами?!» Может, я и не вполне точно передаю грозное «вопрошение», но смысл был именно такой.

Одна из родственниц Льва Александровича, пришедшая на защиту, обращаясь к сидевшему рядом Б. В. Томашевскому, в ужасе шепотом спросила: «Кто это?» Борис Викторович с досадой только рукой махнул: «А-а! Чего-то там секретарь!».

Голосование было благополучным, но сам эпизод во второй его части вошел в филологический фольклор.

Застолье после защиты было многолюдным, но очень дружеским, теплым и семейным. Запомнился, кроме всего прочего, один из друзей Льва Александровича, незадолго до этого вернувшийся из лагеря (где он был, если мне не изменяет память, за убийство бандита в порыве самообороны), который читал несколько дилетантские, но пронзительные трагические стихи.

Дальнейшее наше общение с Л. А. Дмитриевым развивалось тоже квантообразно. В 1961 году я стал работать в Институте этнографии АН и непрерывно курсировал между Москвой, Ленинградом и Петрозаводском, где еще до 1964 г. оставалась моя семья. С 1964 года я, наконец, «осел» в Ленинграде, хотя по-прежнему заведовал отделом, в состав которого входил и московский сектор, и мне приходилось частенько бывать в Москве. Но все-таки основным местом моей работы стала ленинградская часть Института этнографии, и я стал проводить в Ленинграде значительно большую часть времени. Теперь мы встречались значительно чаще — в Пушкинском Доме, в Публичной библиотеке, всего несколько раз в доме Льва Александровича, а часто просто на набережной. Несмотря на то, что и в эти годы мы всегда куда-то

торопились и всегда говорили о том, что надо еще повидаться, мне припоминается, что мы всегда хотели и пытались обменяться последними новостями, сказать друг другу, над чем и как работаем. Мне особенно запомнилась одна из наших бесед. Лев Александрович после издания «Жития Михаила Клопского» продолжил исследование новгородских и шире — севернорусских житийных повестей, однако не оставлял занятий «Словом о полку Игореве». Мы встретились на этот раз на втором этаже ИРЛИ и зашли в Малый зал, чтобы спокойно поговорить. Л. А. Дмитриев рассказывал мне о формирующемся в его сознании плане монографии о северно-русских житиях, а я — о работе над книгой о «Русских народных социально-утопических легендах XVII – XIX вв.» Получилось так, что эти две книги стали нашими главными книгами. Помню, что разошлись мы с затаенной радостью: работа наша идет полным ходом.

Но отвлекусь несколько от этого сюжета, чтобы коснуться еще одной темы, постоянно возникавшей в наших разговорах в 60-е гг. В 1961 году, как я уже говорил, я был приглашен заведовать отделом этнографии восточных славян Института этнографии АН СССР. В ожидании квартиры, которая была обещана мне, я жил в Москве в 1961–1964 гг., снимая комнату. В эти годы я стал постоянно бывать на заседаниях сектора феодализма Института истории СССР. Заведовал сектором в эти годы Л. В. Черепнин. Это был сильный и продуктивный коллектив. Я прочитал у «феодалов», как их называли, два доклада и познакомился со многими сотрудниками. В их числе был талантливый и обаятельный, столь рано скончавшийся А. А. Зимин. В эти годы он с необыкновенной увлеченностью работал над книгой о «Слове о полку Игореве». Оказалось, что мы живем в одном доме, так называемом «золотом кооперативе» Академии наук на ул. Вавилова, и мы часто, сперва случайно, а потом намеренно, сговорившись, возвращались вместе домой после рабочего дня, особенно, разумеется, после заседаний сектора феодализма.

А. А. Зимин был не просто увлечен — он был обуреваем, всецело захвачен своей идеей, согласно которой «Слово» было сочинено в XVIII веке. Он способен был говорить об этом часами, отвергая все факты, которые этому противоречили. А. А. Зимин приобрел много сочувствующих среди людей, далеких от нашей древней литературы. Его приглашали в интеллигентные дома, в академические институты и он обрел славу гонимого борца с официозной трактовкой «Слова». Этому действительно способствовало организованное преследование его руководством Отделения Истории. Его концепция клеймилась как антипатриотическая, устраивались демонстративные обсуждения рукописи с явной целью препятствовать ее изданию и «осудить» автора по традиции того времени.

В действительности же оснований для столь политизированной оценки исследования А. А. Зимина не было. На одном из обсуждений я был в числе тех, кто поддерживал требование, выдвинутое Д. С. Лихачевым и Л. А. Дмитриевым, не лишать Зимина права опубликовать хотя бы статью с кратким изложением концепции, чтобы можно было спорить с ним «на равных», без политических ярлыков. Помню, я говорил еще о том, что «Слово о полку Игореве» — столь высокая эстетическая ценность, что совсем не страшно потерять ее в XII веке. Тогда мы приобретем великое литературное произведение в XVIII веке,

хотя такая датировка мне не кажется ни в коей мере убедительной. Кроме того, мои занятия XVIII веком в семинаре Г. А. Гуковского не дают мне возможности представить себе «Слово» в контексте литературы второй половины XVIII века. Наиболее убедительным и, вместе с тем, чисто научным опровержением концепции Зимина была, безусловно, книга В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI–XIII веков» (Л., 1968).

Затянувшаяся на несколько лет дискуссия, инициированная работой Зимина, давала нам с Л. А. Дмитриевым при встречах постоянный повод для обмена новостями. А. А. Зимин несколько раз давал мне почитать постепенно готовившуюся рукопись, и я при встречах рассказывал о зиминских новостях, о его новых аргументах.

Лев Александрович, также как и я, с большой симпатией относился к Зимину, высоко ценил его другие работы. Однако мы не могли не видеть, что основная его мысль превратилась в подлинно навязчивую идею и что все возражения и вопросы он перестал видеть и слышать. Это было удивительно для талантливого историка хорошей школы, много сделавшего для изучения русской истории, преимущественно XVI–XVII вв., и привыкшего к строгому отношению к фактам.

В 1973 году мне снова довелось быть оппонентом Л. А. Дмитриева, на этот раз на защите докторской диссертации «Легендарно-биографические повести древнего Новгорода». В том же году она вышла отдельной книгой.

Исследование Л. А. Дмитриева было мне интересно не только по некоторой дружеской инерции, не только потому, что его написал Лев Александрович, хотя и это было важно, — я читал все, что он опубликовал. Докторская диссертация была уже не многообещающей пробой, как когда-то кандидатская, а заметным явлением в нашей литературоведческой медиевистике.

Мне было интересно не только фундаментальное изучение севернорусских житийных повестей, извлеченных из многих рукописных хранилищ, осуществленное впервые в таких масштабах (что само собой разумеется), но и постоянное включение в сферу исследования устных преданий Русского Севера (о Варлааме Хутынском, Адриане Пошехонском, Артемии Веркольском, Варлааме Керетском, Иоанне и Логгине Яренгских и др.), которое отвечало моему давнему интересу к севернорусской народной культуре, сложному переплетению в ней устных и письменных традиций. В моих поездках по Северу некоторые из этих устных преданий мне приходилось записывать (например, о Варлааме Керетском), побывать в местах, в которых действовали эти подвижники (например, в Чупской губе, в нескольких километрах от Керети), оставившие живой след в народной памяти вне зависимости от того, были ли они канонизированы или нет. Мои впечатления о популярности Варлаама Керетского совершенно не совпадали с утверждением Ключевского о «малой популярности» этого подвижника и его жития. Обнаружение Львом Александровичем еще 6 списков жития Варлаама в составе разных собраний вполне совпало с моими экспедиционными впечатлениями. Житие это не приобрело общероссийской популярности, но оно прочно вошло в локальную поморскую традицию как письменную, так и устную.

Мое оппонентское чтение рукописи Л. А. Дмитриева побудило нас встретиться и обсудить проблемы, связанные с севернорусской житий-

ной традицией. Наш «приватный» диспут не обнаружил значительных расхождений в оценке основного материала, если не считать довольно традиционной для того времени концепции о так называемых «элементах реализма» в житийной повести, которую я не мог принять. Наш разговор был, как обычно, не спором в прямом значении этого слова, а плавным движением навстречу друг другу. Причем тон и стиль такой, признаюсь, в большей мере задавались Львом Александровичем — я больше склонен к порывистому спору.

Мне было очень дорого то, что Лев Александрович, несмотря на очень плодотворные занятия «Словом о полку Игореве», сохранил свой интерес к Русскому Северу. Это было прекрасным продолжением пути, по которому он начал двигаться еще в 1948 году — с той памятной студенческой археографической экспедиции.

Очень важным было установление казалось бы обыкновенного, но методически существенного факта: канонизация местных подвижников, их признание святыми (если это случалось), обычно происходила через 50-100, даже 150 лет после их смерти. Это было временем накопления фактов (или стихийного коллективного вымысла), их истолкования, их коллективного признания, их варьирования в устной традиции. Иначе — временем формирования устной легенды, прокладывавшей путь легенде письменной, временем устной сакрализации легенды не только по ее сути, но и по форме существования и функции. Это позволило со значительным приближением к достоверности понять процесс проникновения устных элементов в письменную традицию, верно оценить один из важных источников дальнейшего пополнения или развертывания отдельных редакций.

Пожалуй, самым активным и интенсивным было наше общение в летние месяцы 1979, 1980 и 1981 гг. Случилось так, что мы (моя жена и я) в 1979 и 1980 гг. получали путевки в санаторий в Усть-Нарву, а в 1981 г. отдыхали там с внуками «дикарями». Здесь на пляже мы обнаружили целую колонию ленинградских устьнарвских завсегдатаев, к которым сразу же примкнули и стали проводить много времени вместе. Среди них были трое историков и Л. А. Дмитриев. Кстати, трое из них в ближайшие годы стали членами Академии наук, а четвертый весьма достойный и самый старший из них, к сожалению, не удостоился избрания. Встречи и живые дружеские беседы на берегу Финского залива то утром, то днем, то на фоне прекрасных фантастических морских закатов незабываемы. Широта интересов, энциклопедическая информированность, интеллектуальная острота этих то общих, то частных бесед, заслуживали бы специального описания. Вспомнить о них и легко и трудно. Запоминались прежде всего их тональность, трезвость и меткость оценки ситуации в науке и в стране, многоголосие мнений и способность быстро и охотно понимать друг друга. Сожалею, что это были только три месяца за эти три года. В последующие годы обстоятельства складывались так, что в Усть-Нарву мы больше не попали.

После 1981 года наши встречи приобрели прежний характер. Исключением были два не очень веселых эпизода: мы дважды оказывались одновременно в академической больнице (в кардиологическом отделении, которым заведовала замечательный врач — Виктория Михайловна Лотман — сестра Ю. М. Лотмана). Первый раз я попал в больницу несколькими днями позже Льва Александровича. Его госпитализировали по подозрению на инфаркт. Подозрение, слава богу, не

оправдалось, но я застал Льва Александровича в постели. Ему велено было лежать. Когда я первый раз пришел к нему в палату, он читал корректуру одного из первых томов замечательной двенадцатитомной серии «Памятники литературы Древней Руси» — популярной и вместе с тем строго научной текстологически, в переводах и комментариях. Он мне с явным удовольствием рассказывал о замысле серии, грандиозном предприятии, которым руководили Д. С. Лихачев и он.

Я приходил каждый день навестить Льва Александровича после послеобеденного «мертвого часа» и мы час-полтора вели нашу спокойную беседу. Лев Александрович, как всегда, был дружелюбен, деликатен и спокоен.

В 1984 году я был чрезвычайно обрадован известием об избрании Льва Александровича членом-корреспондентом АН СССР по филологическому отделению. Невольно вспомнились наши первые встречи тридцать пять с лишним лет тому назад перед первой археографической экспедицией — двое студентов с заплечными рюкзаками, отправляющиеся в путь. Путь был пройден немалый, с большим успехом и достоинством.

А. А. ФУРСЕНКО

Верный друг и товарищ

Нас познакомил Аркадий Анатольевич Коссой в стенах издательства «Наука» в 1956 г. В его кабинете заместителя директора по производственным вопросам мы встречались очень часто. Коссой обладал удивительной способностью объединять людей. Он был теплым человеком, остроумным собеседником и талантливым рассказчиком, природа наградила его необыкновенным даром дружеского общения. В его кабинете были завсегдатаями прославленные академики Л. А. и И. А. Орбели, В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, Д. С. Лихачев и другие. С ними у него были деловые и близкие дружеские отношения. Без участия Коссого не выходила в свет ни одна книга. Он всегда и во всем стремился помочь своим авторам. Помогал и привечал не только именитых, но и тех, кто начинал свой путь в науке. Коссой был крестным отцом для многих молодых авторов — будущих кандидатов, докторов наук и членов Академии. Трудно сосчитать, как много судеб ученых оказалось связано с именем этого замечательного человека.

Вскоре после того, как Коссой познакомил нас со Львом Александровичем, между нами установились дружеские отношения. Мы стали друзьями. В особенности же сблизились мы после того, как стали жить на даче в Усть-Нарве, где вместе гуляли вдоль залива, купались и ходили за грибами. Лев Александрович был человеком исключительной порядочности, принципиальным и смелым. В начале нашего знакомства, когда появились первые признаки оттепели, он в дружеском кругу, особенно во время застолья, часто в резкой форме критиковал советский строй. «До чего же я не люблю советскую власть»,— говорил он во весь голос в сердцах, сидя за столом переполненного зала ресторана. Услышав совет быть осторожней и не говорить так громко, отвечал, что его ничто не пугает. Видно было, что это у него не случайно оброненная фраза.

Вместе с А. А. Коссым мы часто праздновали разные события, главным образом выход в свет книг и сборников статей. Застолье всегда было долгим и веселым, расходились к полуночи. Говорили о жизни и о работе. Коссой твердил, что хотел бы вместе с нами отпраздновать избрание наше в Академию. К сожалению, он не дожил до этого времени. Он умер от белокровия в 1979 г. вскоре после своего 70-летнего юбилея. Мы со Львом Александровичем тяжело пережили эту утрату. Коссой был нашим ближайшим другом и учителем жизни.

Свое членство в Академии нам суждено было праздновать уже без Коссого. Мое избрание членом-корреспондентом в 1987 г., а затем и академиком в 1990 г. мы отмечали в узком кругу близких друзей, вместе с преемником Коссого Сергеем Евгеньевичем Зверевым, с которым нас тоже связывала и связывает дружба. Лев Александрович прибыл в «Метрополь» парадно одетым и подарил мне только что выпущенное им издание «Слова о полку Игореве».

Когда Льва Александровича избрали в 1984 г. членом-корреспондентом, Д. С. Лихачев лежал на операции в больнице Кировского завода. Он обратился с письмом к членам Отделения литературы и языка, настоятельно рекомендуя избрать Льва Александровича. Д. С. Лиха-

чев дал ему высокую оценку как ученому, и подчеркнул, что Л. А. Дмитриев является его правой рукой по Отделу древнерусской литературы. Действительно, Лев Александрович был очень близок Дмитрию Сергеевичу и относился к нему с большим почтением. Он часто говорил: «Об этом нужно посоветоваться с Дмитрием Сергеевичем»; «Нужно рассказать Дмитрию Сергеевичу, как идут дела, и заручиться его поддержкой». Авторитет Д. С. Лихачева был для Льва Александровича непререкаем.

Внук Льва Александровича Коля в 3 года научился писать, а с 4-х лет начал вести дневник, выпускал свою газету и переписывался с коллегами своего деда. Нас всех он обычно называл по фамилии. В письме к Дмитрию Сергеевичу Коля писал: «Дорогой Лихачев!». На письма свои ждал ответа и, как правило, его получал. Лев Александрович очень гордился тем, что Коля стал заниматься музыкой, и всячески помогал своему внуку. Во время дачного сезона в Усть-Нарве он хлопотал, чтобы Коля мог играть на пианино в одном из домов отдыха. Его внук — весьма одаренный мальчик, теперь уже юноша — студент композиторского отделения Петербургской консерватории. Наверное, он многого достигнет, и в этом немалая заслуга Льва Александровича, который обожал его и постоянно о нем заботился.

В течение двух лет мы вместе со Львом Александровичем работали в составе Президиума Санкт-Петербургского научного центра Академии наук, где он был назначен председателем Библиотечной комиссии. Но в начале 1992 г. Лев Александрович был неожиданно выведен из состава Президиума и смещен с поста председателя. Произошло это из-за того, что комиссия не сумела найти общего языка с назначенным директором Библиотеки Академии наук В. П. Леоновым. Лев Александрович вел себя в высшей степени интеллигентно, ни на чем категорически не настаивал и не навязывал свою точку зрения. Но из-за непримиримой позиции нового директора БАН комиссия практически не смогла приступить к работе.

Лев Александрович в дружеском кругу жаловался на то, что не переговорив ни с ним, ни с Д. С. Лихачевым, который поддерживал его назначение председателем комиссии, его сместили. Вместе с тем он никогда не считал для себя возможным поставить публично вопрос о правомерности содеянного, ибо не желал быть втянутым в какие-либо споры. Это касалось не только данного инцидента. Л. А. Дмитриев был смелым, прямым человеком, мог поступать очень решительно. Но конфликты были глубоко противны его натуре. По характеру своему он был человеком добрым и благорасположенным к людям. Среди тех, кто его знал, пользовался авторитетом, уважением и глубокой симпатией.

Двенадцать лет мы прожили вместе со Львом Александровичем на даче в Усть-Нарве. Последние два года снимали даже один дом в Белоострове. Там ходили за водой на ключ, бродили по лесным дорогам, обсуждая наше житье-бытье и дела науки. В течение многих лет на даче мы праздновали 18 августа его день рождения. В Усть-Нарве, а потом в Белоострове Р. Ш. Ганелин и я вместе с семьей Льва Александровича — женой Руфиной Петровной, дочерью Ниной, ее мужем Юрой и внуками, сначала с Колей, а потом и Петей, иногда также с Ириной Александровной, его сестрой — отмечали этот день застольем.

Хорошо запомнилось 70-летие Льва Александровича — 18 августа 1991 г., которое мы весело отпраздновали. На следующий день рано

утром раздался звонок из Ленинграда с сообщением о том, что произошел путч. Тут же, собрав вещи, я уехал в город. Лев Александрович оставался с семьей в Усть-Нарве и несколько раз в день заходил узнать, не звонил ли я и как развиваются события. Услышав, что после митинга в Институте я вышел из партии, в которой состоял много лет, и сделал соответствующее заявление в печати, Лев Александрович поддержал меня, хоть и выразил опасение, что события могут обернуться по-разному. Сам он был человеком беспартийным и моей принадлежности к партии не одобрял никогда. Но в этот критический момент забеспокоился, не повредит ли моей дальнейшей судьбе выход из КПСС.

Чутким и отзывчивым товарищем, верным другом, порядочным человеком — таким навсегда он останется в моей памяти.

Я. С. ЛУРЬЕ

Из воспоминаний о Л. А. Дмитриеве

Лев Александрович Дмитриев родился в 1921 году. Поколение, к которому он принадлежал, начало свою жизнь в первые послереволюционные годы; это наложило отпечаток на его представителей. Как мне запомнилось, отцы, пережившие революцию, либо сочувствовали советскому строю, либо, отвергая его в душе, оберегали детей от недозволенных и опасных воззрений и предоставляли воспитание детей школе, пионерским и комсомольским организациям. Те, кто к началу войны достигли призывного возраста, либо безоговорочно верили официальной пропаганде, либо были аполитичны. «Откуда нам знать и почему думать об арестах? Что сменили всех областных вождей — так для нас это было решительно все равно. Посадили двух-трех профессоров, так мы же с ними на танцы не ходили, а экзамены еще легче будет сдавать», — писал о своих сверстниках Солженицын. «Мы, двадцатилетние, шагали в колонне ровесников Октября, и, как ровесников, нас ожидало самое светлое будущее».[1]

Но не всех представителей этого поколения родители воспитывали в счастливом неведении окружающего. Отец Льва Александровича, инженер-путеец, окончивший, наряду с техническим училищем, училище при Московской филармонии, сохранил лучшие черты старой интеллигенции — интерес к «проклятым вопросам» и стремление к правде. Как я понимаю, от сына не скрывалось окружающее: он знал и о насильственной коллективизации, и о массовых репрессиях 30-х годов.

Лев Александрович окончил школу и поступил в Университет в 1939 г. Это во многом определило его судьбу. Осенью 1939 г. после советско-германского пакта и начала Второй мировой войны, в армию были призваны студенты первых курсов высших учебных заведений. Если бы Лев Александрович был на втором курсе, он смог бы продолжать учебу, но первокурсников — всех годных к военной службе — взяли в армию. Почти сразу же он оказался на войне: в 1939—1940 гг. это была война с Финляндией, с 1941 г. — Гитлером. Взгляд его на великие события был ясен и лишен иллюзий; в отличие от многих своих сверстников, он не вступил на фронте в партию и так и не стал офицером.

После войны Лев Александрович вернулся в Университет, где учился с 1945 по 1950 гг. — в годы ждановщины, борьбы с «космополитизмом». С филологического факультета, после погромных «проработок», были изгнаны лучшие профессора — Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум, М. К. Азадовский и другие. Лев Александрович почти сразу же определил свои научные интересы, занявшись древнерусской литературой, но и в этой области не было академического спокойствия: одним из самых рьяных «проработчиков» на факультете был аспирант И. Лапицкий, учившийся у тех же профессоров, что и Лев Александрович, — у И. П. Еремина и М. О. Скрипиля.

После окончания университета Лев Александрович был принят в аспирантуру Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома.

---

[1] *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. I—II. Вермонт; Париж, 1989. С. 160.

Жизнь в Секторе также не была безмятежной. Старшими сотрудниками были В. П. Адрианова-Перетц, заведывавшая Сектором, М. О. Скрипиль, И. П. Еремин и Д. С. Лихачев, и очень ясно ощущались противоречия между двумя из них — Д. С. Лихачевым и М. О. Скрипилем. Лихачев, хоть и был филологом по образованию, преподавал не на филологическом факультете, как Скрипиль и Еремин, а на историческом, и в нем видели чужака-«историка» (об этом велись довольно бессмысленные споры перед защитой докторской диссертации Лихачева в 1947 г.). В 1951 г. И. Лапицкий выступил в Союзе писателей, объявив «идеологической диверсией» книгу «Послания Ивана Грозного», опубликованную Лихачевым и мною под редакцией Адриановой-Перетц; обсуждение книги — хотя и не завершившееся прямым осуждением, — было проведено и в Пушкинском Доме.

Примерно к этому времени относится мое первое знакомство со Львом Александровичем. Подготовленная им кандидатская диссертация о «Сказании о Мамаевом побоище» произвела на меня впечатление весьма основательного и убедительного исследования; такого же высокого мнения об этой работе придерживался и наш общий московский друг — Александр Александрович Зимин.

В 1954 г. В. П. Адрианова-Перетц, заведывавшая кроме Сектора древнерусской литературы, также Сектором фольклора, вышла на пенсию, при этом мудро разделив оба сектора между двумя преемниками: сектором древнерусской литературы стал заведывать Лихачев, сектором фольклора — Скрипиль. Ситуация в Секторе изменилась — почти все младшие научные сотрудники были учениками Варвары Павловны и Дмитрия Сергеевича. Если прежде Лапицкий мог травить Адрианову-Перетц и Лихачева, надеясь на сочувствие своих учителей, то теперь наиболее предприимчивые из младших сотрудников решили действовать в противоположном направлении. Один из них выступил с заявлением, что изучаемые и публикуемые Скрипилем посадские повести XVII – нач. XVIII вв. («Повесть о купце, купившем мертвое тело» и т. п.) — памятники «реакционные». Когда я, несколько озадаченный этим выступлением, спросил у Льва Александровича, что это значит, он объяснил мне, что появился «новый Лапицкий».

Деятельность «новых Лапицких» оказалась особенно опасной именно для Льва Александровича. Он, единственный из младших сотрудников, был учеником Скрипиля и озабоченные устранением конкурентов молодые люди решили выдворить его из Сектора. Когда в 1956 г. в Сектор были привлечены два «аутсайдера», не связанных с противоборствующими сторонами — Н. А. Казакова и я, — нас сразу же стали настраивать против Льва Александровича. Говорили, что он не любит науку, занят личными делами, строит какую-то дачу. Абсурдность этих обвинений была очевидна. Лев Александрович жил в это время с женой и маленькой дочерью в коммунальной квартире, и ни о каких дачах не помышлял. В течение нескольких лет положение Льва Александровича в Секторе было довольно трудным, — несмотря на то, что в Институте в целом он был многим хорошо знаком и очень популярен. Симпатизировали Льву Александровичу и мы с Н. А. Казаковой.

Одной из отличительных черт Льва Александровича было его доброжелательное и непредвзятое отношение к людям. Бывший фронтовик, он совершенно не склонен был к германофобии, насаждавшейся под видом враждебности к фашизму в годы войны, и сохранившейся на

некоторое время в послевоенные годы. Когда в Сектор к нам приехал молодой немецкий коллега и зашла речь о том, что мы готовы «простить» ему то, что его отец воевал в России, Лев Александрович сказал: «А что ему прощать? Его отец был так же мобилизован, как и мы».

В 1958 г. вышла в свет книга Льва Александровича «Повести о житии Михаила Клопского»; в 1959 г. — составленные при его участии «Повести о Куликовской битве»; в 1960 г. — «История первого издания „Слова о полку Игореве“». Выход этих книг, как и моих, изданных в те же годы, сопровождался дружескими застольями под руководством нашего приятеля, зам. директора издательства «Наука» А. А. Коссого; в память об этом у меня сохранился ряд книг с дружескими записями Дмитриева и Коссого.

Аркадий Анатольевич Коссой был весьма колоритной личностью. Разумный и доброжелательный человек, он во многом нейтрализовал действия своих непосредственных начальников, стремившихся, главным образом, обнаружить и пресечь чуждые им по духу поползновения авторов научных изданий. Выход в свет дружественных ему авторов Аркадий Анатольевич неизменно сопровождал церемонией, предвосхитившей нынешние «презентации» — походом в ресторан «Восточный» при Европейской гостинице. Лев Александрович относился к Аркадию Анатольевичу с большой симпатией, но не без некоторой иронии. Основательные возлияния никак не изменяли поведения Аркадия Анатольевича: от вина он не пьянел, а лишь становился веселее и добрее к окружающим. Лев Александрович вспоминал, что после выхода из ресторана Аркадий Анатольевич простирал свою нежность не только на друзей, но и на всех встречавшихся женщин, здороваясь с каждой из них: его забавляло, что реагировали они по-разному — одни приветливо отвечали, другие обижались. Иногда пировали мы и без А. А. Коссого. Навсегда запомнились и веселые путешествия по ресторанам и кафе в связи с защитой докторской диссертации А. А. Зимина и его приездом в Ленинград в 1959 году. Мы с Зиминым вернулись домой, а Лев Александрович с Владимиром Ивановичем Малышевым продолжил это путешествие.

В 1963 г. Лев Александрович вступил в полемику с А. А. Зиминым в связи с высказанными последним сомнениями в древности «Слова о полку Игореве». Но когда, во время закрытого обсуждения книги, организованного в Москве, они встретились, то сразу же обнялись — совсем, как честные спортсмены во время матча.

В науке Лев Александрович был совершенно не склонен к эффектным выступлениям и быстрому писанию. Когда мы совместно готовили в 1970 г. коллективную монографию «Истории русской беллетристики», мне как редактору было трудно заставить его в срок написать раздел о «Повести о Царьграде», и мы написали этот раздел по методу Ильфа и Петрова, сидя рядом за столом и сочиняя вместе.

Некоторая замедленность в написании работ была, несомненно, связана у Льва Александровича с большой требовательностью к себе. Он был совершенно лишен тщеславия и самообольщения, — скорее он склонен был недооценивать свои способности и переоценивать чужие. Он очень ценил в людях остроту ума, и легко прощал тем, кого считал особо одаренными, даже их прошлые обиды.

Докторскую диссертацию он защитил в 1973 г. — позже своих более молодых коллег, но диссертация эта, «Легендарно-биографические

повествования древнего Новгорода» (как и опубликованная параллельно книга «Житийные повести Русского Севера XIII—XVII вв.»), была глубокой и основательной, и успех ее был вполне заслуженным.

В 1982 г. наша совместная работа в Секторе окончилась. По ряду причин и, главным образом, в связи с моим выступлением во время фальсифицированного судебного процесса над А. Б. Рогинским, мне пришлось после достижения 60-летнего возраста выйти на пенсию. Лев Александрович искренне сочувствовал мне и, если бы это было в его силах, несомненно попытался бы помешать этой вынужденной отставке. Он неизменно привлекал меня к коллективной работе Сектора.

Мы сохраняли дружеские отношения и в последнее десятилетие нашего знакомства. Последний разговор с Львом Александровичем происходил накануне его внезапного заболевания и скоропостижной кончины.

М. Г. КАЧУРИН

Левушка

В дружеском кругу его чаще всего звали Левушкой. Так повелось еще со студенческих лет, невзирая на то, что детской непосредственности в нем не чувствовалось: он пришел на филфак университета, как и многие, пройдя через войну, и, помнится, был сдержан, немногословен, не склонен к быстрому и шумному студенческому приятельству. Но и позднее, когда Лев Александрович Дмитриев стал кандидатом, доктором наук, членом-корреспондентом Академии, отцом, дедом, друзья его звали по-прежнему, разумеется, не в официальных ситуациях.

И вот сегодня, когда с ним можно разговаривать только мысленно, думая о нем или читая его книги, я пытаюсь понять, почему появилось и навсегда осталось это имя в детской, ласкательной форме.

Формы имен и клички, бытующие в остроязычной студенческой среде, нередко таят в себе точные психологические наблюдения и догадки. Был на нашем курсе, например, славный парень, добродушный юморист, любитель частушек, анекдотов и сказок, которого звали дедушкой, хоть он выглядел моложе всех своих сверстников. Зато он постоянно выступал в дедовской роли бахаря, а впоследствии стал известным фольклористом.

Подобной догадкой было, конечно, и обращение «Левушка». Но о чем? Вроде бы он ничем особенным не отличался от других. Разве что был не шумлив, не говорлив, не рвался в остряки или в активисты. Я невольно заимствовал здесь схему всем известной характеристики из пушкинского романа. Вряд ли случайно: та совокупность качеств, которую Пушкин назвал «comme il faut», отказываясь перевести, а Даль в словаре определил как порядочность, Льву Александровичу Дмитриеву была присуща непреложно. Но дело было, кажется, не только в этом. Что побуждало нас, очень разных, но все-таки более склонных к насмешливости, чем к умилению, называть его с такой сердечностью? И почему в общении с ним всегда ощущалась какая-то душевная просветленность?

Память сберегла не так уж много подробностей. В студенческие годы мы виделись очень часто, но время затушевало детали, помнятся больше настроения, эмоциональная окраска общения, чем обстоятельства встреч и содержание разговоров. А реконструировать опасаюсь: невольно начнешь домысливать. Встречи после окончания университета отчетливее в памяти. Видимо, потому, что было их не так уж много и почти все они были так или иначе связаны с главным делом его жизни— изучением «Слова о полку Игореве». Мне кажется, я увлекся «Словом» и древнерусской литературой вообще под прямым влиянием моего друга. В университетские годы такого увлечения у меня не было.

Начав учительствовать, я постепенно понял, что явное невнимание школы к литературе русского средневековья — потеря невосполнимая. Программа и учебники предусматривали только беглое знакомство со «Словом» — и более ничего. Я начал разрабатывать свой курс древнерусской литературы в школе, советуясь со Львом Александровичем, а потом и с Руфиной Петровной Дмитриевой, стал принимать участие в конференциях, проводимых Отделом древнерусской литературы Пуш-

кинского Дома. В моих учениках меня радовало поразительно живое восприятие произведений далекого прошлого. «Самое удивительное, что многое я понимал без перевода. Какая-то внутренняя память помогала мне». «В этом произведении видна вся Русская земля — полевая, лесная, степная. Далеко видны пороги Днепра, курганы, Киев. Печаль течет посреди Русской земли. Раздоры, пожары, войны. Но она живая, в ней все движется: дружины, тучи, ветры, думы, птицы. „Слово" учит любить свою землю с открытыми глазами, думать широко, прощать обиды и уважать народы». Так писали мои восьмиклассники, в их искренности усомниться было невозможно. Из написанных ими сочинений я и составлял свои доклады на конференциях — и однажды в беседе с моим другом понял, что мои ученики на него похожи именно этим живым восприятием Древней Руси. Или он на них похож, при всей разнице возраста, опыта и эрудиции. Теперь я думаю, что ему была свойственна тончайшая отзывчивость и в более широком значении.

Возникает в памяти еще одна встреча с ним. В ту пору у меня был уже взрослый сын и почти взрослая дочь. Над моим семейством нависла тяжкая беда. И ничем нельзя было помочь: все зависело от искусства врачей Военно-медицинской академии. Забегая вперед, скажу, что они проявили не только искусство, но и самоотверженность, дай Бог здоровья им самим. Но тогда состояние дочери было кризисным и очень тревожным. Не ведаю, как прослышал об этом мой друг. Он разыскал меня, все понял из двух-трех бессвязных фраз, сказал: «„Я с тобой побуду. Посидим или походим?" — „Походим." — „Ну, давай походим"». И мы ходили по невской набережной. Не помню, о чем говорили. Может быть, и ни о чем. Есть люди, с которыми всегда интересен и отраден разговор. Но молчание в общении с ними бывает неловким. При встречах с Левушкой возникали разные, всегда содержательные и добрые разговоры (кому-то «перемывать кости», тем более злословить он не умел), но и молчание с ним было удивительно легким и содержательным. Думаю, потому, что он необычайно чутко улавливал внутреннее состояние другого человека и, если требовалась помощь, оказывал ее мгновенной, неосознанной «передачей» чувства надежной дружественности. Он умел и любил помогать и по-иному. Но первая помощь часто бывает спасительной. Как она действовала в данном или иных случаях, объяснить не берусь. Просто возникало ощущение, что есть рядом с тобой человек, в котором сочувствие естественно, как дыхание. Размышляя об этом, я вспоминаю Жуковского:

> ... Сия сходящая святыня с вышины,
> Сие присутствие Создателя в созданье —
> Какой для них язык? Горе душа летит,
> Все необъятное в единый вздох теснится,
> И лишь молчание понятно говорит.

Раз уж я стал вспоминать об этой истории, надо рассказать еще об одном событии. Дочь вышла из больницы. В памяти стали блекнуть тревоги, сохранялось только светлое, например, как во время операции один из ее участников — врач, когда не хватило крови нужной группы, лег на соседний стол и дал свою кровь, а дочь потом называла его кровным братом. Однажды мне нужно было в Пушкинский Дом, кажется, по поводу предстоящей конференции во Пскове, и одновременно требовалось встретить дочь после университетских занятий. Мы отпра-

вились вместе. В этот Дом она, вполне понятно, входила со смущением и любопытством. Нас встретил Лев Александрович. Он проявил к ней такое уважительное и ласковое внимание, так рассказывал об Отделе, показывал его реликвии, как будто принимал юную королеву дружественного государства. Нет, бережнее и сердечнее. Она и поныне помнит во всех деталях это посещение.

Тут я закончу свои воспоминания. Добавлю только, что имя «Левушка» постоянно звучит в нашем доме: так зовут моего младшего внука, сына моей дочери. Ему скоро два года.

В. И. ОХОТНИКОВА

Лев Александрович

Мне кажется, что я была одной из самых трудных его учениц, и Лев Александрович приложил много своих душевных сил и времени, чтобы научить меня тому, что должен знать и уметь каждый, занимающийся древнерусской литературой. До поступления в 1975 г. в аспирантуру я не умела читать рукописи и почти не держала их в руках, имела приблизительное представление о том, что такое текстология, и не знала о многих других необходимых для специалиста по древнерусской литературе вещах. Почти все аспиранты Льва Александровича прошли серьезную школу семинара Натальи Сергеевны Демковой, я же в университете работала в лингвистических семинарах Т. А. Ивановой и Л. В. Капорулиной, занималась морфологией и синтаксисом Синайского патерика и Изборника 1076 г. Я очень благодарна Льву Александровичу, что он не побоялся меня взять в аспиранты, и удивляюсь до сих пор его терпению, такту, с которым он ждал, пока я обучусь тому, что должна знать и уметь. Мне было трудно, и мои «успехи» на фоне Д. М. Буланина, моего сокурсника по аспирантуре, были весьма и весьма скромными. Но Лев Александрович никогда не торопил, не выражал нетерпения, досады, давая возможность не спеша набирать нужные знания и умения.

Трудно писать о Льве Александровиче как об учителе, научном руководителе. В Льве Александровиче не было ничего дидактического, наставительного, я не помню его читающим нотации или делающим выговоры. В нем не было внешнего, демонстративного учительства, но незаметно, без приемов, он многому учил и как ученый, и как человек. Свои навыки и знания он передавал как-то легко, радуясь, что его маленькие хитрости могут кому-то пригодиться. Например, учиться читать рукописи он посоветовал с помощью изданного текста. И действительно, сравнивая рукопись и печатный текст, я быстро освоила чтение скорописи, а одновременно приемы и правила передачи рукописного текста в печатных изданиях. И таких маленьких советов было много.

Лев Александрович учил прежде всего стилем своей работы и отношением к делу. Достаточно было видеть, как он работал с тем, что писалось его учениками. Стол Льва Александровича всегда ломился от статей, переводов, корректур, но ради сырой ученической работы он оставлял свои дела и тщательно штудировал очередной вариант статьи или главы. Не пробегал глазами, ограничиваясь краткими замечаниями, а именно прорабатывал и возвращал рукопись с ясными развернутыми замечаниями, вопросами, советами. Они, как правило, были написаны на отдельном листе. Письменная форма, четкость формулировок, сам почерк — строгий, четкий, красивый, — придавали всему какую-то особую значимость, давали понять, что к тебе и к тому, что ты делаешь, относятся очень серьезно. Лев Александрович не уходил в общие фразы, эмоциональные оценки, его замечания и вопросы были конкретными, они помогали логически выстроить мысль и быть точным в доказательствах и рассуждениях. И еще одно свойство замечаний Льва Александровича — они не были категоричными, он задавал во-

просы. С Львом Александровичем можно было спорить, доказывая какие-то положения своей работы, его вопросы рождали доказательства новые, открывали иные стороны примелькавшихся, привычных фактов, слов, фраз. У меня сохранились некоторые замечания Льва Александровича. Например, он считал, что нужно тверже и определеннее делать выводы о том, что Проложное Житие Довмонта не могло быть источником Повести о Довмонте. Но заканчивается его замечание следующими словами: «Подумайте и решите — будете менять формулировку или нет?».

Лев Александрович был необыкновенно сдержан в своих оценках. Он никогда не устраивал разносы, не унижал себя и другого шумными проявлениями недовольства или похвалы. И хвала и хула в его устах были спокойными, нетеатральными. «Очень хорошо», даже без восклицательного знака, — это, наверное, самая большая похвала, которую я слышала от него. И эта сдержанность являлась частью той атмосферы спокойного, серьезного труда, которую он создавал вокруг себя. Его спокойствие и сдержанность не означали равнодушия или холодности, Лев Александрович вникал во все мелочи аспирантских дел и жизни со свойственной ему педантичностью. Помнится, я только-только научилась печатать на машинке и принесла очередной вариант статьи, отпечатанной собственными руками. Первое, что бросилось в глаза и испугало, когда Лев Александрович вернул текст, это сплошные карандашные линии, скобки, знаки, казалось, что весь текст перечеркнут: Лев Александрович методично, не на одном листе, а во всем тексте исправил мои опечатки, указывая редакторскими значками, что после знаков препинания нужно делать лишний удар, выравнивая поля, абзацы, сноски и т. д. И это был урок на всю жизнь.

Я писала, что Лев Александрович не был категоричен в своих замечаниях. Но, пожалуй, только в одном он проявлял суровость. Как руководитель и редактор Лев Александрович был очень требователен к стилю, и это иногда вызывало у меня сопротивление. Довольно безжалостно, с моей тогдашней точки зрения, он убирал из текста статьи всевозможные стилистические вольности и излишества, требуя прежде всего логичности и некоей нейтральности в изложении. И только позже я поняла, как он был прав. Некоторая свобода и вольность в слоге допустима, естественна в работах зрелого ученого, но в статье начинающего исследователя эффектные выражения, эмоциональное определение выглядели бы нелепо, претенциозно. Сам Лев Александрович всегда придерживался строгого, академического стиля. Как в жизни, так и в слоге он не любил показной красивости, легковесности и раскованности.

Таким же был и стиль общения Льва Александровича со своими учениками. Он много времени проводил с нами. Думается, что Льву Александровичу нравилось бывать в нашей компании, слушать наши разговоры, вникать в наши житейские проблемы. Ему, кажется, даже нравилось, как мы называли его — между собой, конечно, — «Шеф». Вокруг Льва Александровича возникала атмосфера дружеского общения на равных. Он не стеснял нас, а мы не стеснялись раскрыться перед ним в своих слабостях. Он умел слушать, слушать так, что ты чувствовал неподдельное внимание, независимо от того, рассказываешь ли ты о своей жизни или рассуждаешь о работе. Лев Александрович никогда не демонстрировал собственной значительности, напротив, был чуточ-

ку ироничен по отношению к самому себе, и это необыкновенно подкупало, ибо было естественно и искренне. Для аспирантов 70-х годов — и своих, и чужих — Лев Александрович был человеком родным. Мы часто сиживали у Льва Александровича и Руфины Петровны в гостях, в нашей жизни так не хватало этого домашнего уюта и прекрасно сервированного стола, и Лев Александрович, видимо, чувствовал это. Он общался с нами не по обязанности, как научный руководитель, его участие и внимание были очень человечными, идущими от доброты, сочувствия, а не от долга. И каждому из нас есть за что благодарить Льва Александровича. Каждый из нас может вспомнить множество конкретных историй, когда забота и помощь Льва Александровича поддержали нас в жизни, и не только в делах и работе, но и материально (никогда не забуду посылки, которые я получала от Льва Александровича и Руфины Петровны когда в провинции было плохо с продуктами). За чуть ироничной улыбкой Льва Александровича и ровным стилем общения мы ощущали теплоту его отношения к нам.

Хотелось бы верить, что и Лев Александрович знал, чувствовал теплоту наших к нему чувств, при жизни мы как-то стеснялись говорить ему об этом.

Л. И. САЗОНОВА

Что осталось в памяти ...

Ушедшие от нас в мир иной остаются с нами, пока мы помним о них.

В душе своей я храню светлой памяти образ Льва Александровича Дмитриева как человека, к которому испытываю чувства бесконечной признательности и благодарности. Лев Александрович благословил мои начальные занятия наукой. На меня, тогда еще студентку третьего курса Ленинградского университета, написавшую свою первую научную работу (под руководством Натальи Сергеевны Демковой), произвело впечатление то, что в обсуждении докладов, прочитанных на студенческой конференции в ЛГУ весной 1968 года, приняли участие ученые из Пушкинского Дома Академии наук. Впрочем, так было не только в упомянутом году. В традициях ленинградско-петербургской школы медиевистики заведено: маститые и признанные слушают и оценивают работы молодых, в коих они готовы видеть своих будущих коллег. На той конференции мой доклад о татищевской версии летописного рассказа о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году поддержали Лев Александрович и Яков Соломонович Лурье, которые с серьезной обстоятельностью отнеслись к студенческой работе. Лев Александрович предложил мне сделать доклад на заседании Сектора древнерусской литературы, затем последовало приглашение напечатать статью в ТОДРЛ. Такие предложения всегда лестны. Для меня они были особенно значимы, и не потому только, что помогали справиться с неуверенностью в себе. Изначально задавался высокий уровень, которому требовалось соответствовать, что обязывало к серьезному отношению к предмету своих занятий и к ответственности при выборе дальнейшего жизненного пути. Не будь той внимательной оценки и заботливой опеки со стороны моих старших коллег из Сектора древнерусской литературы, судьба могла сложиться вне науки, вне той творческой атмосферы и среды, что дает ощущение полноты жизни. Поэтому когда-то я сказала в шутливой форме Льву Александровичу, что он — мой «крестный отец в науке».

Начало семидесятых для Сектора — замечательное время, по моим представлениям — пора расцвета, совпавшая, по счастью, для меня и Миши Робинсона с периодом нашей аспирантуры. Научная жизнь развивалась с напряженной интенсивностью, одна за другой состоялись защиты докторских — Льва Александровича, Александра Михайловича Панченко, Олега Викторовича Творогова, вышли в свет их главные книги. В Секторе царила атмосфера творческой заинтересованности и живого коллегиального общения. Все члены научного цеха жили, говоря словами летописца, «как единое сердце». Природная доброта и доброжелательность Льва Александровича в сочетании с его принципиальной требовательностью оказывали влияние на формирование и поддержание особой секторской атмосферы на протяжении долгих лет.

Лев Александрович был внимателен к людям и открыт для общения. Для нас, аспирантов, не всегда решавшихся обратиться напрямую к своему научному руководителю Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, только что избранному академиком, это качество Льва Александровича

имело неоценимое значение. Мы чувствовали себя легко и просто с ним, обращались к нему за консультациями и советами, иногда сначала ему излагали свои научные идеи прежде, чем представить их Д. С. Лихачеву. Лев Александрович щедро дарил свое время и знания. При этом учение, наставничество протекало как дружеское общение. С моим мужем М. А. Робинсоном мы не раз бывали в гостеприимном доме Льва Александровича и Руфины Петровны Дмитриевых.

Категоричность и монологизм Льву Александровичу не были свойственны. По своему природному душевному складу он тяготел к диалогу, с уважением относился к чужому мнению и никогда не проявлял ни тени снобизма, в том числе и по отношению к младшим по возрасту или по чину. Примером научной объективности Льва Александровича может быть его реакция на нашу с М. А. Робинсоном статью о поэтической символике фрагмента о «соколе в мытех» из «золотого слова» Святослава (в сб.: Слово о полку Игореве. Комплексные исследования. М., 1988. С. 174—193). Историографическая часть статьи содержит научную полемику со взглядами наших предшественников, в том числе и с толкованием этого сложного в своей художественной сути образа из «Слова о полку Игореве», предложенным Львом Александровичем. Он согласился с нашей критикой, признал приведенную нами аргументацию убедительной, выразив свое положительное отношение к работе, где высказаны иные, чем у него, суждения, публично, а также лично каждому из соавторов статьи.

Притягательной чертой облика Льва Александровича была свойственная ему вера в людей. Он умел заметить в них способность к развитию и научному росту, тем самым помогая раскрыться потенциальным творческим возможностям исследователя. Однажды после научного заседания, когда мы вместе обедали в Центральном доме литераторов (в Москве), он, обращаясь ко мне, заинтересованно спросил: «А когда, Лида, Вы будете защищать докторскую?». Вопрос можно было воспринимать как научную и моральную оценку. Защита состоялась пять лет спустя.

Работать со Львом Александровичем в одной «команде» было легко и приятно, этому сотрудничеству всегда сопутствовали чувства надежности и уверенности в успешном ходе и завершении дела. К 800-летию «Слова о полку Игореве» издательство «Советский писатель» решило подготовить юбилейное издание. В редколлегию вошли Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. Н. Робинсон, О. В. Творогов, главным редактором книги был поэт И. И. Шкляровский, я — составителем. Во время подготовки издания мы несколько раз собирались на свои рабочие заседания, которые вспоминаются как праздники. Лев Александрович не только принимал активное участие в обсуждении предлагаемых материалов, научно-концептуальной и художественной программы издания, он был одним из наиболее активно работающих членов редколлегии. Для научного раздела книги — «Ученые о „Слове о полку Игореве“» — он прислал перепечатанные на машинке статьи прошлых лет, принадлежащие перу разных авторов, но обладающие несомненными научными качествами и талантливо написанные. Статьи были аккуратно переложены чистыми листами, на которых строгим и четким почерком Льва Александровича было написано имя автора и название статьи. Юбилейное издание, над которым все мы работали вдохновенно и старательно, и куда вошла также статья Льва Александровича «„Слово

о полку Игореве“ и Н. М. Карамзин», вышло в свет с великолепными художественными фотографиями А. Д. Заболоцкого в 1986 году.

Последний раз я видела Льва Александровича 21 октября 1992 года на конференции в Институте мировой литературы, посвященной проблемам методологии изучения истории русской литературы. Предполагалось проанализировать прежние идеологизированные подходы, которые были связаны с давлением на научную методологию принципов, привнесенных из господствующей государственной идеологии и политики, и разработать принципы построения истории русской литературы на новых основаниях. Лев Александрович выступил с докладом «Текст и его интерпретация в древнерусской литературе», где обобщил многолетний опыт работы над изданием памятников древнерусской литературы, в том числе и в вышедшей под его редакцией двенадцатитомной серии «Памятники литературы Древней Руси». По роковому совпадению доклад другого крупнейшего медиевиста-слависта Андрея Николаевича Робинсона «Права государства и права человека в памятниках средневековой письменности», также прочитанный на конференции, оказался для его автора последним в жизни, как и доклад Льва Александровича. Их работы в составе подготовленного ИМЛИ труда по материалам конференции ждут своей публикации. В тот день мы возвращались домой вместе со Львом Александровичем, нам было по пути. Под впечатлением дня заседаний продолжали говорить о судьбах нашей гуманитарной науки, о том, что несомненные достижения в изучении литературы русского средневековья, ее текстологии, поэтики, введении ее в мировой контекст были связаны во многом с тем, как удавалось избегать или нейтрализовать идеолого-методологические схемы, навязываемые науке начиная с 20-х годов.

Но говорили не только о науке. Лев Александрович с нежностью и гордостью рассказывал о своих внуках.

Он был, как всегда, энергичен и бодр, такой живой. Пришедшая спустя четыре месяца скорбная весть казалась неожиданной и дикой нелепостью.

Что осталось в памяти?

Научные труды и многочисленные издания памятников древнерусской литературы с дарственными надписями Льва Александровича.

И свет в душе.

Е. М. МАЛИНИНА

Мой учитель и товарищ по изданию «Памятников литературы Древней Руси»

Это было давно. В середине 1983-го года меня вызвала к себе в кабинет зав. редакцией Н. Н. Акопова и сразу начала: «Никаких доводов на этот раз слушать не буду. С сегодняшнего дня ты ведешь „Памятники литературы Древней Руси“. Через полчаса приедет Лев Александрович Дмитриев — он уже звонил из гостиницы. Иди — готовься». Как и пять лет назад, в 1978 году, когда мне было предложено быть редактором этого издания, я по-прежнему считала себя неготовой к работе с Д. С. Лихачевым, с его соратниками и учениками из Пушкинского Дома. Что я знала о древнерусской литературе? Да ничего! В 8 классе — «Слово о полку Игореве», в Университете — лекции и учебник Н. К. Гудзия и фотокопия отрывков из древнерусских памятников на семинаре А. И. Кокорева, потом в издательстве каждый декабрь в течение нескольких лет писала «завлекательные» рекламы на никак не продающиеся древнерусские повести, выпущенные в Гослитиздате еще в 1950 г. Конечно, потом «Изборник» — о нем и в издательстве и вне его, дома, было много разговоров. Но это было «чтение» для себя, — а не работа; так, «взгляд и нечто», да и «взгляда»-то не было — одно «нечто». А тут ответственное и сложное издание, какого еще никто не выпускал. Конечно, в «Изборнике» уже были отработаны новые принципы издания древнерусской литературы (билингва и проч.), благодаря чему и у этой литературы появляется читатель. Но все-таки проблем и сложностей еще предстояло немало. А я и с древнерусской литературой никогда дел не имела, да и с переводами, работая в редакции русской классической литературы, не сталкивалась. Да и опыт редакторский подсказывал, что когда издание для широкого круга читателя готовят ученые — специалисты узкого профиля — неожиданностей хватает. В общем, ужас охватил меня, прямо до отчаяния. Наверное, поэтому в памяти от первой встречи с Львом Александровичем ничего не осталось, а может быть, и нечему было остаться: видимо, Лев Александрович привез рукопись очередного тома и хотел посмотреть нового редактора серии (уже третьего!). Нас представили друг другу — и все. Нет, пожалуй, не все, что-то было еще, так как никогда с того дня не возникало ни страха, ни волнений, что сказать, с чего начать, — была большая и очень интересная работа.

Как теперь я понимаю, с первой встречи Лев Александрович «вел» меня, стараясь сделать редактора, какой нужен был ему при подготовке изданий произведений Древней Руси, предназначенных для широкого (пусть и относительно) читателя, а не для узкого специалиста, при подготовке книги для чтения, в первую очередь, а не для исследования и изучения.

И началась работа. Том за томом, год за годом, хотя виделись мы лишь в редкие приезды Льва Александровича в Москву или еще более редкие мои — в Ленинград, чаще разговаривали по телефону, а в основном — это были письменные общения: я писала заключения (так называемые рабочие рецензии) на рукописи, задавала вопросы по корректурам и т. п., а Лев Александрович отвечал. Я, жалея время Льва

Александровича, всегда просила отвечать лишь на те вопросы и замечания, которые могут снова возникать в следующих томах или привести меня к неверным выводам и ошибкам, Лев Александрович чаще всего не оставлял без внимания даже наивные предложения. Ни досады, ни повышенного тона, ни торопливости, ни раздражения — никогда даже намека не было ни в голосе Льва Александровича, ни в его письмах. Благодаря удивительному такту Льва Александровича — человеческому и педагогическому, постепенно — при всем моем ясном понимании превосходства знаний и опыта Льва Александровича — у меня укрепилось ощущение равенства: мы делаем одно дело, каждый свою часть, но одно. Мне, издательскому редактору, с Львом Александровичем было легко работать еще и потому, что он обладал особым даром, чрезвычайно редким у тех, кто основной работой не связан с издательством и типографией, — Лев Александрович был профессионалом в издании книги; составляя проспект, обдумывая композицию, готовя рукопись к набору, он, конечно, представлял будущую книгу, уверена, думал о ее читателе. Лев Александрович умел сочетать работу ученого над подготовкой публикаций в строго научных изданиях с работой над книгами для неспециалиста — для читателя. Обе стороны деятельности Льва Александровича не мешали одна другой, а удачно поддерживали — «подпитывали» друг друга. Лев Александрович ясно представлял задачу книги, ее читателя и профиль издательства, в котором эта книга выходила. Достаточно было намека, чтобы у Льва Александровича родилась мысль об изменении в составе, о новых акцентах в комментарии и т. д. Помню, прочла рукопись тома и звоню Льву Александровичу: материал живой, почти в каждом произведении жизнь, люди с их проблемами, — хорошо бы добавить «что-то» и со стороны быта, чтобы слова какие-то прозвучали, что ли... (Яснее-то ничего при малых знаниях моих сказать не могла!). «Подумаю», — отвечает Лев Александрович. На утро звонок: «Придумал», и чуть ли не со следующей почтой через Ленинградское отделение издательства «Художественная литература» получаю «Из фразеологического словаря 1607 года Тенни Фенне».

Работая с Львом Александровичем, не нужно было подбирать особых доказательств, заранее придумывать какие-то «подходы», прежде чем высказать свои замечания и предложения за или против чего-то. В одном из комментариев Лев Александрович перечислял бояр, кажется из опекунского совета, составленного, уж не помню, то ли Иваном Грозным, то ли для Ивана Грозного. Засомневавшись в чьем-то имени, я взяла Зимина — а там другой состав бояр, я — Скрынникова, и там другие уже и по сравнению с Зиминым; еще чья-то работа оказалась под рукой — и там иначе. Разные источники у ученых — разные и данные в книгах: историкам факт известный, а читателю, с его знаниями из школьного учебника, откуда это знать! «Не будем запутывать читателя», — спокойно сказал Лев Александрович и переделал комментарий.

Глубина знаний своего предмета, профессионализм в издательском деле сочетались у Льва Александровича с ответственностью в работе над книгой: выступал ли он в томе текстологом, переводчиком, или комментатором, или составителем, или лишь титульным редактором — степень его авторского участия не имела значения: он не мог себе позволить отмахнуться, переложить решение на кого-то, пустить на самотек. Лев Александрович все помнил, знал, в любой момент был

готов включиться в работу, чтобы не допустить каких-то промахов и недоработок. Ему до всего было дело.

Помню, получила рукопись тома о Смутном времени, как обычно начала читать одно произведение за другим, сверяя переводы с древнерусским текстом, справляясь в неясных местах с комментарием, и постепенно эмоциональность, как теперь говорят, высокий накал, произведений передались мне, их темы и проблемы, муки и страдания авторов стали не чужими, — не книжными. И вдруг: сухой казенный перевод одного из памятников! Все точно, все на месте, но, в моем представлении, не древнерусское произведение, а передовица из сегодняшней газеты. В огорчении звоню Льву Александровичу: «Что делать? Заказывать новый перевод?». И Лев Александрович спокойно объясняет, что памятник действительно «плохо» написан, а действует (и несомненно действовал тогда — в начале XVII века) из-за тем, затронутых в нем, подлинной болью автора за судьбу России, — а на меня еще и потому, что до него я прочла несколько произведений талантливо написанных; что переводчика беспокоить не стоит — всякие изменения в переводе, которые так заманчиво (и просто) внести, приведут к искажению представления о подлиннике, перевод придет в противоречие с памятником; у памятника другие достоинства, и если его прочесть спокойно, читатель увидит их, как видели их те, для кого он был создан.

Определенные сложности порой возникали из-за того, что в каждом томе принимали участие несколько авторов (в некоторых — больше десяти): у каждого своя манера работать, нередко свое представление о целях и особенностях этого издания, — ну и степень ответственности за свою работу разная, и отношение к изданию для неподготовленного читателя несколько свысока, так сказать. Я не всегда была терпеливой, начинала «роптать», «роптать» на нежелание, с моей точки зрения, понять, что читатель знает неизмеримо меньше комментатора, и особенно на недоработки в оригинале, повлекшие большую правку в корректуре, — я никогда не слышала, чтобы Лев Александрович осудил кого-нибудь из сотрудников Отдела. Мои сетования он выслушивал молча, а потом просто доделывал то, что другие не сделали. А вот если я хвалила чьи-то комментарии, или говорила об удачном переводе и т. п., Лев Александрович говорил: «Обязательно передам».

Я видела, как много сил и внимания Лев Александрович уделял этому изданию (а сейчас знаю и понимаю, что в большей мере оно держалось на нем), но никогда Лев Александрович не жаловался и не сердился на все увеличивавшееся количество работы. А как радовался он, когда я звонила: «Лев Александрович, пошли чистые листы... Лев Александрович, пришел сигнал!».

Я никогда не видела его в те минуты, когда он брал в руки новый том памятников, но могу представить, с каким вниманием и интересом он рассматривал новые книги, вышедшие в нашем издательстве. Он не просто рассматривал новое издание, он хотел знать о нем все. Он любил книги — плод знаний и рук человеческих вообще, а не только его личных.

В один из последних его приездов я показала ему первый том фольклора, только что вышедший у нас. Задумано издание было по новым принципам; мы много вложили сил и души в первый том и считали, что десятитомник «Мудрость народная» в привлечении читателя к этому роду литературы сыграет ту же роль, что и «Изборник» для читателя

древнерусской литературы. Лев Александрович слушал, смотрел проспект, задавал вопросы, рассматривал иллюстрации и т. д. Интерес был профессиональный, и какая-то человеческая гордость и радость за нашу работу.

Как-то Лев Александрович собирался приехать в Москву, и я, решив воспользоваться его приездом, не писала заключения на том — лишь сделала пометы на полях рукописи. Накануне ожидаемого мною приезда Лев Александрович позвонил, что заболел и чтобы я сама приехала, раз сроки не терпят, и высказала свои замечания участникам тома, а перед ИРЛИ ненадолго заехала бы к нему домой. Приезжаю: у Льва Александровича сильнейший бронхит, температура — какие уж тут разговоры! Но у Льва Александровича откуда силы взялись — часов семь просидели мы с ним над рукописью, обсуждая каждый вопрос, каждую поправку. Время от времени я пыталась встать, говоря, что мне все понятно, что я позвоню завтра... Ушла я в десятом часу, Лев Александрович был в изнеможении, но выглядел удовлетворенным: он был уверен, что завтрашняя встреча с участниками тома пройдет благотворно. Так и произошло.

А потом закончилась работа над «Памятниками литературы Древней Руси» — только последний том издательство все никак не могло напечатать. Лев Александрович говорил: «Вот выйдет двенадцатый том, устроим обсуждение полной серии томов. Думайте». А том все не выходил. И однажды Лев Александрович позвонил и радостно сказал, что, кажется, налаживается многотомное издание «Библиотеки литературы Древней Руси», а может быть, и еще одного издания: одно будет дополненные «Памятники», а другое — новое. «Но как же без обсуждения, подведения итогов серии „Памятники литературы Древней Руси“ начинать новое издание? Ведь новое издание должно быть следующей ступенькой после вышедшего?» — спросила я. Лев Александрович ответил: «Вот в марте приеду в Москву на заседание Академии наук, обо всем и поговорим: и об обсуждении, и о новом издании, и о Вашем участии в нем. Мы с Вами еще поработаем!».

Но мартовская встреча не состоялась...

На дворе ноябрь. Подписала на сверку два тома «Библиотеки литературы Древней Руси», два сдала в набор; в пути из Санкт-Петербурга в Москву еще три рукописи. Том за томом, месяц за месяцем. В каждой рукописи на обороте титула: Составление и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; в Содержании у некоторых произведений помечено: Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева. Все как и прежде. И на столе моем рукописи, заключения, записка авторам, словари и справочники. Новое — Библия да Евангелие на старославянском: теперь они всегда должны быть под рукой. А в шкафу, за стеклом, — фотография Льва Александровича. Он сидит за столом, сзади стеллажи, машинка, на столе рукопись, левая рука приготовилась перевернуть страницу, голова чуть приподнята — только что оторвался от чтения, взгляд устремлен вперед и в себя. Фотография эта была в издательской стенгазете — видимо, когда вышел «Изборник», напечатали интервью с Львом Александровичем. Потом фотографию передали в Музей издательства, а когда Музей закрыли, отдали мне — я уже в это врем вела «Памятники». Смотрю на фотографию и

фотографию и думаю: как много делал Лев Александрович и как мало мы задумывались об этом; как много знал и умел он и как мало мы ценили это.

Перечитываю переводы Льва Александровича: четкие, ясные — ни прибавить, ни убавить. Беру комментарии — ничего лишнего, только то, что нужно для понимания текста. Во всем забота Льва Александровича — важно донести древнерусское произведение до читателя. Как завет всем, кто продолжает издавать произведения литературы Древней Руси.

С. С. БЫЧКОВ

Возложивший руку на плуг

В мае 1985 года главный редактор «Альманаха библиофила» Евгений Осетров направил меня в Ленинград. Проработав в редакции месяц, я, неожиданно для себя, получил от него задание — срочно готовить юбилейный выпуск «Альманаха», целиком посвященный 800-летию «Слова о полку Игореве». Составитель номера, кандидат филологических наук Виктор Гуминский, незадолго до отъезда вручил мне пухлую папку, в которой было не менее 800 страниц. Я начал читать статьи и почувствовал, что ни моей исторической, ни филологической подготовки недостаточно, чтобы квалифицированно разобраться в представленных статьях. Более того, как только составитель передал мне папку, на меня сразу же обрушились авторы. Они звонили, приходили в редакцию и настойчиво растолковывали, насколько важны написанные ими статьи. Более половины из них были полны сенсационных открытий и касались, в основном, проблемы авторства «Слова о полку Игореве». Среди авторов, отобранных В. М. Гуминским, кроме историков и филологов, были: следователь уголовного розыска, живописец, композитор...

Признаюсь, что тогда я пребывал в полной растерянности, избегая встреч с авторами. Я вяло отбивался от слишком настойчивых и размышлял, как с честью выйти из создавшейся ситуации. В конце мая в Москву по приглашению редакции «Альманаха библиофила» приехала Галина Николаевна Моисеева, которую с Е. И. Осетровым связывали давние творческие отношения. Мне было поручено встретить ее, помочь поселиться в гостинице и всячески «опекать» в Москве. Именно она явилась спасительницей, дав совет Е. И. Осетрову — непременно обратиться за консультациями в Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома. Галина Николаевна пробыла в Москве почти неделю. За это время Е. И. Осетров оформил мою командировку в Ленинград. И мы отправились вместе с нею.

Приехав в Ленинград, я поселился у Владимира Соломоновича Бахтина, который сотрудничал с «Альманахом» и был дружен с ответственным секретарем — Анатолием Михайловичем Кузнецовым. В первой же беседе с Владимиром Соломоновичем я выяснил, что они сокурсники со Львом Александровичем Дмитриевым. Бахтин развеял мои опасения относительно сотрудничества со Львом Александровичем. Я почему-то считал, что член-корреспондент Академии наук вряд ли снизойдет до того, чтобы помочь мне разобраться в многочисленных и путаных статьях. Бахтин успокоил меня. Наутро я пришел в Пушкинский Дом и был приятно поражен атмосферой, царившей в нем. Не было той суетливости, которая преобладала в Институте мировой литературы в Москве. Позже я понял, что секрет заключается в особенности обеих научных школ. Основательный, уцелевший еще с дореволюционных времен, торжественный и высокий дух научного служения еще преобладал в стенах Пушкинского Дома. В коридорах ИМЛИ сквозил советский легкомысленный ветерок, отражавшийся в научных работах.

Поднявшись на третий этаж и с трудом найдя Отдел древнерусской литературы, я был любезно встречен сотрудницами. Выяснив цель моего приезда, меня усадили дожидаться прихода Дмитрия Сергеевича. Вокруг меня в тесноте, сосредоточенно и тихо работали. Я начал осматриваться. Стеллажи с книгами до потолка. Портреты на стенах. Хотя внизу, на лестничной площадке второго этажа, я встретил группу курильщиков, здесь царила рабочая обстановка. Я наблюдал за входящими — они передвигались осторожно, говорили тихо, как бы боясь нарушить творческую атмосферу Отдела. Наконец появился Дмитрий Сергеевич — все поднялись, приветствуя его. Он прошел в кабинет, и Ольга Андреевна Белоброва, расспрашивая меня о проблемах, дружески кивнула мне, приглашая пройти к Дмитрию Сергеевичу. Я робко поднялся, вошел. Прямо передо мной, не отрываясь от работы, сидел Лев Александрович Дмитриев, а справа — Дмитрий Сергеевич. Он любезно усадил меня, и я рассказал о просьбе Е. И. Осетрова. Дмитрий Сергеевич, подумав, сказал: «Вам поможет Лев Александрович».

Так состоялось наше знакомство и началась совместная работа, которая длилась во время моего первого приезда почти две недели. Я тогда же оставил папку Льву Александровичу. Вскоре он пригласил меня к себе домой, на проспект Шверника. Именно там он сразу же отделил пшеницу от плевел — передо мной оказалась небольшая стопка годных к публикации статей. Лев Александрович знал почти всех авторов, собранных В. М. Гуминским. Он четко объяснил мне, почему забраковал те или иные статьи. Это было вдвойне важно, поскольку по возвращении в Москву мне предстояло объясняться с авторами. Тогда же, благодаря его ходатайству, я смог встретиться с Дмитрием Сергеевичем и записал на магнитофон беседу о «Слове». Дмитрий Сергеевич пообещал предоставить для «Альманаха» статью и посоветовал мне разыскать статью В. В. Каллаша о «Слове», добавив, что в советский период она не переиздавалась и стоит поместить ее в сборник.

В. С. Бахтин оказался прав — те дни, которые я провел в совместной работе со Львом Александровичем, действительно были творческими. Он ни разу не подчеркнул своего превосходства. Хотя, конечно, я чувствовал пробелы своего образования — ведь мы не касались древнерусской литературы ни в школе, ни даже университет не привил мне любви к давно ушедшему миру. Я понял, что мне придется перечитать не один десяток книг, чтобы войти в мир «Слова». Работа со Львом Александровичем сняла с плеч огромный груз — прежде я страшился, что не смогу подготовить достойный сборник. Теперь понимал — несмотря на то, что в короткий срок его предстояло существенно дополнить, сборник получится. Немало усилий приложила Галина Николаевна Моисеева, которая деятельно консультировала меня.

В течение лета 1985 года мне пришлось еще несколько раз побывать в Ленинграде и каждый раз меня встречали радушно. В конце августа, с трудом отбившись от отвергнутых авторов, стяжав немалое количество врагов, я все же сдал готовый сборник в издательство. Мытарства на этом не кончились. Редактор издательства М. Я. Фильштейн долго и придирчиво изучал представленные материалы. Издательская работа над сборником продолжалась вплоть до конца октября 1985 года. Вскоре за меня взялись блюстители идеологической чистоты, на какое-то время потерявшие меня из вида. Заместитель председателя Всесоюзного общества книголюбов, в ведении которого находился «Альманах

библиофила», полковник КГБ в отставке В. И. Буйлов сначала защищал меня. Но вскоре под давлением «церковного отдела» КГБ и полковника того же ведомства В. С. Сычева вынужден был уступить. Мне пришлось уволиться.

Дальнейшая работа над юбилейным номером «Альманаха» продолжалась без меня. Был изменен не только его состав, но даже композиция. На первое место встала статья Е. И. Осетрова «Восточнославянская Илиада». Статья Д. С. Лихачева «„Слово о полку Игореве“ как художественное целое» завершала сборник. Статья В. В. Каллаша о «Слове», а также моя статья об иллюстраторах «Слова», начиная с середины XIX века вплоть до наших дней, были изъяты. И все же существенно юбилейный «Альманах» испортить не удалось. И в этом была немалая заслуга Льва Александровича. Естественно, были сняты все упоминания и о моей редакторской работе. Весной 1986 года в газете «Труд» в двух номерах появился пасквиль журналиста Н. Домбковского «Крест на совести». В статьях он обвинил священников Александра Меня, Глеба Якунина, а также профессора-протоиерея Иоанна Мейендорфа и меня в связях с ЦРУ. Тогда мне казалось, что арест неминуем. Не буду описывать, что мне пришлось пережить за несколько месяцев — допросы, угроза ареста. Летом, во время приезда в Москву Д. С. Лихачева, мне удалось повидаться с ним. Он сказал мне, что читал статью в газете «Труд». Утешил тем, что в 1928 году в газете «Ленинградская правда» был опубликован пасквиль братьев Тур «Пепел дубов», где в подобных же пасквильных традициях был описан их кружок молодежи. Он поддержал меня.

В феврале 1987 года мне вновь удалось приехать в Ленинград. Я не знал, как отнесутся ко мне Л. А. Дмитриев, Г. Н. Моисеева, А. М. Панченко — те, кто помогал мне в работе над «Альманахом». Лев Александрович встретил меня так, словно ничего не произошло. Так же ровно и спокойно продолжался наш разговор. Он деликатно не касался больной темы, но дал понять, что к нему несколько раз обращались за консультацией по поводу новых статей для юбилейного «Альманаха».

Я поделился со Львом Александровичем своими планами — хотелось продолжить образование и поступить в аспирантуру. Мне предлагали работу в секторе XVIII века, который тогда возглавлял А. М. Панченко. Так же ровно и спокойно Лев Александрович поддержал меня. Постоянной темой наших разговоров было издание «Памятников литературы Древней Руси». Я заметил, что огромный груз по распределению работы над «Памятниками» — общую редактуру, переговоры с издателями (а оно осуществлялось московским издательством «Художественная литература») — взял на себя Лев Александрович. Меня всегда удивляла его немногословность. И не могу сказать, что он всегда сохранял некое олимпийское спокойствие. Мне приходилось видеть его возмущенным — это было в период совместной работы над «Альманахом». Возмущался он в тех случаях, когда приходилось сталкиваться с явной халтурой или научной нечестностью. У него был кодекс поведения ученого, которого он неукоснительно придерживался. Это были навыки старой, еще дореволюционной российской научной школы.

В период с 1985 по 1992 годы мне приходилось многократно встречаться со Львом Александровичем. Помню, как накануне празднования 1000-летия Крещения Руси я поделился с ним планами издания сборника житий русских святых. Он с недоверием отнесся к моей затее.

Тогда и мне казалось несбыточным это дерзкое предприятие. И тем не менее он поддержал меня и написал письмо директору издательства «Московский рабочий». Д. С. Лихачев посоветовал мне привлечь к работе над сборником молодых аспирантов Пушкинского Дома. Вместе со Львом Александровичем мы составили предварительный список авторов, а с Дмитрием Сергеевичем уточнили список житий. Работа длилась три года, и всегда я знал, что могу рассчитывать на помощь Льва Александровича.

В 1992 году я дважды приезжал в Петербург. В мае состоялась защита моей кандидатской диссертации. Тогда же я привез первые экземпляры «Жизнеописаний достопамятных людей земли Русской» (так, чтобы не вызывать раздражения идеологического аппарата, мы решили еще в 1988 году назвать книгу житий). Лев Александрович присутствовал на защите. На следующий день я пригласил его на скромный банкет по случаю защиты. Я не рассчитывал, что Лев Александрович примет мое приглашение и придет. И тем не менее он пришел. Был солнечный майский день. Несмотря на то, что за столом собрались разные люди — от аспирантов до академиков, — атмосфера была дружеской. Меня и тогда поразила способность Льва Александровича оставаться естественным во всех случаях жизни. Простота общения сочеталась в нем с высоким достоинством — врожденным или приобретенным, не знаю. Тогда мне показалось, а может так было на самом деле, что все же существует братство ученых. Могут возникать споры, несогласия, иногда острые конфликты, но оно зиждется на чем-то общем. Быть может, это общее — любовь к России. Без аффектаций, без биения себя в грудь, спокойная и уверенная во взаимности.

В мае я попросил Льва Александровича помочь мне в публикации главы из книги Г. П. Федотова «Русское религиозное сознание», посвященной «Слову о полку Игореве». Глава достаточно объемная, но мне казалось, что ход его мысли, как всегда, оригинален. Я прислал перевод этой главы с английского Льву Александровичу. Он откликнулся и сообщил, что действительно ее стоит опубликовать. В конце ноября 1992 года получил от него письмо с подробными замечаниями. Я внес исправления и отослал ему текст. В январе 1993 года я позвонил и он заверил, что глава Г. П. Федотова будет опубликована в первом номере журнала «Русская литература».

О его смерти я узнал из газеты. Пробежал строки скупого сообщения, и, только возвращаясь домой, неожиданно осознал, что оно имеет непосредственное отношение ко Льву Александровичу. В это было трудно поверить и поэтому на следующий день я позвонил в Петербург, чтобы окончательно удостовериться. Оказалось, что он ушел из жизни трагично и в то же время неприметно. Его смерть, на мой взгляд, была как бы естественным продолжением жизни — спокойной, уверенной и внешне неприметной. Думаю, что осмысление его ухода еще не произошло. В моей жизни он продолжает присутствовать. Его сердечное тепло, спокойствие и выдержка, стойкость — пример для подражания. Со временем появятся сборники, посвященные его памяти. Они помогут понять подлинный масштаб его личности. Критические суждения современников, знавших его, забудутся. В историю российской науки он войдет как подвижник, один из тех, благодаря которым до сих пор держится земля Русская.

А. И. ПАВЛОВСКИЙ

О Льве Александровиче Дмитриеве

Когда знаешь человека очень долго — десятилетиями — привыкаешь к нему настолько, будто бы он был в твоей жизни всегда. Более того — кажется, что он так всегда и будет. Этому неосознанному чувству способствовал, конечно, и сам Пушкинский Дом: ведь он вечен, потому что вечны древние русские рукописи и пушкинские страницы. Лев Александрович был частью Дома, причем частью, излучавшей тепло и жизнь, заботу и ласку. Мы просто не подозреваем, сколько он сделал добра, никогда об этом не говоря; что-то, значит, в нем было от подвижников Русского Севера, о которых он писал с особой тщательностью — выверенно, осторожно и просветленно.

Я впервые увидел Льва Александровича бесконечно много лет назад, и, следовательно, он был в те начальные годы молодым. Однако — странное дело — он таким и остался: время не тронуло юности его души, живости ума, доброты сердца и даже легкую походку оставило такой же. В своих движениях он был нетороплив, но неизменно легок и элегантен.

Мне, само собой, не припомнить, когда именно я почувствовал к нему сердечную привязанность — наверно, все же не сразу, с годами. Скорее всего, Лев Александрович знал, что мой интерес к древней русской литературе неслучаен — когда-то меня рекомендовал в аспирантуру М. О. Скрипиль: я писал у него работу о Данииле Заточнике. Этот писатель так и остался навсегда моей страстной любовью. Когда выпадал подходящий момент, я заводил со Львом Александровичем разговор сначала именно на эту тему. Очень мне хотелось написать о Данииле Заточнике работу — не столько литературоведческую, а свободную, с элементами реконструкции: психологической и иной. Лев Александрович всегда внимательно выслушивал эти фантазии, но относился к ним, мягко говоря, с тактичной осторожностью. Он не отводил от замысла, но давал почувствовать совершенно невероятную трудность его исполнения. В то же время он соглашался, что Даниил Заточник чрезвычайно современен, словно живет сейчас среди нас — не только изумительным по редкостной красоте своим сочинением, но и духовным обликом. Живет-то живет, но чтобы написать о нем по-настоящему, нужен «затвор» — пост, келья, молитва. Вот такие бывали странные разговоры.

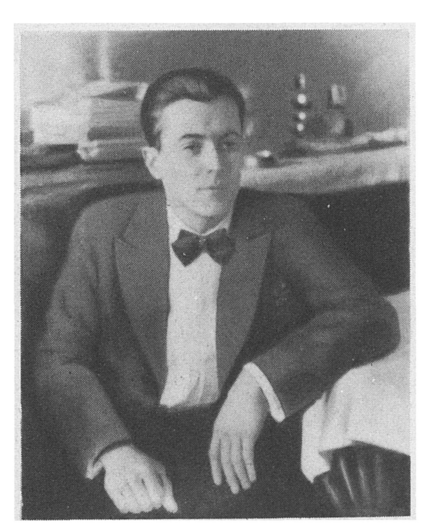
А самые последние беседы оказались о Михаиле Клопском — мне хотелось хотя бы приблизительно установить дату его рождения, а также побольше узнать и о самой личности святого. Лев Александрович с большим сочувствием отнесся к моей книге «Русские святые», которую я тогда заканчивал, но времени, чтобы дать ее прочитать уже не оказалось.

Ему была свойственна чуткость и забота о людях, с которыми сводила его судьба. Каждый раз — аккуратно — он сообщал мне о выходе очередного тома «Памятников литературы Древней Руси» и не было случая, чтобы он не приберег для меня этой книги, если меня долго не было в Институте.

Лева Дмитриев. Москва, 1929 г.

Л. А. Дмитриев. Ленинград, 21 мая 1942 г.

Л. А. Дмитриев. Ленинград, 1947 г.

Слева направо: В. П. Адрианова-Перетц, Л. А. Дмитриев, В. И. Малышев, Д. С. Лихачев. Ленинград, 22 апреля 1955 г.

Р. П. и Л. А. Дмитриевы с дочерью Ниной. 1964 г.

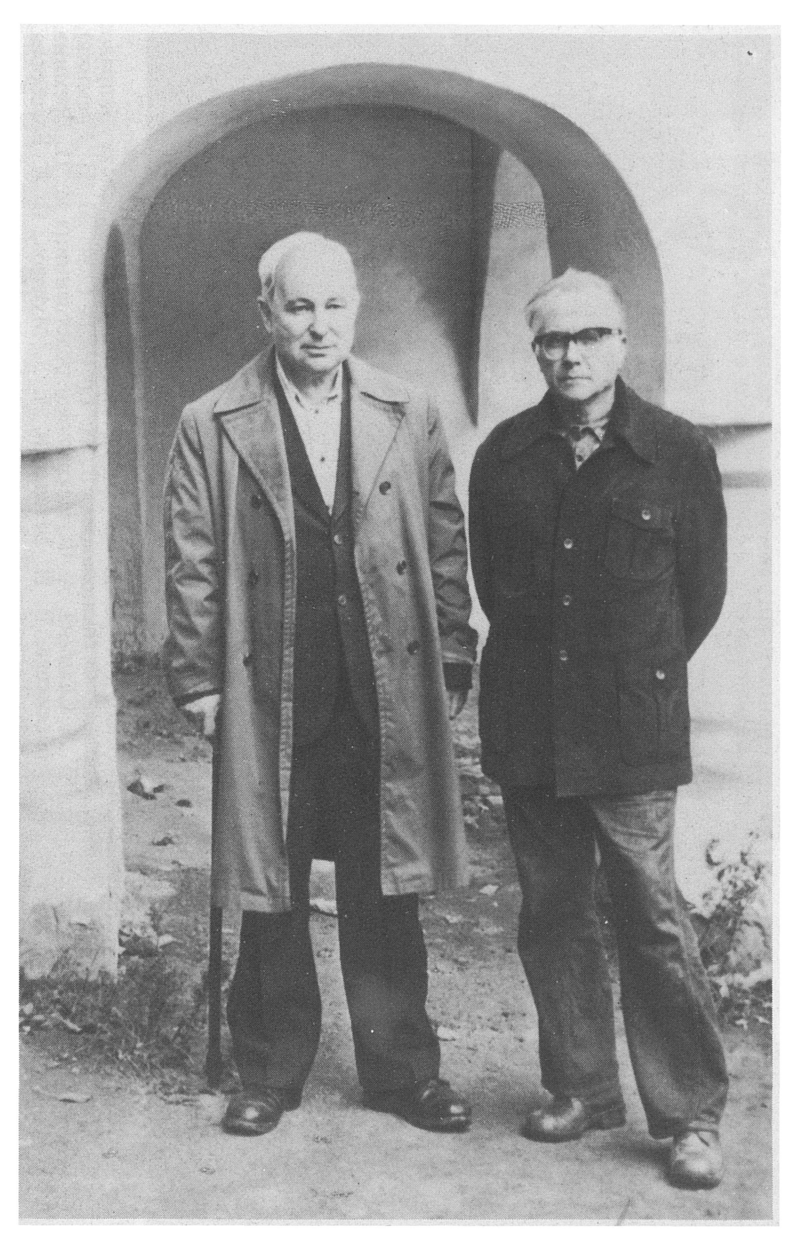

Дома у В. П. Адриановой-Перетц. Слева направо: А. М. Панченко, Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Р. П. Дмитриева, В. П. Адрианова-Перетц, О. А. Белоброва, О. В. Творогов, Н. Ф. Дробленкова, Я. С. Лурье, М. А. Салмина. Ленинград, 1960-е гг.

Л. А. Дмитриев.
Нижний Новгород
(Горький), 1973 г.

Р. П. и Л. А. Дмитриевы с внуком Колей. Усть-Нарва, 1979 г.

Е. А. Маймин и Л. А. Дмитриев. Псков, 1981 г.

Участники заседания, посвященного 80-летию со дня рождения И. П. Еремина. Сидят слева направо: Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев, Г. А. Бялый, О. Ф. Коновалова, В. И. Еремина (дочь И. П. Еремина), Игорь Башмачников (внук И. П. Еремина), М. А. Салмина, А. Ф. Некрылова, родственница И. П. Еремина. Стоят слева направо: Г. В. Иванов, Н. Ф. Дробленкова, В. П. Бударагин, А. Б. Муратов, О. А. Белоброва, Г. В. Маркелов, Е. И. Ванеева, Л. Мончева, О. В. Творогов, Д. М. Буланин, С. И. Николаев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, М. В. Рождественская. Ленинград, 1984 г.

Всесоюзная научная конференция, посвященная 800-летию «Слова о полку Игореве». Слева направо: Л. Мюллер (ФРГ, Тюбинген), Й. Хамм (Австрия, Вена), Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. Москва, 19 ноября 1985 г.

Сотрудники сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома. Слева направо: О. В. Творогов, Н. Ф. Дробленкова, Л. А. Дмитриев, М. А. Салмина, Д. С. Лихачев, Р. П. Дмитриева, Н. В. Понырко, Е. И. Ванеева, Г. М. Прохоров, М. В. Рождественская, А. Г. Бобров. Ленинград, 1988 г.

Его помощь людям была постоянной — она исходила от него как незримая, но сильная и неоскудевающая эманация добра и любви.

Ничто в жизни не пропадает, тем более добро. Не иссякнет и этот — теперь уже чисто духовный — источник.

Ю. Д. ЛЕВИН

Лева Дмитриев

Большинство участников сборника вспоминают о научной деятельности Льва Александровича Дмитриева, составляющей основу его творческой жизни. Это естественно и закономерно, поскольку их связи с ним осуществлялись главным образом в области изучения древнерусской литературы. Что же касается меня, то мои научные интересы имеют иную направленность и сферу исследований, а нас с Львом Александровичем связывали просто человеческие, дружественные отношения, и мы были друг для друга Левой и Юрой. Конечно, мы дарили друг другу свои научные работы, если полагали, что они могут иметь для другого какой-то интерес. В моей библиотеке, например, красуется прекрасно изданная книга «Поле Куликово: Сказание о битве на Дону» (М.: Советская Россия, 1980), которую Лева составил, подготовил к публикации и перевел древнерусские тексты, снабдив их предисловием и примечаниями; на форзаце надпись: «Дорогому Юре Левину на добрую память о составителе. Л. Дмитриев. 12 января 1981 г.».

Поэтому, понимая значение научного наследия Левы, я помню о нем главным образом как о прекрасном человеке, необычайно высокого нравственного уровня (что крайне важно для ученого). Я имел хорошую возможность оценить это, когда в середине 60-х годов мы оба работали в месткоме Пушкинского Дома; Лева был избран председателем, я — его заместителем. При обсуждении того или иного конкретного вопроса Лева всегда исходил из интересов дела — научной базы и продуктивности нашего института, и в то же время учитывал характер творческой личности и судьбу сотрудника, связанного с обсуждавшимся вопросом. Особенно это проявлялось при сокращении штатов института, когда местком должен был одобрить или отвергнуть постановление дирекции. И если местком после обстоятельного обсуждения выражал свое несогласие, Лева решительно отстаивал это решение перед дирекцией. Не знаю, задумывался ли он о том, что такая принципиальная позиция в споре с начальством может отрицательно сказаться на его личной судьбе в институте, внешне, во всяком случае, это никак не проявлялось и уж, конечно, нимало не влияло на его полемическую аргументацию. Ту же принципиальность, как мне говорили, проявлял Лева и впоследствии, когда возглавлял аттестационную комиссию в Пушкинском Доме, решающую вопрос о соответствии научных сотрудников занимаемым ими должностям.

Ко времени пребывания Левы на посту председателя месткома института относится один запомнившийся мне эпизод другого рода, который также, полагаю, характеризует его нравственный облик. В 1966 году неожиданно скончался молодой сотрудник Тургеневской группы (занимавшейся подготовкой академического полного собрания сочинений и писем писателя) Георгий Перминов. Безвременная смерть оборвала его научный путь, на котором он смог сделать не так уж много. Но Лева, выступая на гражданской панихиде, нашел нужные слова, чтобы раскрыть присутствующим значение личности покойного и убедить нас в том, что мы должны сохранить о нем благодарную память.

Вообще, с утратой Льва Дмитриева Пушкинский Дом обеднел не только научно, но и этически, и светлая память о нем навсегда останется у всех, кто его знал и с ним общался. Я уже не говорю о непреходящем значении созданных им научных трудов.

Однако при всей своей учености и нравственной строгости Лева ни в коей мере не мог считаться «ученым сухарем». Он был живым, жизнерадостным человеком, общительным и дружелюбным. В частности, он любил дружеские застолья. В этой связи мне вспоминается одна история, о которой я позволю себе рассказать.

В сентябре 1958 года в Москве состоялся IV Международный съезд славистов (Лева, к сожалению, в этом съезде не участвовал). И в один вечер три участника съезда — В. И. Малышев, Ю. М. Лотман и автор этих строк — пошли на спектакль незадолго до того открывшегося театра «Современник», который, не имя еще своего помещения, гастролировал в клубе железнодорожников на Комсомольской площади, куда выходили три вокзала: Ленинградский, Ярославский и Казанский. По окончании спектакля мы пошли поужинать в ресторан Казанского вокзала — помещение, украшенное яркой стенной росписью и замысловатой лепкой. И, войдя туда, оглянув стены, Лотман сказал: «А Павел Наумович (т. е. Берков) еще утверждает, что в России не было барокко». Мы плотно поужинали, изрядно выпили и прозвали такое застолье «изучением барокко».

По возвращении в Ленинград мы с Малышевым поговаривали, что неплохо бы это повторить, и когда к нам приехал из своего Тарту Лотман, мы вновь собрались «изучать барокко», пригласив в нашу компанию и Леву, который присоединился со всей охотой. Начали мы в Казанском ресторане, на углу Невского проспекта и улицы Плеханова, затем перешли напротив в кафе-мороженое и завершили «изучение» в ресторане «Чайка» на канале Грибоедова. Домой мы уже развозили друг друга на такси (которое тогда было нам еще доступно).

Впоследствии, после кончины Володи Малышева в 1976 году, мы с Левой не раз говорили о том, что нам следовало бы его помянуть, когда Лотман вновь приедет в Ленинград. Но это намерение осталось неосуществленным. Зато к 70-летию Лотмана 28 февраля 1992 года мы послали ему телеграмму:

«В день преславный юбилея поздравляем корифея что вознесся столь высоко в изучении барокко с пожеланьем долгих лет посылаем свой привет он сердечен и душевен

Ваши Дмитриев и Левин».

Лотмана телеграмма порадовала.

Но теперь, увы! нет уже с нами ни Юры Лотмана, ни Левы Дмитриева. Из всей четверки «изучавших барокко» остался я один. Горестно.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

Мужской характер

Л. А. Дмитриев был очень простым в общении человеком. Простота эта определялась прежде всего тем, что для него было совершенно исключено различное отношение к людям и обращение с ними в зависимости от их положения. Однако он был вовсе не прост. Наоборот, он был не только богатой, но и сложной личностью. И именно это помогло ему прожить жизнь не только с большим научным эффектом, но и с честью.

По внутреннему своего запалу Лев Александрович был человеком диссидентского типа. Когда он говорил про любое начальство прежних времен «они», то сила чувства ощущалась в этом очень явственно. Его юношеский дневник, как мне кажется, вполне это подтверждает. Политических иллюзий и социального обольщения у него, по его рассказам, либо вовсе не было, либо такой период был кратчайшим. Но очень рано у него стало превалировать надо всем остальным все то, что было связано с профессиональным началом. И это сделало его человеком, который на всю жизнь сосредоточился на интересах того научного коллектива, которому он отдал всю свою жизнь. Его нельзя было себе представить в каком-либо другом месте, кроме Пушкинского Дома и Отдела древнерусской литературы.

Он великолепно представлял себе подоплеку происходивших в институте событий, старался влиять на них активно, но без шумовых эффектов. Если действовать почему-либо не мог (по большей части это относилось к тем случаям, когда всякие действия были бессмысленны), переживал это, но отдавал себе отчет в том, что возможно, а что лежит за пределами возможного и может принести только вред.

Петербургская интеллигенция была для него родной средой, а ее представители из числа его учителей — близкими друзьями. Я встречал его у А. В. Предтеченского. О Б. М. Эйхенбауме он рассказывал, не скрывая своего преклонения перед ним.

Лев Александрович обладал настоящим мужским характером. Ему были присущи твердость, постоянство и, пожалуй, главное — полная естественность поведения. Это свойство Льва Александровича полностью передалось его старшему внуку Николаю. В воспитании этого музыкально одаренного юноши, по-взрослому интеллигентного человека, сыграло свою роль то, что с самых ранних детских лет он был по инициативе Льва Александровича равноправным и деликатным участником взрослых компаний.

Среди свойств мужского характера Льва Александровича я хотел бы отметить полное отсутствие суетности, уменье разбираться в людях со снисходительным к ним отношением, вообще, — талант быть старшим. И, наконец, еще одна подлинно мужская черта — он был настоящий семьянин.

Мы общались с ним не часто, но регулярно, и в моей жизни, как и у многих, вероятно, его друзей и знакомых, с его уходом образовалась одна из таких пустот, которые невосполнимы. Поколение, к которому относимся мы с Львом Александровичем, постепенно сходит со сцены. На нашу долю не выпало тех испытаний, которым подверглись наши

учителя, но соблюсти себя и нам было непросто. Лев Александрович сделал это с честью, и было бы в высшей степени справедливо, если бы те, кто идут и придут за нами, это поняли. Надеюсь, что жизнеописания таких людей, как Лев Александрович, послужат на пользу репутации нашего поколения.

С. А. ФОМИЧЕВ

Несколько слов о Льве Александровиче

Никогда не думал, насколько это трудно — написать воспоминания о человеке, не просто знакомом, но душевно близком. О просто знакомом, наверное, легче: два-три памятных случая, какое-либо острое словцо и еще что-нибудь, столь же необязательное... Тут же хочется сказать нечто особенное, памятное только мне одному, главное. И оказывается, такого не так уж и много. Почему?

Может быть, потому что обыденная человеческая память эгоистична? Хочешь вспомнить о нем, а вспоминаешь поневоле себя.

Я не могу вот точно припомнить, когда мы перешли на ты. Но остро ощущаю по сию пору, насколько важно для меня было общение с Львом Александровичем в начале 80-х годов, когда поздороваться за руку прилюдно в Пушкинском Доме со мною решались немногие. Иные к тому же оглядывались — как бы кто-нибудь не заметил. Впрочем, может быть, я и преувеличиваю, но тогда казалось именно так.

Так вот, об общении с Львом Александровичем. Было в нем до последних дней что-то мальчишеское, озорное, как бы это ни казалось сейчас невероятным. Как у каждого хорошего человека, у него было много друзей, но при этом он обладал редким даром сердечного равенства с людьми разных поколений. Я помню, как душевны были его отношения с Владимиром Ивановичем Малышевым. И так же нам с Владимиром Бударагиным было всегда запросто в компании с Львом Александровичем. Никогда при этом не возникало даже помысла о том, чтобы фамильярно сравняться с ним. Он не пыжился, не менторствовал, но оставался старшим. Смею сказать — старшим другом.

Он был старше нас войною. И опять же ловлю себя на мысли, что о войне он рассказывать не любил, разве что иногда проговаривался. Я знаю конечно, что на войне страшно, но как порою бывало страшно, услышал ото Льва Александровича. Во время блокады он служил в одном из отделов Главного штаба, сержантом в секретной части. Однажды, после очередного совещания командования, с огромного штабного стола он убирал в сейф карты и документы, сверяя их с описью. Бумаг было множество, и когда обнаружилось, что одного документа не хватает, это поначалу никого не встревожило — скорее раздосадовало: была поздняя ночь, все бесконечно устали. Но так случалось и раньше: просто следовало повнимательнее все заново проверить. Перебрали все бумаги — документа не нашлось. Проверили в третий раз. Вот тут-то и стало по-настоящему страшно. В конце концов, к счастью, злополучная бумажка выискалась: оказалось, что ее зажало между стеной и крышкой стола и не было видно ни сверху, ни снизу.

Не потому ли всегда Лев Александрович был аккуратен и опрятен? Во всем: в научной работе, в домашних делах, во всех поступках своих. И еще одна военная черта сохранилась в нем на всю жизнь. Нужно было видеть, с каким уважением он брал в руки кусок хлеба, как чувствовал его вкус и сытость.

Мы много ходили по городу. И Лев Александрович вспоминал Ленинград прежних лет. Некоторые из историй я потом прочел в его блокадном дневнике. Некоторые — рассказываю другим в качестве

своеобразных городских легенд и мифов. Так, минуя Казанский собор, я обычно оглядываюсь на памятник Барклаю де Толли — вернее, на его постамент, высокий и гладкий. Гляжу — и каждый раз удивляюсь. В 50-е годы, рассказывал Лев Александрович, он со товарищи вышел как-то из ресторана «Кавказский». И один из приятелей вдруг неожиданно быстро и ловко забрался по этому постаменту прямо к ногам полководца. Слезть самостоятельно он уже не решился, вызывали милицию, — впрочем, все кончилось хорошо: отважного скалолаза, подивившись его подвигу, с миром отпустили.

Я до сих пор отчетливо слышу голос Льва Александровича: и тембр, и интонацию, и задор. И снова верю и не верю.

О. А. БЕЛОБРОВА

Автографы Л. А. Дмитриева на книгах

Чтобы вспомнить Льва Александровича Дмитриева, нам, сотрудникам Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, не приходится делать никаких усилий. Его дела, его занятия находят продолжение в работе коллектива. Его труды — статьи, рецензии, книги, переводы, публикации — по-прежнему не сходят с наших письменных столов и составляют привычную опору в повседневной работе. Но наш взгляд на те же монографии, оттиски статей, экземпляры журналов стал более пристальным. Наступило время, когда уже нельзя переспросить автора, чтобы уточнить ту или иную мысль или посоветоваться с Львом Александровичем. И теперь невольно больше внимания мы обращаем на авторские пометы (есть такие книги) и особенно на надписи, сделанные самим Львом Александровичем на книгах и статьях, им написанных и подаренных — то ли библиотеке, то ли частным лицам. В Пушкинском Доме в настоящее время хранятся авторские труды Л. А. Дмитриева, которые он дарил в различные его отделы: в Библиотеку Института, в подсобную библиотеку Отдела, в Древлехранилище. Добавим к этим трем собраниям поступившие в Пушкинский Дом книги В. И. Малышева, В. П. Адриановой-Перетц, оттиски Д. С. Лихачева и другие. И в этих собраниях имеется немало даров Л. А. Дмитриева. Мы привыкли ими пользоваться потребительски, не вникая в их особенности и не обращая внимания на авторские надписи дарителя. А между тем многие авторские записи по-настоящему интересны. Они характерны для личности Льва Александровича: неизменно вежливы, обстоятельны. Вот некоторые из них. Типичная надпись: «В библиотеку Пушкинского Дома. Л. Дмитриев. <Дата>»; «В Библиотеку Сектора ОДРЛ от составителя»; или — «от автора», иногда — «от редактора». Здесь Лев Александрович до щепетильности точен, скромен, лаконичен. Надписи сделаны с присущим Льву Александровичу достоинством и чувством меры. Тем более примечательны некоторые эмоциональные надписи. Среди них отметим оттиски, подаренные Дмитрию Сергеевичу (книги нами не привлекались): «Дорогому Дмитрию Сергеевичу с самым искренним чувством любви и уважения. Л. Дмитриев. 12.VII.60». Таких оттисков десятки. А вот надписи на книгах: например, монография Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“» была в январе 1961 г. подарена с такой надписью: «Дорогой Варваре Павловне с сердечной благодарностью за помощь, большую и настоящую, всегда и во всем, и в частности, и по этой книге. Л. Дмитриев». Тремя днями позднее Лев Александрович надписывает другой экземпляр этой же книги совсем иначе: «Дорогому Владимиру Ивановичу Малышеву с любовью и надеждой хоть немного поколебать скептицизм. Л. Дмитриев». Сопоставление обеих надписей достаточно красноречиво. Вообще позиция Льва Александровича — неизменного сторонника древности «Слова» — проявлялась много раз не только в содержании его работ, но и в дарственных надписях. Так, свой отклик, подготовленный совместно с О. В. Твороговым (Русская литература. 1976. № 1), на известную книгу О. Сулейменова «Аз и я», Лев Александрович адресовал: «В библиотеку Сектора от авторов в назидание

скептикам». Полемическую статью 1982 г. «К вопросу об истории открытия рукописи „Слова о полку Игореве“» Лев Александрович также адресовал: «В библиотеку Сектора ДРЛ от автора», добавив следующую аннотацию: «Возражения по статье — см. журнал РЛ, 1982, № 1 (Прийма и Моисеева)». В оттиске этой статьи, подаренной лично мне, аннотация уточнена следующим образом: «Смотри грозный отклик на эту статью Приймы и Моисеевой в 1-м № журнала РЛ за 1982 г.». Кстати, эта надпись показывает, что Лев Александрович не боялся критики.

Заботясь о полноте изданий «Слова» в подсобной библиотеке Отдела древнерусской литературы, Л. А. Дмитриев подарил много редких публикаций, причем не всегда наделял их дарительными надписями. К счастью, иногда сохраняется изначальная подпись «Л. Дмитриев», например, на книге «Слово» на финском языке, изданной в г. Сортавала в 1953 г. Весьма ценные издания «Слова» отмечены совместными подписями Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева. Особенно дорогой подарок — «Слово» 1988 г. с факсимильным воспроизведением 1-го издания, (изд-во «Книга») — подписан совсем скромно: «В библиотеку ОДРЛ. Л. Дмитриев. 19.XI.88». Кстати, множество книг, связанных с «Словом», Л. А. Дмитриев безвозмездно передал в Музей «Слова о полку Игореве» в Ярославле (оказалось их 52 издания!).

Чувства признательности университетским наставникам, характерные для Льва Александровича выражены, например, при издании книги «Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля» (Л., 1969). Эту книгу Лев Александрович редактировал по смерти автора. Он подарил ее в Отдел: «В библиотеку Сектора древнерусской литературы как память о М. О. Скрипиле от редактора. Л. Дмитриев. 1.IX.69». Лично мне он надписал ее иначе, но весьма остроумно — от имени литературного героя: «От Дмитрия Басарги О. А. Белобровой. Л. Дмитриев. Октябрь 1969 г.». Здесь присутствует и доверительность и мягкий юмор. Главное — чужой труд не присвоен!

Большинство филологов-древников, современников Льва Александровича может с гордостью сознаться: и у меня есть книга или оттиск, и не один — подаренные Львом Александровичем. С разрешения семьи Льва Александровича привожу адресованную дочери следующую надпись на книге «Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.» (Л., 1973): «Дорогой Нине от папы. Может быть и ты, со временем, увлечешься древнерусской литературой — Дмитрий Сергеевич на филфаке учился на английском отделении!». Вот так 21 год назад писал Лев Александрович.

И какие разнообразные надписи могут еще найтись среди этих подарков! Собрать их в полной мере, пожалуй, невозможно.

Но надписи не обязательно сопровождали только сочинения Льва Александровича. Он щедро дарил разные книги. Я, например, с благодарностью храню его книжные дары: «Приключения Алисы в стране чудес» Л. Кэролла (Литературные памятники. 1978), альбом «Русское золото XIV—начала XX века из фондов гос. музеев Московского Кремля» (М., 1987) — эти подарки Лев Александрович вручал мне без дарственных надписей, о чем я теперь сожалею. Его отношение к книге как к громадной духовной ценности проявлялось всегда. И тем более дорожу я сегодня книгой из серии «Литературные памятники» — «Древние

российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (М., 1977). На этой книге имя Л. А. Дмитриева приведено в качестве отв. редактора. В дарственной же надписи Лев Александрович благодарил меня «за весьма неблагодарный труд по считке моих „инфарктных“ глав из истории древнерусской литературы». Дело было в 1977 г., когда Лев Александрович поправлялся после тяжелой болезни. И вспоминается громадный труд Льва Александровича, великого книжника, по подготовке не только текстов, переводов, комментариев, — по созданию серии книг — в их числе, конечно, «Памятников литературы Древней Руси», судьба которых зависела во многом от таланта Льва Александровича — организатора, текстолога, редактора, филолога высокого ранга. Его труд оказался примером — ведь его ученики продолжают любимое им дело, а это значит, что Лев Александрович остается в строю! Сама же я, почти сверстница Льва Александровича, с благодарностью вспоминаю совместную работу под его началом и в Секторе, и на овощных полях, и в поездках на конференции в древнерусские города. Всегда Лев Александрович был профессионален, тактичен, доброжелателен, в высшей степени справедлив и неизменно заинтересован в дружной и спорой работе, которой был занят постоянно. А работал он со вкусом, любя жизнь, профессию, Родину, семью и вообще людей, независимо от их чинов.

Спасибо ему за все. Такие люди не забываются.

Л. Д. ЛИХАЧЕВА

Вспоминая Льва Александровича

Когда мы с сестрой Верой учились в школе, наш отец стал преподавать на историческом факультете университета и одновременно (с 1953 года) возглавил Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома. Как я себе представляю, он всегда был озабочен не только научной работой сектора, но и внимательно подбирал аспирантов и научных сотрудников. Мне особенно запомнились три его аспирантки, которых мы с сестрой называли: «Руфина, Масленникова и с косичками» («С косичками» — это Н. А. Дворецкая). Они часто приходили к нам домой. В нашей семье было принято за едой, будь то завтрак, обед или ужин, обсуждать семейные или служебные дела. Эта традиция продолжается и до сих пор. Папа часто рассказывал и о своих учениках, поэтому мы были в курсе всех дел его аспиранток.

Руфина была небольшого роста, худенькая, миловидная и очень застенчивая, я бы даже сказала — робкая. Она училась на историческом факультете, а потом папа взял ее в аспирантуру.

Поскольку мы знали все о его учениках, то помню, как у нас обсуждалось и то, что Руфина вышла замуж за Льва Александровича Дмитриева.

Случилось так, что семья Дмитриевых жила на одной улице с нами — на Басковом переулке, и Руфина Петровна с Львом Александровичем стали жить совсем рядом. Интересно, что через много лет, когда мы с сестрой уже имели собственных детей, Дмитриевы построили квартиру напротив нашего дома на Втором Муринском проспекте, так что общение всегда было тесным.

Когда у Дмитриевых появилась Ниночка, они приходили с ней, но не часто: Ниночка была такой же робкой, как и ее мама, и так всех боялась, что в чужом доме беспрерывно плакала.

Мои родители всегда были очень гостеприимными. Мама собирала вокруг себя не только всех родственников, особенно с папиной стороны, которых было больше (к сожалению, сейчас почти никого не осталось в живых), но и сотрудников сектора. Я вспоминаю пиры, которые устраивала мама, замечательно готовившая и любившая принимать гостей. Теперь я думаю: как она могла все это осиливать? И мы все любили, когда к нам приходили Лев Александрович с Руфиной Петровной. Любили потому, что Лев Александрович сам необыкновенно радовался, когда приходил в гости. Он всегда был весел и мил, пребывал в состоянии какого-то блаженства, и это было приятно. Помню, как он поразил мою маленькую племянницу Зину, когда стал показывать, как он умеет громко свистеть, и она до сих пор это вспоминает.

Став папиным заместителем и живя совсем рядом, он почти каждый день заходил по всяким служебным делам и часто садился пить чай. Мне нравилась в нем одна черта, которая говорит о его глубокой порядочности и кажется мне особенно редкой сейчас: он никогда не говорил ни о ком плохо и никогда не передавал папе никаких сплетен. Вообще надо сказать, он не только помогал папе в работе по руководству сектором, но и успокаивающе действовал на него.

В последние годы, когда родители уже не устраивали больших сборищ, Дмитриевы продолжали приходить к нам на семейные праздники. Несколько раз Лев Александрович был и в той квартире, где жила я со своей семьей.

Я хорошо представляю, каким аккуратным был Лев Александрович в работе. Об этом я слышала от отца, да и многие черты его характера говорили о том же.

Он очень помогал мне, когда папа тяжело болел: навещал его в больнице, покупал на рынке фрукты и телятину. Помог мне Лев Александрович и в тяжелое время моей жизни — самый острый период травли нашей семьи обкомом и КГБ.

Я запомнила Льва Александровича за десять дней до его смерти, когда видела его в последний раз. Они с Руфиной Петровной и Ольгой Андреевной Белобровой были в Академии Художеств на грустном заседании, посвященном памяти моей сестры. Родители были тронуты тем, что это заседание было устроено, и благодарны всем, кто на него пришел. Я тогда обратила внимание на то, каким бледным и усталым был Лев Александрович, как он плохо выглядел.

А через несколько дней позвонила Нина и сказал, что прямо на улице с ним случился удар и он отвезен в больницу. Как волновался и переживал папа, как звонил по врачам, переводил его из одной больницы в другую! После смерти Льва Александровича папа грустил, вспоминал его и вспоминает часто и сейчас, говорит, что Леву никто не заменит.

В отношении Льва Александровича к моему отцу сказались его честность и порядочность. Это всегда было уважительное отношение к старшему товарищу, человеку другого возраста. Я с благодарностью об этом помню.

Е. Г. ВОДОЛАЗКИН

Благородство как дар

Со Львом Александровичем Дмитриевым я был знаком сравнительно недолго — чуть более шести лет. Тем не менее, возможно, взгляд представителя другого поколения тоже послужит памяти этого замечательного человека.

Я познакомился со Львом Александровичем в 1986 году, когда поступил в аспирантуру при Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Это было поздней осенью. Я пришел в Отдел и увидел там Льва Александровича. Кажется, это была наша первая встреча. Он стоял у стола Руфины Петровны Дмитриевой и держал картотеку адресов. Лев Александрович был занят подготовкой празднования 80-летия Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это время запомнилось каким-то удивительным светом и радостью. Лев Александрович вручил мне конверт с приглашением. Этот конверт до сих пор лежит среди бумаг, как память о начале новой, послеуниверситетской жизни, куда приглашал меня Лев Александрович.

Сектор готовил поздравление Д. С. Лихачеву. Оно предполагало выступления тех древнерусских персонажей, о которых писал Дмитрий Сергеевич. Льву Александровичу досталась роль Владимира Крестителя. Я уже плохо помню слова, которые он произносил, но интонации его сохранились в памяти очень ясно. С тех пор, если речь заходит о князе Владимире, я представляю Льва Александровича. Любой текст рождает какой-то зрительный ряд. Читая летописную «Речь Философа», легко представлять, как все это мог бы слушать Лев Александрович, сидя вполоборота за своим столом, глядя из-под косматых бровей — так, как он встречал всех входящих.

Определять Льва Александровича как человека «замечательного» — правильно, и вместе с тем как-то неглубоко. В этом слове есть что-то патетическое, а Лев Александрович был человеком совершенно непатетическим. Его поведение — и в жизни, и в науке — было сдержанным. При этом он был человеком горячим, и о том, что ему не нравилось, высказывался весьма энергично. Наиболее полно манера его поведения объемлется словом «естественность». Оказываясь в тех или иных ситуациях, большинство людей этим ситуациям подыгрывает: с солдатами — по-солдатски, с крестьянами — по- крестьянски, а с профессорами — по-профессорски. Я не помню, чтобы Лев Александрович когда-либо изменил своему голосу. В любом эпизоде он естественным образом оставался самим собой.

Я думаю, что из этого постоянного равенства самому себе следовало еще одно важное качество Льва Александровича. И здесь непросто дать точное определение. Оно лежит где-то на полпути между «терпимостью» и «уважительностью», но ни к тому, ни к другому не сводится. Я бы определил это качество как некий дар благородного внимания к человеку. Пытаясь рассказать немецким друзьям о Льве Александровиче, я употребил европейское слово «толерантность». Может быть, толерантность. В этом слове есть тот оттенок благородства, который хочется подчеркнуть.

Всегда остававшийся самим собой, Лев Александрович предполагал такое же качество за всеми его окружавшими. В этом, пожалуй, и заключалось благородство его внимания. Он воспринимал человека во всей его самостоятельности. Не как представителя солдат-крестьян. Как представителя себя самого, внеклассово и вненационально. Вот почему с крестьянами по-крестьянски — никогда.

Человека нельзя унижать, отождествляя его с кем-либо. Частное богаче общего, ибо общее в лучшем случае схематично, а в худшем — миф. И разве можно умозаключения, основанные на общих представлениях, переносить на живого человека? Ничего такого Лев Александрович не говорил; таково было содержание его общения с людьми. Стыдно признаться, но до встречи со Львом Александровичем я об этих вещах не задумывался. Восприятие человека на фоне чего-то — не это ли главная пружина всякой идеологии борьбы? Например, марксизма. Перед светлой памятью Льва Александровича не стоило бы упоминать о такой, в сущности, пошлой вещи, как марксизм, если бы этот самый марксизм не был мрачным историческим фоном деятельности наших ученых, в том числе Льва Александровича. Даже в самые лютые годы он не был ни комсомольцем, ни коммунистом. С этой властью Лев Александрович не боролся, он просто держался с достоинством. Удельный вес зла во все времена, надо думать, одинаков, кто бы ни были его действующие лица — опричник Ивана IV, офицер СС или секретарь обкома. Но для всякого времени есть верный способ борьбы со злом: держаться с достоинством. Держаться так, будто «их» нет. Это дано только цельным натурам, какой был Лев Александрович.

Внимательное отношение Льва Александровича к людям позволяло ему ладить с представителями самых разных взглядов. С представителями, не со взглядами. Взгляды самого Льва Александровича всегда были вполне определенны. Эта полная определенность привлекала не только его единомышленников, но и людей противоположного толка. Я думаю, что всякий человек глубже своих взглядов, и взгляды не есть нечто ему имманентное. Поверхностное общение ограничивается уровнем взглядов, общение глубокое касается каких-то других, более важных струн. Это удавалось Льву Александровичу.

Мне все еще странно, что Льва Александровича нет. Странно, что он не войдет со своим неизменным портфелем. В костюме, при галстуке. Иногда под пиджаком джемпер, и всегда — галстук. Хорошо представляю, как он выходит спеша. Или, наоборот, медленно, задержавшись у двери, улыбаясь. Помню его улыбку, когда он приезжал в гости. Нас с женой Татьяной всегда восхищало, что по возвращении к себе домой Лев Александрович звонил, говорил, что они с Руфиной Петровной благополучно добрались, и благодарил за проведенный вечер. Это был частный пример той внимательности Льва Александровича, которая проявлялась и в мелочах.

У Дмитриевых мы бывали по самым разным поводам. Один из таких приездов запомнился особенно, хотя ни с каким значительным событием связан он не был. Это было время продовольственных трудностей и так называемых «заказов». В Институте вывешивались списки продуктов, которые каждый сотрудник мог «заказать» по некоммерческим ценам. Дело было перед Новым годом, и заказы задерживались. К тому времени, когда они, наконец, прибыли в Институт, Лев Александрович уехал домой. Выяснилось, что в заказе было что-то скоропортя-

щееся, и заказ, по мнению завхоза, «ждать не мог». Я решил отвезти заказ Дмитриевым. Лев Александрович и Руфина Петровна предложили мне чаю. Я вскоре ушел, но этот маленький, по сути, бессюжетный эпизод мне запомнился. Запомнилось это, я думаю, потому, что чувствовалось не мной одним. Может быть и потому, что и сам Лев Александрович был какой-то новогодний. Я слышал, что в Новый год он с внуками всегда ждал Деда Мороза. В этой роли выступал обаятельнейший А. Н. Розов (Розов-Дедморозов, как называл его младший внук Льва Александровича Петя).

Новый 1993 год мы с семьей праздновали в Мюнхене, куда были посланы на стажировку Д. С. Лихачевым. В Сектор мы отправили поздравление. В нем, среди прочего, мы, кажется, предположили, что из всех видов деятельности встреча Нового года — едва ли не важнейший. Было приятно думать, что наше поздравление прочтет и Лев Александрович, человек, знавший цену дружбе и общению. Он никогда не говорил много, но с ним было легко. Мне кажется, что если по смерти нам будет дано что-либо припомнить, то это окажутся вещи на первый взгляд малозначительные: какие-нибудь дни рождения, встречи Нового года. Листая из своего инобытия эти пожелтевшие картинки, мы еще раз ощутим, что это было самое сердечное, самое непосредственное прикосновение к ближним.

Мысли о вечной, со смертью не преходящей дружбе рождались во время встреч у могилы В. И. Малышева на Серафимовском кладбище. То есть, преходящей, конечно, но не совсем, не окончательно. Встречались 2 мая. Канавы вокруг кладбищенских участков были полны черной ледяной водой. От могилы к могиле перебирались, прыгая с дощечки на дощечку. Эти поминания были удивительно светлыми. Чаще всего стояли прохладные прозрачные дни с неправдоподобно голубым небом. Такие дни в Петербурге бывают только весной. Лев Александрович приходил одним из первых. Руфина Петровна всегда оставалась дома и готовила угощенье. После кладбища ездили к Дмитриевым помянуть Владимира Ивановича. Это была единственная могила, которую на Серафимовском посещали все вместе. Льва Александровича тоже похоронили на этом кладбище. Оттого что он лежит именно там, где всегда поминал своего друга, к мысли о его смерти привыкнуть еще труднее. Трудно понять, как вообще могла произойти эта перемена на маленьком пространстве кладбища. Есть люди, которые почему-то вызывают мысль о том, что все когда-нибудь умирают. Чаще всего это связано с теми, кто как-то выказывает свой страх смерти. Менее всего к таким людям относился Лев Александрович. Что же до страха, то я не думаю, что он вообще чего-либо боялся. Он внушал спокойствие. Имею в виду не только дела повседневные, но и что-то большее, что особенно чувствовалось на весеннем кладбище.

Таким весенним кладбищем было и кладбище в Комарово, куда мы ездили всем Сектором в годовщину смерти В. П. Адриановой-Перетц. У каждого из нас есть фотография этой поездки. Глядя на фотографию, легко вспоминаешь движения, жесты, разговоры того дня. Припомнилось, как, уходя с кладбища, мы со Львом Александровичем оказались рядом у ворот. На воротах висел фанерный щит «Расписание работы кладбища». Наши взгляды одновременно упали на этот щит. Надпись мне показалась забавной, улыбнулся и Лев Александрович, сказав, что он бы добавил «К сведению покойников». Я хорошо помню его манеру

смеяться. Это был даже не смех, а скорее улыбка с характерным хмыканьем вначале. Очень живая улыбка.

О смерти Льва Александровича мы узнали в Мюнхене. Вечером 21 февраля мы с несколькими немецкими друзьями отмечали мой день рождения. Часов около 10 позвонил из Петербурга Олег Панченко и сказал, что умер Лев Александрович.

В те дни мы постоянно вспоминали Льва Александровича. Для нас это был единственный способ переживать случившееся. Я думаю, что сила и частота тогдашних наших воспоминаний закрепила в памяти то, что в иных условиях незаметно бы ушло. Воспоминания помогали еще и потому, что только они и были возможностью что-то сказать о Льве Александровиче нашим друзьям. Никакие общие формулы не получались. Они были в общем правильными, но шли как-то мимо. Не только по-немецки, но и по-русски.

К сороковому дню мы были уже в Петербурге, приходили к Дмитриевым. Когда гости уже прощались, кто-то взял на руки маленького Петю. Я не знаю, что говорят маленьким детям, когда хотят их подбодрить. Мне представляется, было найдено очень хорошее решение. Пете предложили подсадить его на высокую полку для шляп. Петя серьезно ответил: «Зачем же? Там не место для людей». И в этом почувствовался Лев Александрович, который очень хорошо знал, как с людьми можно, а как — нет.

А. Н. РОЗОВ

Дом Льва Александровича (заметки «Деда Мороза»)

Мне посчастливилось встречаться с Львом Александровичем в самой непринужденной обстановке на протяжении более десяти лет. Наше общение происходило за день–два до Нового года, и я несказанно счастлив, что однажды Лев Александрович сказал, обращаясь к Руфине Петровне и Нине: «Для меня Новый год без Саши — не Новый год!»; сказал потому, что я приходил в его дом как Дед Мороз, унаследовав эту роль от своего отца, который много лет развлекал ребятишек в рукописном отделе Публичной библиотеки. Независимо от того, ездил ли я со Снегурочкой или без, много или мало было адресов, была ли машина или приходилось пользоваться общественным транспортом, маршрут всегда составлялся таким образом, чтобы последним домом был дом Льва Александровича. Обычно у подъезда Дмитриевых усталость проходила сама собой, и, нажав кнопку переговорного устройства, мы бодро и весело отвечали: «Дед Мороз и Снегурочка!». Раздавался щелчок, дверь открывалась, и начиналась счастливая новогодняя сказка. Лифт подымался до седьмого этажа, где нас уже ждал с неповторимой улыбкой, одетый по-домашнему, но удивительно элегантный Лев Александрович с подарками, которые тут же опускались в дедморозовский мешок. Затем Лев Александрович бесшумно входил обратно в квартиру, запирал дверь на замок. Дед Мороз звонил,и начиналось первое действие предновогоднего спектакля. В нем играли свою роль гости, играл сначала несмышленым малышом Коля (позднее, лет с десяти, он уже понял, кто к нему пришел, и осознанно подыгрывал нам); были зрители: Руфина Петровна и Нина, стоящие обычно в прихожей и следящие за действием в детской. Кем же здесь был Лев Александрович? Во-первых, самым непосредственным зрителем, который живо воспринимал любые, даже не совсем удачные импровизации; во-вторых, он был и актером, в высшей степени профессионально играл роль дедушки, столь же завороженного приходом волшебных персонажей, как и его внук; в-третьих, нередко он выступал в роли режиссера, помогая Коле и Деду Морозу со Снегурочкой войти в образ; наконец, в-четвертых, иногда ему приходилось быть и суфлером, шепотом подсказывая внуку, а то и гостям, их реплики.

Маленький Колянский (прозвище, данное Львом Александровичем внуку) показывал гостям елку (только в этом доме на ней всегда были и остаются до сих пор исчезнувшие из магазинов настоящие живые свечи), разгадывал загадки, пел с Дедом Морозом новогодние песенки. Потом Коля, с малых лет очень серьезный деловой человечек, без тени смущения читал свои «статьи», явно подражая дедушке и бабушке. «Статьи» сначала старательно писались огромными печатными буквами, позднее в ход пошла пишущая машинка. Через несколько лет «статьи» сменились шпионско-приключенческими произведениями. Когда же период литературного творчества закончился, Дед Мороз стал слушателем целого сольного музыкального концерта с программой от простейших пьес начальной музыкальной школы до произведений Чайковского, Моцарта, Шопена, Бетховена.

После концерта вручались подарки, и Лев Александрович совершенно искренне изумлялся способности Деда Мороза дарить самые нужные игрушки и самые интересные игры. Пока Коля рассматривал подарки, Дед Мороз со Снегурочкой торжественно приглашались в соседнюю комнату, одновременно кабинет Льва Александровича и столовую. Здесь уже был накрыт роскошный стол с традиционными дмитриевскими закусками (среди них черемша, маринованный чеснок, лобио, винегрет) и знаменитой водкой, настоенной на можжевеловых ягодах (молва гласила, что эти ягоды Лев Александрович доставал или сам срывал в Никитском ботаническом саду в Крыму и делился ими с Владимиром Ивановичем Малышевым для изготовления того же напитка).

Начиналось второе действие новогоднего представления — пир с Дедом Морозом. Здесь уже главным действующим персонажем был сам хозяин, удивительно радушный и заботливый. Все время накладывалась в тарелки еда, подливались напитки, тост следовал за тостом. Трудно было Деду Морозу, не выходя при внуке, позднее при внуках, из образа, а точнее, не снимая одежды, рукавиц, есть и пить. Часто, как говорится в сказках, по усам и бороде текло, но далеко не все попадало в рот!

Очень любил Лев Александрович это застолье: помню, что дважды он лежал в предновогодние дни в больнице, но обязательно звонил домой и давал подробнейшие инструкции, как и чем потчевать гостей.

Боялся Дед Мороз, что вырастет Колянский, и не нужен будет дедушка на 2-ом Муринском, но — ура! — появился Петя, и еще один человечек начал расти на моих глазах. Теперь уже Петя искренне верил в Деда Мороза, а Лев Александрович с Колей помогали гостю-волшебнику...

Особенно запомнился мне декабрь 1992 года. К этому времени уже сам Дед Мороз вывешивал объявление, что приедет ко всем желающим, но вот желающих-то оказалось совсем немного. Лев Александрович подошел ко мне в институте и сказал: «Саша, мы как всегда ждем тебя Дедом Морозом!». И вот 31 я поехал только к Дмитриевым. Пожалуй, это была самая теплая, трогательно-нежная беседа за столом. Оживленным был не только Лев Александрович, но и Руфина Петровна. Каким-то просветленным, одухотворенным покидал я любимый дом. Мог ли я даже помыслить, что это последний Новый год с Львом Александровичем!

Как трудно было войти в знакомые комнаты в декабре 1993 года. Плакала, глядя на меня, Руфина Петровна, слезы текли и у меня, я смахивал их рукавицей, чтобы их не увидел Петя. Впервые Дед Мороз вызывал слезы! Вот уже и миновало 31 декабря 1994 года, слез не было, но щемящее чувство невосполнимой утраты осталось...

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ И ВОСПОМИНАНИЙ

21 февраля 1994 года, в первую годовщину со дня кончины Льва Александровича Дмитриева, в Пушкинском Доме состоялось научное заседание, посвященное его памяти. Многие коллеги и близкие Л. А. Дмитриева выступили тогда с воспоминаниями о нем. Мы публикуем здесь отдельные отрывки из этих выступлений.

Д. С. Лихачев

<...> Всякая открытая истина включает в себя исследовательскую позицию. Эта позиция может быть обогащающей памятник, или может обеднять его, этот предмет изучения, может искажать его, в особенности в тех случаях, когда исследователь не учитывает односторонности своего подхода, навязывает свою точку зрения памятнику.

Учитывать свою точку зрения, открыто признавать ее относительность, продиктованность — это нравственная сторона всякого научного исследования. Научная нравственность Льва Александровича Дмитриева всегда была очень велика. Его выводы никогда не выходили за пределы того, что ему позволял материал. Он не поддавался соблазну эффектных обобщений.

Одна из первых его работ была посвящена вопросу о том, что такое река Каяла. На основании кропотливого филологического анализа он пришел к выводу, что это не какая-либо реальная река, а символическая река плача, каяния. И этот вывод Лев Александрович сделал не категорически, а лишь предположительно. То есть он каждый раз отмечал, что может быть ступенькой к последующим изучениям, и что является только его относительной точкой зрения, что нуждается в проверке. Степень доверия к трудам и исследованиям Льва Александровича Дмитриева всегда наивысшая, насколько это возможно. И вот это очень важно; гораздо важнее, чем эффектность выводов, именно надежность выводов, хотя бы маленьких, но надежность, чтобы на них можно было строить.

Лев Александрович всегда обращался к таким темам, которые могли быть положены в основу дальнейших исследований. Таким, в частности, является его обширное и чрезвычайно трудное исследование всех доступных ему экземпляров первого издания «Слова о полку Игореве» и факсимильных его воспроизведений. Как будто бы очень частная тема; но теперь издатель «Слова» и исследователь «Слова», обра-

щающийся к тексту «Слова» в первом издании, должен учитывать все наблюдения Льва Александровича. Это монументальный труд, который послужит науке не одну сотню лет. Именно сотню, ибо вряд ли появится необходимость в перепроверке его наблюдений. Если бы там оказались ошибки, это было бы для науки ужасно.

Я бы сказал так. Работы Льва Александровича держат истину на коротком поводке. Его выводы близки к материалам и позволяют строить на них дальнейшие соображения. Это надежность, которая объясняется нравственностью исследователя.

И еще одно наблюдение над работами Льва Александровича. Очень часто они обращены к широкому читателю. А в данном случае особенно важно, чтобы между предметом изучения и пользователем, читателем, слушателем лекции, не стояла фигура ученого, навязывающего читателю или пользователю свою точку зрения. Я помню, что когда в 40-е годы С. И. Вавилов организовал серию «Литературные памятники», он выбрал положение: читатель должен быть свободен от любой навязываемой ему точки зрения, и поэтому объяснительную статью к памятнику потребовал печатать не перед памятником, а после него, что до сих пор и делается. Принцип этот остается и до сих пор в этой серии, остается уже полвека, и никогда не возникало потребности менять, и начинать с объяснения того, что еще читатель не прочел.

Характеризуя Льва Александровича Дмитриева как ученого, устанавливавшего истину на коротком поводке, я этой характеристикой отнюдь не зачеркиваю необходимость более широких обобщений, поддержанных конкретным материалом. Я хочу только сказать, что существует два типа подхода к литературе: один представлен в литературоведении, это подход, когда между исследователем и памятником очень короткий привод; а другой подход — это подход историка литературы. В первом подходе и методе изучения очень важен материал, материал доминирует над точкой зрения ученого, а личность ученого с его концепциями отходит на второй план, как бы уступая ему первый план. Во втором подходе, историко-литературном, обобщение и личностный подход играет очень большую роль и строится, в известной мере, на выборочном привлечении широкого материала. Имея в виду существование двух типов исследования литературы, двух типов подхода — литературоведческий и историко- литературный, следует отнести Льва Александровича к первому. Он в первую очередь литературовед; не столько историк литературы, сколько литературовед. Это им осознавалось в полной мере, и это очень хорошо. В этом выборе Лев Александрович честно осознавал свою роль ученого. Благодаря этому его труды и труды, созданные с его участием, надолго останутся в нашей науке.

Т. А. Велецкая

<...> Теперь, когда его уже нет, начинаешь думать, пытаться представить сколько-нибудь общую картину: что это был за человек, Лева Дмитриев. «Лучше быть посредственным на деле, чем хорошим на словах», — написал он в дневнике, когда ему было 20 лет. Каким он был «на деле», известно всем, и это утверждение говорит только о его

скромности и требовательности к себе. А вот нелюбовь и недоверие к «хорошим словам» он пронес через всю жизнь.

В студенческие годы наша группа жила очень дружно, мы часто проводили вместе свободное время. В те времена с нами училось довольно много блестящих студентов, ставших впоследствии замечательными учеными, педагогами, писателями. И вот среди этих умниц, остроcловов Лева был всегда спокойный, дружески расположенный ко всем, со своей чудесной открытой улыбкой, подтянутый, сдержанный и, можно даже сказать, молчаливый. Он единственный из всех со всеми девушками был «на вы». Его убеждение, что «на ты» можно обращаться только к невесте или жене, было для него так естественно, что нам не приходило в голову возражать или удивляться <...>

В. С. Бахтин

<...> Мне хочется рассказать о таком событии, которое оставило след и в моей жизни, и в жизни Льва Александровича, и в жизни еще третьего товарища. Нас три товарища было дружных, мы часто собирались, и один раз (это было в 47 или 48 году) мы по душам разговорились о политике. Известна клятва на Воробьевых горах, и вот нечто вроде этой клятвы произнесли мы тогда втроем — окончившие войну, один из нас без ноги — и вот, может быть, впервые позволили себе от начала до конца, от А до Я, сказать все то, что мы думаем о нашей жизни. Я не могу сказать, что мы были зрелыми людьми, у нас была какая-то концепция в жизни; но то, что мы не принимали окружавший нас мир, это было нам ясно. И вот мы обнялись, мы долго сидели, мы поклялись быть порядочными и честными людьми. Мы не говорили высоких слов, мы не клялись бороться. Интересно, что потом мы никогда больше не возвращались к этому моменту, но, тем не менее, он был, и в моей памяти остался как самый высокий и чистый момент в моей жизни и, надеюсь, в жизни Льва Александровича. Когда мы учились в университете, мы часто говорили об общественно-политических взглядах того или иного деятеля, но это возможно было только тогда, когда речь шла о дореволюционном деятеле. Но едва мы переходили к нашим современникам, то разговор об их общественно-политических взглядах даже и не возникал, даже и не ставился — естественно, что у всех были одни взгляды, одинаковые, и они не подлежали никакому обсуждению.

У Л. А. Дмитриева была система своих общественно-политических взглядов, которая противоречила той системе, которая была, считалась и являлась господствующей, официальной. Все мы шли на какие-либо компромиссы. Б. Н. Путилов недавно высказал очень верное соображение, что мы тоже пользовались схоластическим методом цитат; вот я, например, в 50 году с этой трибуны цитатами товарища Сталина пытался убить произведения советского так называемого фольклора, доказывая, что они не проходили шлифовку коллективного осмысления и т. д. Я попробовал найти такие цитаты, хотя бы во спасение, во благо, у Л. А. Дмитриева, и я не мог найти. Никто не мог сказать, что он человек угловатый, что он резкий, что он старался свою точку зрения, свою позицию как-то громко отстоять или заявить; но она у

него была, и была такая твердая, такая несокрушимая, что никому, по-моему, в голову не приходило ее оспаривать.

Н. Ф. Дробленкова

<...> Лев Александрович пришел в нашу 4-ую русскую группу филфака Ленинградского университета зимой 1945/1946 учебного года. Аудитории не отапливались, чернила замерзали в чернильницах, а мы слушали лекции в пальто. В тот день наша группа дежурила по заготовке привезенных дров. Шел крупный снег. Во дворе филфака мы пилили, кололи и складывали поленья, когда в нашу работу без лишних слов включился новый студент, кратко представившись: «Лев Александрович Дмитриев». Он был строен, худощав, подтянут и в своей армейской шинели выглядел очень элегантным.

Лев Александрович, как и многие его однокурсники и друзья, — Евгений Александрович Маймин, Юрий Михайлович Лотман, Марк Григорьевич Качурин, Владимир Соломонович Гельман (Бахтин), Сережа Владимиров и другие бывшие фронтовики, — вернулись в университет после Отечественной войны и демобилизации и сразу же с головой окунулись в учебу, наверстывая упущенные годы. Их целеустремленность, жажда знаний и работоспособность вызывали у нас, недавних школяров, особое уважение и почтение, невольно побуждая выделять их обращением «на Вы». Лев Александрович всегда поражал меня своей необычайной организованностью, целенаправленностью и увлеченностью научным поиском, высоким профессионализмом и обостренным чувством гражданского долга и справедливости <...>

Л. М. Зуб

<...> В 1979 г. в Ярославском музее-заповеднике началась работа над экспозицией, посвященной «Слову о полку Игореве». Для этой цели был создан в музее Отдел древнерусской литературы, возглавила который опытный музейный работник — Лилия Афанасьевна Костерина. Одной из первых книг, с которой мы стали работать, приступая к созданию тематического плана, была монография Льва Александровича Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“». Так состоялось наше первое знакомство с Львом Александровичем, а потом и первая встреча в Пушкинском Доме. Нелегко нам было решиться приехать в знаменитый Пушкинский Дом со своими вопросами и сомнениями. Но та атмосфера доброжелательности, внимания, заинтересованности нашим делом, которой встретил нас Отдел древнерусской литературы, возглавляемый Д. С. Лихачевым, развеяла все наши страхи. Какими замечательными, добрыми, отзывчивыми людьми оказались наши научные консультанты. Беседа со Львом Александровичем заняла около трех часов. Он не оставил без внимания ни один наш вопрос. Он не только прекрасно объяснял, он умел внимательно слушать. Разговор с ним вселил уверенность в наших силах. Лев Александ-

рович стал настоящим добрым другом нашего музея, и мы благодарны судьбе, что она свела нас с таким человеком.

В 1980 г. первая часть экспозиции «Об истории открытия, исследования и публикации „Слова“» была построена. Но эта работа была лишь малой частью того, что предстояло сделать к 1985 г. — 800-летию «Слова». Нам хотелось показать «Слово» на фоне истории русской культуры и литературы Древней Руси. Раскрыть роль «Слова» в русской литературе и культуре нового времени. И опять на помощь пришли ученые Пушкинского Дома. Не раз и не два пришлось нам побывать в Отделе древнерусской литературы, но и нас не забывали, помогали и словом и делом. В мае 1983 г. в Ярославле работала Комиссия в составе академика Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова. В ходе работы комиссии совместно с сотрудниками музея был тщательно проанализирован весь перечень экспозиционных материалов: литературных первоисточников, памятников материальной культуры, произведений древнерусского прикладного искусства XI–XIII веков, печатных изданий и исследовательских работ по «Слову о полку Игореве». Когда встал вопрос, что показывать в разделе «Переводы „Слова о полку Игореве“ на языки народов мира», Лев Александрович передал в дар музею 54 печатных издания из своего собрания. Эти книги и стали основой музейной коллекции зарубежных переводов и исследований «Слова».

Музей «Слова» помнит имена своих создателей. Мы называем их, когда проводим экскурсии по его залам. И среди них, не дождавшихся его десятилетия, имя Льва Александровича Дмитриева.

Л. И. Журова

Встреч с Львом Александровичем у меня было немного, но все они были чрезвычайно важными и решающими в моей судьбе. Я их очень хорошо помню <...>

Самой важной была встреча в марте 1981 г. за рабочим столом Льва Александровича в институте. Он вынужден был за очень короткое время прочитать мою диссертационную работу, которую я привезла с собой на заседание Сектора. Мы сидели за столом Льва Александровича, он листал текст диссертации и очень терпеливо объяснял мне недочеты, недостатки, указывал на ошибки, предлагал кое-что изменить, кое-что убрать, словом, замечаний была масса. Мы просидели около двух часов. Это была напряженная работа, для меня — великолепная школа большого ученого, академическая школа. Лев Александрович на моих собственных примерах показал мне, насколько велика ответственность исследователя за результаты своего труда, насколько надо быть точным и честным, добросовестным и аккуратным в работе с источниками. Интересные и красивые идеи — это хорошо, но главное — это тщательная обработка материала. Этот деловой разговор — незабываемый, это урок, преподанный профессионалом высокого класса. Я слушала очень внимательно, но ничего не записывала. Как потом оказалось, Лев Александрович отметил и этот мой недостаток и сделал мне замечание в очень корректной форме: «Когда Вам будут высказывать замечания на заседании Сектора, Вы, пожалуйста, все

записывайте». И я все поняла, наверное, я обидела Льва Александровича своим, как ему показалось, невниманием.

Кроме того, что мы обсудили работу, Лев Александрович объяснил мне, какие бумаги и куда надо приготовить. И только потом я поняла, что основную организационную работу по защите моей диссертации ему пришлось взять на себя. Я должна была возвращаться в Барнаул, и Лев Александрович заверил меня: как только пройдет заседание Ученого совета, на котором представят мою диссертацию к защите, он мне сообщит о результатах.

<...> Прошло несколько месяцев. И вот накануне Нового года я получила от Льва Александровича фототелеграмму, в которой он сообщил мне, что защита назначена на 15 февраля 1982 г. После этой телеграммы, после Нового года пришло официальное извещение от Ученого совета. Телеграмма с автографом Льва Александровича очень взволновала меня тем, что такой занятой человек, как Лев Александрович, помнит и заботится о судьбах очень далеких ему людей.

Когда я приехала из Барнаула на защиту, то первая весть — Лев Александрович болен. Я смирилась с судьбой и решила, что надо будет еще ждать и ждать. Я позвонила Льву Александровичу, он бодрым голосом сразу мне сказал, чтобы я не волновалась — защита состоится, отзыв у него готов, и он сам привезет его в институт. Уже на следующий день, встретив меня возле канцелярии, где я оформляла какие-то бумаги, он вручил мне отзыв, дал несколько советов по процедуре защиты и сказал еще несколько ободряющих слов. Сам был очень бледен <...>

А. Г. Бобров

<...> Однажды на общем собрании сотрудников Пушкинского Дома обсуждался какой-то вопрос. Мнение Льва Александровича не совпало с мнением дирекции Института, и он выступил с возражениями довольно категорично и жестко. После собрания я спросил: «Лев Александрович, как Вы не побоялись так выступить?» Ответ меня поразил: «Не думай, что я не боюсь. Боюсь. Но я свой страх перебарываю, потому и получается иногда, что говорю слишком резко. И на войне тоже было страшно...». Разговор через некоторое время коснулся тех людей, которые готовы промолчать в сложной ситуации, пойти на компромисс со своим страхом (или со своей совестью). Пытаясь внутренне оправдать свое молчание на собрании, я сказал: «Мы ведь все в той или иной мере шли на какие-то компромиссы в жизни. Например, все были комсомольцами...». «Не все,— неожиданно резко ответил Лев Александрович.— Я не был» <...>

М. К. Перкаль

<...> Летом 1984 года скончался мой друг Андрей Антонович Ганзен, талантливый педагог, последователь А. С. Макаренко, директор школы-интерната № 2 в Ленинграде. За несколько лет до смерти он начал писать книгу «Счастливое дело воспитания». Талантливо напи-

санная работа, в которой рассказывалось о создании интерната, его воспитанниках и учителях, осталась в рукописи. Я считал своим долгом ее опубликовать. Издать книгу — дело не простое. Обратился к ближайшим друзьям и, конечно же, позвонил Леве Дмитриеву. Оказалось, что он болен, лежит в больнице, но мне дали номер телефона, по которому можно было с ним созвониться. Без лишних слов он согласился познакомиться с рукописью и просил принести ее в больницу. В конце разговора выяснилось, что он был знаком с Андреем Ганзеном — во время войны они служили в одном артиллерийском полку, защищавшем Ленинград.

Рукопись была доставлена прямо в палату, Лева ее прочитал и написал отзыв, горячо рекомендуя ее к печати. В том, что книга вышла в свет, есть и его заслуга. Экземпляр книги с дарственной надписью детей автора хранится в библиотеке Дмитриева <...>

Л. И. Кузьмина

<...> И вот мы хороним Льва Александровича. Это пронзительно больно. Мы, несколько женщин, стоим у церкви на Серафимовском кладбище вокруг Руфины Петровны и не знаем, что сказать. Что тут скажешь... Она — вся боль, вся утрата, но держится. Я давно заметила в этой женщине какую-то прелестную простоту и искренность. Все потихоньку роняют какие-то слова. Я тоже: «Вот и не скажет больше Лев Александрович своим тихим голосом...». И вдруг Руфина Петровна на это: «Лев Александрович не всегда говорил тихим голосом, он почти орал на Базанова, вступаясь за Людмилу Ивановну Кузьмину...».

Я вмиг понимаю, о чем речь, хотя слышу об этом впервые. Дело в том, что Василий Григорьевич Базанов, человек страстный и субъективный, в бытность свою директором не раз норовил подвести меня «под сокращение». До сих пор не знаю, почему я попала в ряд его «нелюбимцев»: это были и целый сектор фольклора, и доктор наук Б. С. Мейлах, и младший научный сотрудник Кузьмина. Что называется: пути Господни неисповедимы. Я знала, что директор не раз пытался уволить меня, когда происходило сокращение штатов, и мотивацией было: Кузьмина — жена полярника, материально обеспечена. Самое горькое в ту пору было сознание беззащитности и то, что вот никто не вступится. Думала, что уцелела в штате Института случайно. Ан нет. Вступился же за постороннего ему человека Лев Александрович Дмитриев. И, говорят, Базанов после этого случая стал его еще больше уважать. В Пушкинском Доме редко что-то сохранялось в тайне. А вот тут-то Сектор древней литературы, обо всем осведомленный, был благородно молчалив.

А мне жалко, несказанно жалко, что я не поблагодарила Льва Александровича при жизни.

Говорю ему «спасибо» сейчас, с большим опозданием.

Н. Н. Мостовская

<...> О Льве Александровиче невозможно говорить в прошедшем времени. Даже, если память — категория нравственная (Д. С. Лихачев), Совесть не может быть в прошлом. А Лев Александрович — Совесть института.

Во все времена институтской жизни (и самые трудные, и не очень) с именем Льва Александровича Дмитриева, большого ученого и человека, неизменно связано ощущение надежды и защиты, человеческой прочности и бескомпромиссности. Лев Александрович — личность, с которой несовместимы фразы, поза, личность, начисто лишенная мелкой суетности, «телевизионного» тщеславия и бесконечных, модных теперь, интервью. Он честно служил науке, и для него Пушкинский Дом был родным домом, со всеми его радостями и бедами. Это любимые слова Льва Александровича: он часто повторял их, говоря об институтских подвижниках, одаривая так достойных.

Этим наверное объясняется уникальное, почти исчезающее в наше время, достоинство Льва Александровича: способность жить любимым делом и умение видеть и понимать людей, с их повседневными человеческими и учеными заботами. Умение видеть не себя в первую очередь и не житейскую суматоху (именуемую группами, партиями и проч.), а других и жить их интересами.

Сдержанный, красивый, по-настоящему интеллигентный Лев Александрович Дмитриев для многих из нас олицетворяет время молодости, надежд... Совесть института.

Е. К. Ромодановская

<...>Я познакомилась с Львом Александровичем весной 1964 года, когда приехала из Новосибирска поступать к нему в аспирантуру.

Я не помню сейчас, кто из моих друзей представил меня Льву Александровичу, но и теперь ясно вижу, как мы оба несколько настороженно приглядываемся друг к другу. Интерес Льва Александровича ко мне был вполне закономерен: волей судьбы я оказалась первой его аспиранткой, и важно было понять, что я собой представляю. А я размышляла, насколько он способен заменить покойного Игоря Петровича Еремина, авторитет которого был для меня нерушимым.

Самое главное в этих воспоминаниях — мои аспирантские годы, когда мы общались больше всего. С самого начала Лев Александрович занял позицию не столько руководителя, сколько старшего коллеги, с которым мы делаем одно дело. Я никогда не забуду, как в первые месяцы моего пребывания в аспирантуре он вдруг спросил, знаю ли я о существовании сибирских рукописей в Пскове — и показал краткую запись в путеводителе. Я просила Льва Александровича, который в Псков-то и собирался, узнать, нельзя ли там сделать микрофильмы. Через неделю, вернувшись, он вручил мне исписанную тетрадку, сказав, что текст оказался небольшим, и он для меня его просто переписал. Не

знаю, часто ли другие руководители копируют тексты для своих аспирантов. Эта тетрадка и сейчас хранится у меня.

Научилась я у Льва Александровича многому и, вспоминая свои аспирантские годы, полна благодарности своему руководителю. Мне кажется, что лучшую школу трудно себе представить.

Почти тридцать лет продолжалось наше знакомство, и все эти годы Лев Александрович помогал не только мне, но и всей новосибирской группе литераторов-древников и археографов — помогал советами, консультациями, поддержкой, просто дружеским участием. Именно Лев Александрович был своеобразным связным между Ленинградом и Новосибирском — к нему всегда можно было обратиться по любому вопросу, и никогда наши проблемы не оставались без ответа.

При всем том Лев Александрович был чрезвычайно скромным человеком. Помня, что я была дипломницей Еремина, он всегда говорил обо мне, знакомя с кем-либо, что я ученица Игоря Петровича, а на мои возражения, что не только Игоря Петровича, но и его тоже — только отмахивался; всерьез моих слов он не воспринимал, хотя я была абсолютно искренна, столь велико было его уважение к Игорю Петровичу и приуменьшение собственных заслуг. Лишь при последней нашей встрече мне удалось поколебать его мнение. Это было в октябре 1992 г., когда я приехала в Пушкинский Дом оппонировать его аспирантке, и на послезащитном заседании Лев Александрович радостно сказал о том, что я, недавно избранный член-корр., тоже когда-то училась у него в аспирантуре. «Правда, — добавил он, — Елена Константиновна ведь не моя ученица, а Игоря Петровича». Тут я не выдержала и — тоже, как всегда — перед всем собранием сказала, что у меня в жизни было два учителя — Игорь Петрович и Лев Александрович. На Льва Александровича это произвело такое впечатление, что позже он подошел ко мне и спросил: «Елена Константиновна, Вы на самом деле так считаете?» — Я только руками всплеснула, и от полноты чувств мы впервые расцеловались.

Через четыре месяца Льва Александровича не стало, и я благодарна судьбе, что успела сказать ему эти слова при жизни.

В. П. Бударагин

<...> В дни присутствия Лев Александрович непременно навещал Древлехранилище (с порога — взгляд на портрет Владимира Ивановича), в другие дни звонил из дома. И мы к нему за советом и помощью... О Древлехранилище он знал все: о новых ли находках и приобретениях шла речь, о выставках ли и конференциях. Отношение могло быть и положительным, и ироничным, но чего не было никогда — это начальственного тона, снисходительности. Собеседовали коллеги-археографы. А свою причастность к археографии Лев Александрович осознавал всегда, был непременным участником археографических конференций и ежегодных отчетов.

Было и другое Древлехранилище, куда подчас скрывался Лев Александрович от суеты институтской повседневности потолковать о всяком-разном, увиденном да прочитанном, вспомнить годы минувшие. Это уже было личное...

А еще был город, нежно любимый Львом Александровичем,— Петербург. И Пушкинский Дом штрихом его архитектурной многоликости. Из этого отношения к городу, быть может, и возникли у меня в 1931 г. посвященные Льву Александровичу строки:

У Малой Невы встречаются Львы,
Кивают друг другу при встрече.
«До завтра!» — «До завтра...» —
                                        прощаются Львы,
И в Пушкинском Доме,
                                        у Малой Невы,
Тогда наступает вечер.

Л. В. Соколова

<...> В 1988 году вышел небольшой сборник новых стихов Булата Окуджавы «Посвящается вам». В нем было стихотворение, названное автором «Песенка» и состоящее всего из двух строф:

Совесть, благородство и достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

Эти строчки о совести, благородстве и достоинстве как-то сразу заставили вспомнить Льва Александровича Дмитриева, словно именно ему они и были посвящены. Лев Александрович не любил высоких слов и сказать ему об этом было невозможно, да и как-то неловко говорить такое человеку при жизни. Но теперь его нет и, говоря словами того же Булата Шалвовича, «высокопарных слов не надо опасаться». Мне хочется, чтобы и у других с образом Льва Александровича связались эти строки...

ИЗ ДНЕВНИКА И ПИСЕМ Л. А. ДМИТРИЕВА

Из солдатского дневника Л. А. Дмитриева (1939—1942 гг.)

7 ноября 1939 г.

Можно будет кое-что записать в этот блокнот. Я в армии. Как изменчива и непостоянна жизнь человека! Поистине «человек предполагает, а Бог располагает». Хотел попасть на русский цикл филфака, а попал на китайский. А теперь попал в армию.

Первый день недели. Возили в баню, одели непривычно и чудно. Повезли на место: ст. Горская, недалеко от Ленинграда — пятая остановка. Приехали ночью, привели в казармы, выстроили в две шеренги, дали несколько кусочков сахара и повели в столовую. Потом дали щи, кашу, чай. Ел все, но ел всего понемногу и без аппетита. Пришли и легли спать, непривычно и странно. Ужасно холодно. Жесткая подушка, узенькие и также жесткие матрасы. Все странно, непонятно. Спал плохо и было холодно и боялся проспать подъем, о котором говорят больше всего, когда говорят об армии. Какие были чувства — никаких. Боязнь чего-то, волнение, волнение и волнение.

Когда проснулся, убирались и т. п. А потом пошли дни (хотя всего прошло 5 дней). Все непривычно, ново и после дома неудобно и странно. И скука, с каждым днем это все усиливалось, и сегодня дошло до точки. Написал Мишке* письмо и потом разорвал его. Думал, что очень плохо, что я нормальный физически человек. Какие-то странные желания. Послал домой письмо, и не получил ответа. Вдруг днем говорят: Дмитриев, идите в проходную, к вам приехал отец. Обрадовался. Обрадовался, как никогда еще до этого не радовался (так мне это кажется сейчас и показалось тогда). Чувство радости переполнило всего, и как-то даже бессознательно пошел, надел шинель и побежал...

После этого сразу успокоился. Сейчас все уходили на вечер в столовую, а я не пошел, и народу в казарме не было почти никого, и я мог спокойно пописать, не боясь, что кто-нибудь увидит. А сейчас все пришли и поэтому кончаю.

8 ноября.

Это я стал писать, когда был в наряде. Но написать ничего не смог, т. к. дело было ночью, а там, где я стоял, было очень темно. Стоял я у

---

* Однокашник Л. А. Дмитриева, близкий друг, Леонид Михайлов. Погиб в начале Отечественной войны. (*Прим. ред.*).

колодца. Это в самом Горском. Когда я стоял, то думал, как сейчас хорошо дома! Я думал: сейчас у нас собрались гости. Танино рождение. Пьют вкусный чай из чистых приятных стаканов, чашек, из блюдечек с чем-нибудь вкусным, а дома уютно, хорошо. А я еще не пил чай совсем и стою здесь на холоду. Это еще больше усугубилось тем, что рядом в окне я увидел абажур и уютную комнату, захотелось плакать. И так я ходил взад и вперед, пока меня не позвали к себе двое дежурных (здесь как раз проходит 1-ая линия границы и стоит будочка и шлагбаум через дорогу около моста). Это два украинца — веселые парни. Правда, рассказывали они почти-что одну похабщину, но у них это как-то выходило не так противно, как это обычно бывает. По-моему, это было так потому, что они сами совершенно считают матерное слово нормальным и нисколько не особенным, неприятным в разговоре. Говорят с украинским акцентом «вин», «дивка» и т. п.

12 ноября.

Сегодня приезжала мама с Костей. Каждый раз после того, как она приезжает, мне становится «не по себе», хочется домой и еще неприятнее кажется здесь, и вместе с тем после ее приезда, когда уже пройдет немного времени, гораздо приятнее на душе, чем если бы она не приезжала.

13 ноября.

Так и не успел я вчера дописать. Вчера же вечером позвали в Ленкомнату.

14 ноября.

Никогда не могу дописать, написать, написать до конца, т. к. то нет времени, то кто-нибудь смотрит. Сейчас занятия, рядом со мной никого нет, и я пишу под столом. Эх, если бы сейчас сидеть в университете, а не здесь! Черт возьми! Мы сейчас находимся в боевом положении в связи с Финляндией. Разбиты на отделения, каждому даны определенные задания, которые должны выполнять по боевой тревоге. Я остаюсь при городке.

«Штык сделан треугольным для того, чтобы рана получалась рваная и ее тогда будет труднее вылечить»,— говорит скобарь, который преподает нам сейчас винтовку. Да, 3 года я буду учиться, как «лучше» убивать людей. Не лучше ли самому себя кокнуть?

Сейчас я думаю, что все-таки человека я не позволю себе убить, но что будет впереди, не знаю.

17 ноября.

Сегодня ровно полмесяца! 15 дней.

22 ноября.

Сегодня 20 дней! Кажется, один Мишка не забыл меня, только от него одного я получаю письма.

Вчера произошел такой забавный случай: наш взвод остался один после вечерней поверки. Сказали: по два рассчитайтесь! Кто-то запутался в расчете и захохотал Савченко. А за ним и все. И чем дальше, тем больше. Хохот перешел действительно в гомерический! Это был уже не смех нормальный человеческий, а черт знает что! Подошел старшина.

Хохот стал еще сильнее. «Савченко, выйти из строя!» — скомандовал помкомвзвода Мартынов. Савченко вышел и, еле сдерживая смех, встал перед строем. Он не мог выдержать и прыснул. Опять все засмеялись, и хохот перешел в истерику. «Всем взводом чистить картошку, на кухню!» — скомандовал старшина. Мы надели шинели и вышли во двор. Но нас только провели. Все окончилось благополучно.

28 ноября.

Эх! Если бы сейчас быть дома! Черт возьми!

Как я здесь, прошло еще только 26 дней. Какое маленькое число по сравнению с тремя годами!

30 ноября.

Сегодня в 8 часов утра началась война с Финляндией. Вчера в 24 часа выступал по радио Молотов. Вокруг репродукторов сидели и стояли на коленях ребята в кальсонах и нижних рубашках. Рано утром принесли приказ по Ленинградскому военному округу о наступлении на Финляндию наших войск. Проснулись все сегодня рано, раньше подъема. Все оделись, не дожидаясь объявления подъема. С 8 часов стали раздаваться выстрелы и были видны вспышки. Мы все стояли у окон и смотрели. Это продолжалось полчаса.

Сейчас уже вечер, по сообщениям, наши войска углубились на 22 км вглубь финской территории. Сейчас в стороне Финляндии видно огромное зарево, говорят, что это горит Выборг. В городе (Ленинграде) об этом ничего не известно. Приезжала Ира, но я ей ничего не рассказал. Теперь думаю, почему? Дурак.

31 декабря.

Сегодня все будут справлять новый год, а мы...

Вечер. Чертовски скверное настроение. Сегодня я вспомнил, как в прошлом году в Доме книги я слыхал, как один старик говорил другому, что он не встречал новый год, а провожал старый. Так же и я не буду встречать нового года, а провожу про себя старый. Сволочи, как все противно, как надоело, ну все к черту.

1 января 1940 г.

Вчера настроение немного улучшилось: получил письмо из дому, «коллективное». Все понемногу написали, было очень приятно.

Кроме того, точно в 12 часов встретили, как полагается, новый год. Впятером распили бутылку шампанского. Слишком мало, но было очень приятно, жаль только, что двое были «наши». Пили прямо в казарме на кровати у И.* (он очень хороший парень, в таком духе, каких я люблю, вроде Мишки). Командиры ушли, было темно, горит синий свет. И точно в 12 часов! — Это самое главное.

3 февраля.

Прошло целых 3 месяца, как я нахожусь в армии!

Пошел 3-ий месяц войны с Финляндией!

Сколько произошло за это время изменений во всем мире! В моем характере, в моей судьбе. Сколько убили за это время людей!

---

* Здесь не ясно, о ком пишет Л. А. Дмитриев. (*Прим. ред.*).

Я кончил читать Мережковского. Чудесная книга!

Какая величайшая вещь — книга! Три — литература, музыка, художество. Что из них троих выше? Трудно сказать. Литература, пожалуй, самая великая из всех.

22 февраля.

Я теперь читаю книги с еще большим удовлетворением, чем раньше. И теперь для меня книга — величайшая вещь в мире, а писатель — самый великий человек. Да! вот если бы я мог писать так, чтобы люди, читая, могли получить удовлетворение такое же, какое я получаю, читая таких писателей, как Толстой, Пушкин, Гоголь... Чтение книг дает мне сейчас гораздо больше, чем раньше. Прочитав книгу, я получаю такое душевное удовлетворение, какого не получаю ни от чего другого. Я все больше и больше доволен тем, что решил посвятить свою жизнь литературе, книгам. И если я останусь жив и все будет благополучно, так я без сомнения пойду на филфак.

14 марта.

Хотелось написать вчера, но никак не собрался.

Ура!!! Вчера заключили мир с Финляндией!!! Война кончилась! Как радостно и приятно это говорить самому и слышать! Когда я услышал это, то мне хотелось кричать, и петь, и смеяться. Да, ничего не может быть хуже войны.

Ездили вечером на Ланскую в баню. У всех в поезде чувствуется какое-то повышенное и радостное настроение. Уже отменили светомаскировку. И кое-где горели яркие белые фонари и светились окна, в городе тоже зажгли фонари, с некоторых окон сняли маскировку, и сразу как-то лучше и легче на душе, только еще больше захотелось съездить в город, домой.

МИР! МИР!

30 июня.

С утра было скверное настроение. В обед произошло интересное с нами происшествие. Дежурным по части был Томашев. В столовой, конечно, как всегда шумели. Наш взвод сидел за последними столами. Когда вся школа поела, нам дали только второе, едва мы успели его разложить, Бондарь скомандовал: «Школа, встать! Выходи строиться!» (Он оставался за старшину). Мы, так и не поев, пошли из столовой вместе со всей школой. Когда нас распустили, то наши ребята пошли в столовую есть второе. Мне стало чертовски противно и досадно — какого-то скверного обеда и то не дают поесть как следует. Вдруг вижу: наших ребят вывели, дали им винтовки и противогазы и погнали по жаре на 10 км. Да, в армии человека больше нет, а есть военный. Как смысл армии — нечеловеческий, так и человек, попав в нее, становится уже не человеком. И я припоминаю, как еще в самом начале Комиссаров рассказывал нам что-то о письмах — чтобы не писать в них ничего лишнего — и приводил пример из письма какого-то красноармейца из нашего полка, которое попало в руки начальства — там было написано: «людей тут у нас совсем нет, а только одни военные». Об этом вот не пишут, а пишут только, что армия — прекрасная вещь. Вспоминаю слова политрука, до того дикие и выразительные, что краснеешь за них — он говорил на политинформации, что иностранные языки в

армии изучать нельзя, что, если вы служите, извольте-ка бросить заниматься чем бы то ни было, кроме военного дела и политики. Когда ко мне приехали папа с Костей в этот день, то мне почти не о чем было говорить с папой, не хотелось делиться своими мыслями. Я и так стараюсь показать, что у нас все хорошо. Мог ли я говорить с ним в это время о книгах, смеяться, говорить, что я прекрасно себя чувствую, что мне очень хорошо? Конечно, нет. Я только молчал.

27 октября 1941 г.

В командирскую столовую в штабе многие командиры ходят с баночками, в которые кладут свое второе, чтобы отнести домой. Посмотрит, посмотрит сначала по сторонам и быстро старается переложить с тарелки в баночку. Окружающие делают вид, что ничего не замечают.

По воскресеньям в Филармонии бывают концерты. Работают такие театры: Театр Комедии — помещается сейчас в здании бывшего театра им. Горького, театр Радлова, театр Ленинского комсомола в здании Михайловского, театр Музыкальной комедии, работает театр на проспекте Володарского. Скоро должен открыться Театр Драмы в помещении Театра Комедии.

Я и забыл написать, что часть нашего правительства, наркоматы переехали в Куйбышев. Сие сообщение дается под соответствующим соусом, но все же хреново становится, когда читаешь его, берет зло, и думаешь, когда же врать-то перестанете?

1 ноября.

Ночь. Дежурю. Все спят. Читаю Диккенса. Книга — величайшая вещь на свете. Писатели — самые великие люди. Никто так долго не оставляет после себя славы, как писатель, художник, композитор. Они умирают, но их мысли, их чувства, выраженные в словах, звуках, запечатленные кистью на полотне, продолжают жить...

3 ноября.

Сейчас пишут все время и всюду, что мы должны выиграть во времени, тогда мы победим, что война приняла затяжной характер, а это уже значит немало победы. Я последнее время много думал об этом и пришел к тому заключению, что время победит немцев, но оно победит и нас — а в таком случае победит коммунистов. Я в этом уверен.

Интересно бы все-таки дожить до конца всего этого, чем-то все-таки кончится эта война?!

23 декабря.

Половина второго ночи. Ноги ноют, сам чертовски паршиво чувствую себя, хочется спать и есть, а особенно последнее — все заглушает. Сегодня измучился и устал как никогда — пришлось мне сегодня проспереться пешком до Лесотехнической академии и обратно пешком. На улице тепло, все растаяло, а т. к. снега масса, то идти было чрезвычайно скользко. Удивляюсь, как я вообще-то смог столько пройти, да еще по такой дороге. Чувствую себя с каждым днем все хуже. Самое большое, что смогу я протянуть — это месяц, а дальше уж никак — сил не хватит. Также мне кажется, что верных процентов 50 гражданского населения через месяц умрет от голода, переутомления и истощения...

1942-й год.

Итак, начался новый 1942 год! Встречали мы новый год на кухне — Элли,* Марта Михайловна,** я и соседи — муж с женой из их квартиры. Света у них нет, водопровод не работает, паровое отопление давно замерзло и лопнуло. Мы натопили плиту, и при свете свечи, который показался очень ярким после коптилки в темноте, за маленьким кухонным столиком мы встречали 1942-й.

Было какое-то красное вино, которое мне показалось чрезвычайно вкусным, лепешки из дуранды были так вкусны, как никогда не было вкусно раньше для меня пирожное, несколько кусочков черного хлеба с горчицей и хреном и целая банка шпротов на нас троих и чай с ирисками, два стакана пива. Я немного опьянел и съел чертовски много всего (это, конечно, я сужу по-теперешнему). Мне даже кажется, что я хамски много съел, но я не мог удержаться, я не мог... Действительно, только сейчас поймешь, что такое жизнь, что такое хлеб наш насущный.

Сейчас прочел у Паустовского в небольшом рассказике замечательную мысль: «Когда входишь в самую сердцевину нашей жизни, то внезапно узнаешь, что Пушкин сказал почти все, — о нем нельзя забыть, как нельзя днем не видеть солнца».

2 января.

Новый, 42-й, начинается очень сурово — вчера днем было 25°, а сегодня — 26° мороза — мороз жуткий, по теперешнему состоянию он особенно чувствителен. Я не знаю, что я бы делал без папиной телогрейки и валенок — совершенно бы пропал. Вид у прохожих чрезвычайно жалкий.

Сегодня утром завтрак запоздал из-за того, что замерзли трубы и не могли там чего-то сделать с паром, а ведь у нас кухня паровая. Я взял весь хлеб на день и все 300 граммов съел даже не за завтраком, а только за чаем, которого я выпил 4 глубоких миски. Не вытерпел и кроме того съел довески хлеба ребят и кроме того съел лишнюю порцию сахара, пришлось просить Ткалича, чтобы он занял пока у отца, а завтра я ему отдаю свой паек. Конечно, он злился на такое мое самоуправство, но сделать ничего не мог. Я окончательно превратился в тряпку.

14 января.

Вечер. Чувство сытости, тепла и света — вот основные двигатели жизни. Вчера с 2-х часов ночи горит Гостиный двор. Когда я шел утром за завтраком, он вовсю полыхал; вот и сейчас, когда уже шел на ужин, он тоже горел, разве только чуть-чуть поменьше — не хватает воды для тушения огня. Вообще Ленинград сейчас горит сутки, гораздо больше, чем от зажигательных бомб, — это от буржуек и от коптилок.

21 января.

Жизнь за последние дни все ухудшается и осложняется. Вот сегодня первый раз, начиная с 24 числа, загорелся свет в штабе, а то сидели у нас тут в подвале с «летучими мышами». Радио не работает. Водопровод не работает, и из-за того, что нет воды на хлебозаводах, не успевают

---

* Э. Койвонен, одноклассница Л. А. Дмитриева. (*Прим. ред.*).

** Мать Э. Койвонен. (*Прим. ред.*).

готовить хлеб — в булочных, когда ни идешь, стоят колоссальные очереди...

Но все-таки как-никак, а январь проходит. «Ленинградская правда» 27 числа вышла на одном листке сразу за 25, 26 и 27 числа, так же и «На страже родины».

7 июля.

Лучше быть посредственным на деле, чем хорошим на словах...

8 сентября.

Иногда безумно хочется жить, готов все перенести, сделать что угодно, но только остаться живым, но вдруг все станет так безразлично, так все равно, что как-то жить-то уж не хочется совершенно.

18 ноября.

Сегодня шел на завтрак и думал — какой я дурак, — имея возможность, совершенно почти не бывал в Детском Селе и не только не изучил его достопримечательности, но и даже поверхностно не осмотрел его. А ведь теперь, после войны, большая часть всех его достопримечательностей будет уничтожена и дворцы будут, подобно Парфенону, развалинами.

24 ноября.

4 часа утра. Сегодня я иду в 1-ую очередь. Написал письмо маме на 7 листках. Написал о своих мыслях, возникших у меня вчера при чтении описания Толстым получения Ростовыми письма от Николая. Как замечательно, как верно он описал чувства и мысли матери о своем сыне! Я, читая мамины ответы на мои письма, вижу, что именно вот так же она думает и обо мне, что я лучше всех душевно, что я красивее всех, и потому, что это слова матери, и потому, что я знаю, что все матери, хорошие, думают так о своих детях, что слова эти, материнские слова, не будут иметь на меня действия лести или на самом деле незаслуженной похвалы, которая могла бы испортить меня, но я знаю, что это выражение чисто материнских мыслей и чувств ко мне, и потому слова эти сейчас могут иметь на меня только хорошее влияние.

Я пишу ей в письме, как я был удивлен, восторжен таким простым, таким понятным описанием всех чувств этих материнских, и привожу цитатой целиком все это место в своем письме к ней.

Пришел с ужина. На улице настоящая метель. Я люблю такую погоду, когда «бушуют природные стихии». Приятно чувствовать себя в такую погоду могущим сопротивляться ей, идти наперекор ветру, дождю и снегу и чувствовать в себе силу и здоровье. Тогда как бы говоришь себе — хоть и ничтожен я, хоть и великая ты, природа, но все же я имею силу сопротивляться тебе и не преклоняться перед твоей силой.

Нас в последние дни очень хорошо кормят — вот уже больше 10 дней дают замечательную порцию свинины, и я удивляюсь, почему я раньше не любил и не ел такую вкусную штуку, как сало? Глупец был.

26 ноября.

Получил письмо от Элли — Старуха* убит. «Как ни тяжело, а приходится сообщить тебе тяжелую весть. Получила письмо от некоего тов. Хатенко с призывом мстить за Гичку. Они распрощались с ним 17 авг. в р-не переправы через Дон...». Еще нет одного друга! Боже мой! Боже мой! Что же это такое? За что? За что убили его? Кто виноват в этом? Как тяжело это. Как тяжело!

---

* Школьный друг Л. А. Дмитриева Ростислав Антонов, наделенный компанией друзей прозвищами Старуха и Гичка. (*Прим. ред.*).

Из писем Л. А. Дмитриева к родным

1

8 августа 1942 г.
Ленинград

Здравствуй, дорогая мама!

Задержался я немного с ответом на твои два больших, полученных мною дня три назад, письма, от 25 и 29 июля. Вчера весь день и сегодня ночь — дежурил и не было ни минуты свободной, а потому и не смог ничего написать; а позавчера с утра до поздней ночи читал «Давида Копперфильда» и так зачитался, что не мог уж оторваться, кроме того, вечером ходил в кино (было у нас здесь).

Ты очень права, мама, когда говоришь, что, находясь далеко друг от друга, в письмах мы гораздо больше скажем, искреннее и откровеннее о себе и своих мыслях, чувствах, душевных переживаниях, чем если бы сказали, находясь и живя вместе, видя друг друга каждый день. Я в письмах к кому бы то ни было всегда скажу больше и лучше, чем в изустном разговоре. Какое-то ложное чувство удерживает и не дает открыть всю душу любимому человеку с глазу на глаз, хотя ты и желаешь этого. Да потом на бумаге (я говорю в данном случае только про себя) как-то «складнее» можешь выразить все, что накопилось на душе, волнует тебя. Это, пожалуй, плохая черта человеческой души, но, к сожалению, у меня она выражена очень ярко.

Между прочим, когда я был в госпитале, слушая рассказы окружающих, находясь сам под влиянием мыслей, связанных с дальнейшей судьбой, мыслей тревожных и даже пугающих, я убедился, что можно оказаться в такой обстановке, что даже любимому человеку нет просто-напросто физической возможности написать несколько слов, не говоря уж о длинных письмах. И вот иногда бывает такое настроение, что буквально просто не можешь писать и только. Или же начнешь глубоко задумываться над чем-нибудь, размышлять, и от этого становится еще хуже, а потому и стараешься не думать и углубляться в свои мысли, а от этого письма получаются поверхностные и неинтересные — «без души».

Письма твои я получил и получаю все, как могу судить из них. Получил я и письмо с твоими рисунками, получил и письмо с описанием подробным твоего огорода. Обыкновенно у меня получается, что я не пишу как бы в ответ на твои письма письмо свое, а иногда сразу на несколько писем, иногда и просто без писем, иногда после того, как прочтешь несколько писем не от тебя, а от кого-нибудь еще из вас, вот поэтому так и получается, что тебе кажется иногда, что я не получил какого-либо твоего письма. Но ты только не подумай, что это происходит из-за того, что я мог забыть это письмо или не обратил на него внимания — все они у меня хранятся не только в чемоданчике, как одна из самых моих больших ценностей, но хранятся глубоко — хранятся и в душе моей. И меня радует, печалит, заставляет призадуматься, взгрустнуть не только письмо, но и отдельные строки, слова его. Ну ты и сама посуди, что может быть для меня радостнее, приятнее дорогих писем

ваших и особенно твоих. Ведь здесь нет ни одного столько близкого человека, которого я мог бы назвать другом своим. А ведь твои письма — это не только письма друга, но и письма матери. И ты, я думаю, поймешь, что значат они для меня.

Ну, уж я никак не думал, что ты посчитаешь меня худым на карточке. А может быть это после зимы мне кажется, что я полный. Действительно, я, пожалуй, так похудел зимой, что уже не могу сейчас представить себе этого. А гимнастерка-то это не моя. Это я занимал у одного товарища, она шерстяная и вообще выглядит очень хорошо, моя собственная, конечно, гораздо хуже. И воротничок на ней целлулоидный, может быть, тебе и шея моя показалась очень тонкой, потому что ворот у гимнастерки широкий. Сейчас я хожу в той гимнастерке, что мне дали в госпитале, она чистая и аккуратная, а это самое главное. Было бы тепло и чисто, а о виде я не беспокоюсь. Меня и обмотки-то расстраивают отнюдь не видом своим, а только тем, что уж очень много времени они отнимают утром и вечером, когда разматываешь и заматываешь их, да еще иногда размотаются на ходу и волочатся за тобой, пока не заметишь этого, но это тоже зависит от самого себя — нужно научиться это делать быстро и хорошо, тогда и не будет никаких неудобств. Нательное белье я меняю в батальоне у себя, довольно регулярно — как хожу мыться. Моюсь я главным образом в нашем душе, т. к. в баню ходить неприятно — легко можно подцепить некоторых насекомых, ну а т. к. душ работает только в определенные дни, то, если дежуришь в этот день, помыться не удается.

Вчера письмо окончить не успел и кончаю уже 9-го числа утром во время дежурства. На рынке у нас появились ягоды — стакан малины стоит 100 граммов хлеба, а стакан черники — 30 рублей. Я хочу купить себе хоть стаканчик черники к 18-му числу, чтобы хоть чем-нибудь отметить день своего совершеннолетия, это уже 4-ое мое рождение, которое я не встречаю, как бывало. Но это — 1-ое, которое я встречу так далеко от всех вас. Но это ничего, тем радостнее мне будет, когда я отмечу этот день в домашней обстановке со всеми вами вместе.

Я тебя очень прошу, дорогая мамочка, не мучить себя бессонными вечерами и ранним вставанием для писания мне писем. Как ни приятны и ни радостны они для меня, но, если я буду знать, что из-за них ты не спишь, то мне будет от этого только неприятно и жаль тебя.

Никак не могу сосредоточиться на письме, приходится все время отрываться от него и поэтому так плохо оно стало получаться, что я уж лучше кончу писать его, тем более, что нужно успеть отправить его сегодня, т. к. уже третий день пошел, как я не посылал вам ничего.

Крепко-крепко целую тебя много раз. Твой Лева.

2

1 декабря 1942 г.

<...> Когда мы делаем подарок, то, хотя мы и знаем, что мы дарим, но все же стараемся сделать об этом надпись на подарке. Получающий подарок знает, что это — подарок, и знает, кто ему его подарил, и после долго будет помнить, кто и когда сделал ему этот подарок, но он тоже хочет, чтобы об этом было написано на подарке.

Почему дарящий и тот, кому дарят, хотят, чтобы об этом было написано на подарке? Потому что мы хотим, чтобы кроме ценности подарка, как вещи, кроме сознания того, что эта вещь — подарок, на ней были отражены те мысли и чувства, которые хотел выразить дарящий своим подарком. И вот эти-то мысли и чувства человек выражает надписью. Кроме того, каждая такая надпись делается «на память», чтобы подарок этот напоминал не только о человеке, подарившем его, кто он такой, но и о душе его, о его чувствах к тому, для кого этот подарок предназначается.

А я, посылая вам эту книгу, хочу, чтобы вы, получив ее, представили себе меня, как будто бы я близко от вас, вместе с вами, чтобы она напоминала вам мою любовь к книгам, мою любовь к вам и мое желание сделать вам удовольствие. Я хочу, чтобы эта надпись и книга потом, когда мы будем опять все вместе, напоминала нам то время, когда я был далеко от вас, в Ленинграде, но, несмотря на такое далекое расстояние, мы все время думали друг о друге, старались сделать друг другу приятное и радостное, мы всячески хотели сблизиться и сделать так, чтобы не была заметна наша разлука.

Читая «Войну и мир» сейчас, в 1942 году, хотя и не в первый раз, многое в ней оценишь по-другому, многое в своей собственной жизни осудишь и оправдаешь, на многие вопросы теперешней жизни найдешь лучший, понятный ответ, многому найдешь утешение и успокоение.

Мне хочется, чтобы вы еще раз прочитали или хотя бы просмотрели эти строки, выглядящие теперь совсем иначе, чем прежде. Читая ее сейчас, как бы узнаешь о знакомом, близком то задушевное, чего не знал до сих пор, видишь что-то такое новое, чего не замечал в этом знакомом и близком раньше.

Я верю, что вы, так же как и я, прочитав эту книгу, найдете в ней утешение и оправдание тому страшному и тяжелому, что пришлось пережить всем вам это время. Читая «Войну и мир», вы найдете ответы на свои жизненные вопросы, объяснение и оправдание происходящего. Читая ее и думая о настоящем и сравнивая это настоящее с тем, что тут написано, многое в книге станет более понятным, доступным и объяснимым.

Читая книгу — познавайте жизнь. На основе жизни — познавайте книгу.

Ваш, все ваш сын и брат Лева.

Ленинград, 1 декабря 1942 года.

3

29 января 1957 г.

Здравствуй дорогой папа! В воскресенье получили твое письмо, как раз в Ниночкины именины. Праздновали их — приходили Костя с Лилей и Серегой*, Женя** с Сергеем*** и В. И. Малышев — крестный отец, так что в основном на именинах были кавалеры. Владимир Ива-

* Младший брат Л. А. Дмитриева с женой и сыном. (*Прим. ред.*).
** Е. А. Маймин. (*Прим. ред.*).
*** С. Владимиров — однокурсник Л. А. Дмитриева, театровед. (*Прим. ред.*).

нович подарил Нине куклу немецкую — с закрывающимися глазами, с завитыми локонами, в шелковом платье, а сверху меховое пальто (из самого настоящего меха) и из такого же меха шапочка. Если переворачиваешь ее вниз головой, то она говорит «мама», что, пожалуй, правда скорее похоже на «мяу-мяу». Нина куклы этой страшно испугалась, особенно, когда та заговорила, и мы так ее в коробке на шкафу и держим, а она предпочитает ту страшную куклу Галюшку, на лице которой сейчас не различишь не только форм носа, рта и глаз, но едва ли есть какие-нибудь следы и от краски, долженствующей изображать сии части ее физиономии. Мы с Руфой подарили лохматого пса очень симпатичного, кивающего головой, если его завести — это тоже немецкая игрушка. Его она более или менее приняла, но все же предпочитает смотреть на его кивания сидя у кого-нибудь на руках. Именины отпраздновали по-настоящему — с подарками, пирогом, вином и водочкой. Правда, сама именинница что-то в последнее время стала более капризная.

Я сначала поеду в Саратов, из Саратова в Казань, а уж из Казани в Москву, в Москве пробуду дней 7—8. Дома все в порядке. О М. О. Скрипле написал некролог с приложением списка его трудов, которые будут напечатаны в очередном томе наших «Трудов». Между прочим, и фотографию для этого некролога дал ту, которую когда-то я снимал (в год окончания университета) — оказалось, что это самая его лучшая фотография. К счастью, у меня сохранилась пленка, и поэтому смогли сделать хороший отпечаток. Очень, очень его все же жаль.

Погода у нас все такая же — около нуля, в общем зимы пока настоящей не было. Посылаю вам новогодние фотографии. Мы все всех вас крепко целуем.

Лева.

АВТОРЫ ЭТОГО СБОРНИКА

Бахтин Владимир Соломонович (род. в 1923 г.) — писатель и фольклорист, член Союза писателей, собиратель и исследователь фольклора, советской поэзии, детской литературы, однокурсник Л. А. Дмитриева.

Белоброва Ольга Андреевна (род. в 1925 г.) — искусствовед и филолог, кандидат филологических наук, автор ряда научных трудов по истории древнерусской литературы, византинистики и изобразительному искусству, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Бобров Александр Григорьевич (род. в 1960 г.) — филолог, кандидат филологических наук, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Бударагин Владимир Павлович (род. в 1945 г.) — филолог, главный хранитель Древлехранилища Пушкинского Дома.

Бычков Сергей Сергеевич (род. в 1946 г.) — публицист, кандидат филологических наук.

Велецкая Татьяна Анатольевна (род. в 1927 г.) — преподаватель русского языка и литературы в школе, однокурсница Л. А. Дмитриева.

Водолазкин Евгений Германович (род. в 1964 г.) — филолог, кандидат филологических наук, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Ганелин Рафаил Шоломович (род. в 1926 г.) — член-корреспондент Российской академии наук, историк, автор ряда научных книг по истории нового времени.

Демкова Наталья Сергеевна (род. в 1932 г.) — филолог, кандидат филологических наук, доцент Петербургского государственного университета, руководитель студенческого семинара по литературе Древней Руси, автор ряда исследовательских трудов по истории древнерусской литературы.

Дмитриева Руфина Петровна (род. в 1925 г.) — филолог, доктор филологических наук, автор ряда научных книг, посвященных историко-литературному и текстологическому исследованию литературных памятников Древней Руси.

Дробленкова Надежда Феоктистовна (род. в 1926 г.) — филолог, кандидат филологических наук, исследователь средневековой русской литературы, библиограф Отдела древнерусской литературы, однокурсница Л. А. Дмитриева.

Журова Людмила Ивановна (род. в 1947 г.) — филолог, кандидат филологических наук.

Зуб Людмила Михайловна (род. в 1956 г.) — заведующая отделом «Слово о полку Игореве» в Ярославском музее-заповеднике.

Качурин Марк Григорьевич (род. в 1923 г.) — доктор педагогических наук, профессор Российского государственного педагогического университета, однокурсник Л. А. Дмитриева.

Кузьмина Людмила Ивановна (род. в 1924 г.) — филолог, кандидат филологических наук, автор ряда научных работ по русской литературе нового времени.

Левин Юрий Давыдович (род. в 1920 г.) — филолог, доктор филологических наук, почетный доктор литературы Оксфордского университета, автор ряда научных книг по истории международных связей русской литературы и истории перевода в России, сотрудник Отдела взаимосвязей русской и зарубежной литературы Пушкинского Дома.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (род. в 1906 г.) — академик, иностранный член Академий наук Болгарии, Сербии, Венгрии, Италии, член-корреспондент Австрийской, Британской и Геттингенской академий, почетный доктор наук Торуньского, Оксфордского, Эдинбургского, Цюрихского, Будапештского, Софийского университетов и университета в Бордо, исследователь древнерусской культуры, литературы и истории, глава научной школы литературоведения Древней Руси, заведующий Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Лихачева Людмила Дмитриевна (род. в 1937 г.) — искусствовед, кандидат искусствоведения, автор ряда работ по истории древнерусского изобразительного искусства.

Лурье Яков Соломонович (род. в 1921 г.) — доктор филологических наук, автор ряда научных книг по истории русского летописания, древнерусской культуры и литературы нового времени.

Маймин Евгений Александрович (род. в 1921 г.) — филолог и литератор, доктор филологических наук, профессор Псковского государственного педагогического института, однокурсник Л. А. Дмитриева.

Малинина Елена Михайловна (род. в 1930 г.) — филолог, редактор издательства «Художественная литература».

Мостовская Наталья Николаевна (род. в 1929 г.) — филолог, кандидат филологических наук, автор ряда исследовательских трудов по русской литературе и журналистике XIX в., сотрудник Отдела новой русской литературы Пушкинского Дома.

Охотникова Валентина Ильинична (род. в 1948 г.) — филолог, кандидат филологических наук, доцент Псковского государственного педагогического института.

Павловский Алексей Ильич (род. в 1926 г.) — филолог и литератор, доктор филологических наук, автор ряда исследовательских трудов по истории литературы нового времени, сотрудник Отдела новейшей литературы Пушкинского Дома.

Перкаль Марк Константинович (род. в 1928 г.) — преподаватель русского языка и литературы в школе, однокурсник Л. А. Дмитриева.

Понырко Наталья Владимировна (род. в 1946 г.) — филолог, кандидат филологических наук, сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома.

Розов Александр Николаевич (род. в 1948 г.) — филолог, специалист по русскому фольклору, кандидат филологических наук, сотрудник Отдела устного народного творчества Пушкинского Дома.

Ромодановская Елена Константиновна (род. в 1937 г.) — член-корреспондент Российской академии наук, филолог, автор ряда научных книг по истории древнерусской литературы.

Сазонова Лидия Ивановна (род. в 1947 г.) — филолог, доктор филологических наук, автор ряда исследовательских трудов по истории и теории древнерусской литературы, сотрудник Института мировой литературы.

Соколова Лидия Викторовна (род. в 1947 г.) — филолог, кандидат филологических наук, сотрудник Отдела древнерусской литературы.

Творогов Олег Викторович (род. в 1928 г.) — филолог, доктор филологических наук, автор ряда научных трудов по истории древнерусской литературы, с 1988 г. заместитель директора Пушкинского Дома.

Фомичев Сергей Александрович (род. в 1937 г.) — филолог, доктор филологических наук, автор ряда научных книг по истории русской литературы XIX в., заведующий Отделом пушкиноведения Пушкинского Дома.

Фурсенко Александр Александрович (род. в 1927 г.) — академик, историк, автор ряда книг по истории Америки и международных отношений, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской академии наук, заместитель Председателя Президиума Санкт-Петербургского центра Российской академии наук.

Чистов Кирилл Васильевич (род. в 1919 г.) — член-корреспондент Российской академии наук, фольклорист и этнограф, автор ряда научных книг по фольклористике и истории русской культуры, член-корреспондент Финского литературного общества (Финляндия) и Финно-угорского общества (Финляндия).

Юргенсон Ирина Александровна (род. в 1918 г.) — старшая сестра Л. А. Дмитриева, кандидат биологических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Александрович ДМИТРИЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ. ВОСПОМИНАНИЯ.
ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА

Редактор издательства *Т. Г. Иванова*
Художник *Р. П. Костылев*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*

ЛР № 061824 от 23.11.92
Сдано в набор 13.03.95. Подписано к печати 01.06.95
Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 8.5. Уч.-изд. л. 9.5. Тираж 1000. Заказ № 893.

Издательство «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIX.
464 стр., переплет

Annuals of the Department of Ancient Russian Literature. T. XLIX. 464 p., hard cover.

«Труды Отдела древнерусской литературы» являются единственным в мире продолжающимся изданием, посвященным исследованию литературного наследия Древней Руси. Т. I—XLV «Трудов» были напечатаны издательством «Наука» в 1934—1992 гг. Начиная с т. XLVI серия выходит в издательстве «Дмитрий Буланин».

Книга «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XLIX подготовлена в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, под общей редакцией академика Д. С. Лихачева. Книга содержит исследования, касающиеся разных аспектов древнерусской литературы, а также публикации древнерусских текстов.

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199134, С.-Петербург
наб. Макарова, 4

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефакс: (812) 312-72-92

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Графика русской иконы: Прориси и переводы икон из собрания Пушкинского Дома. Составитель Г. В. Маркелов.

160 стр., переплет

С иллюстрациями, большой формат

The Graphic of Russian Icon-Painting: «Prorisi» and «Perevody» of Icons from the Depository of Pushkinskij Dom. Compiled by G. V. Markelov. 160 p., hard cover. With illustrations, of big size.

Прорись (перевод, подлинник) — графический контур иконописного изображения, снятый с канонического оригинала и являющийся поэтому нормативным для иконописцев. Значение прорисей для изучения русского религиозного искусства древней, а отчасти и новой эпохи не подлежит сомнению. Между тем большая часть прорисей, хранящихся в музеях и архивах России, остается неописанной и неизученной.

В настоящем издании читатель найдет научное описание коллекции прорисей, поступившей в Древлехранилище Пушкинского Дома из центров старообрядческой иконописи. Каталог включает описание 160 листов XVII—XX вв. и предваряется вступительной статьей, содержащей обзор литературы о прорисях и обсуждение насущных проблем в их изучении. В альбоме даются факсимильные воспроизведения в размере подлинника около 100 иконных прорисей.

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199134, С.-Петербург
наб. Макарова, 4

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефакс: (812) 312-72-92